

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

**TOM
vol. 2 N° 4 / 2024**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 4 № 2
2024

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 4 № 2
2024

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 4 № 2 2024

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 4 N° 2 2024

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.

Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В., кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, действительный член (академик) РАО, и.о. ректора Сочинского государственного университета (Россия, Сочи)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилянский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Ляковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI, (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology), (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, full member (academician) of RAO, acting Rector of Sochi State University (Russia, Sochi)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, (Russia, St. Petersburg) (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lechitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А...... 142

Современная девиантология: теории и концепции

Духновский С. В., Шелепина Э. К. Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение..... 143

Психологические исследования девиантного поведения

Астафичева Е. Ю., Пшеничкина Н. А., Хохлачева Е. А. Психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных..... 161

Власов А. Э. Психологические особенности кандидатов, условно рекомендованных на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по результатам профессионального психологического отбора..... 174

Ветренко Р. Н. Психологические предикторы дефектов правовой социализации современных подростков..... 190

Злоказов К. В. Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения..... 204

Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов..... 223

Нежкина Л. Ю., Душкин А. С. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве..... 237

Сабитова И. С. Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление..... 250

Психологическая коррекция девиантного поведения

Янь Цин, Тао Е. Поддержание психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов. Разработка программ «Три круга – три уровня», Четыре измерения – четыре целостные структуры»..... 262

Педагогические исследования

и профилактика девиантного поведения

Шевляков А. С. Чему учить участковых уполномоченных полиции, занимающихся административным надзором?..... 273

Криминологические исследования девиантного поведения

Бавсун М. В., Ильин И. С. Проблемы профилактики, выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации (по материалам г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)..... 287

Сообщения о научных событиях

Рожков А. А. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2024) (аналитический обзор международной научно-практической конференции)..... 301

Юбилей

Якову Ильичу Гилинскому – 90 лет..... 320

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	142
-------------------------	-----

Modern deviantology: theories and concepts

Dukhnovsky S. V., Shelepina E. K. Subjective Assessment of Personal Fatigue Questionnaire: development, psychometric characterisation, application.....	143
--	-----

Psychological research of deviant behavior

Astaficheva E. Yu., Pshenichkina N. A., Khokhlacheva E. A. Psycho-logical resistance to extreme conditions in the organizational behavior of professional rescuers and firefighters.....	161
---	-----

Vlasov A. E. Psychological characteristics of candidates recommended for the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the results of professional psychological selection.....	174
--	-----

Vetrenko R. N. Psychological predictors of defects in legal socialisation of modern adolescents.	190
---	-----

Zlokazov K. V. Self-fulfilment of a criminogenic individual: the importance of social environment.	204
---	-----

Kirillova T. V., Pashukova A. D. Psychological and pedagogical aspects of resocialisation of convicts - former court and law enforcement officials.....	223
--	-----

Nezhkina L. Y., Dushkin A. S. Dissemination of fakes as a way of manipulating public consciousness in the Internet space.....	237
--	-----

Sabitova I. S. The ability of a victim of intimate partner violence to realise the nature of the actions committed against her/him and to resist them.....	250
---	-----

Psychological correction of deviant behavior

Yan Qing, Tao Ye. Constructing a Mental Health Support System for Law Enforcement Officers: An Exploration of the 'Three Circles, Three Layers' and 'Four Dimensions, Four Wholes' Frameworks.....	262
---	-----

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Shevlyakov A. S. What to teach divisional police officers responsible for administrative supervision?.....	273
---	-----

Criminological research of deviant behavior

Bavsun M. V., Ilyin I. S. Problems of prevention, detection and counteraction of terrorist and extremist offences during the pre-election campaign of the President of the Russian Federation (based on the materials of St. Petersburg and the Leningrad region).....	287
---	-----

Reports on scientific events

Rozhkov A. A. Actual problems of law enforcement psychology: concepts, approaches, technologies (Vasiliev Readings – 2024) (analytical review of the international scientific-practical conference).....	301
---	-----

Anniversary

Yakov Ilyich Gilinsky is 90 years old.....	320
--	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-142-143

Уважаемые читатели!

В очередном номере журнала представляем вашему вниманию исследование, посвященное изучению различных аспектов девиантологии.

В рубрике «**Современная девиантология: теории и концепции**» представлено исследование, авторским коллективом которого в целях профилактики и превенции утомленности в рамках ранней психодиагностики предлагается использовать авторский опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности». Оценка утомленности является индикатором доминирующего психического состояния субъекта трудовой деятельности, его мотивационных особенностей и кадровых рисков, проявляющихся в его работоспособности, удовлетворенности профессиональной карьерой, профессиональном и психологическом благополучии. Основное назначение опросника – выявление уровня утомленности сотрудника на основании субъективной оценки особенностей памяти, внимания и работоспособности, он может быть использован в рамках морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел, для определения рисков и ресурсов превенции и профилактики утомленности, психологической помощи, самопомощи сотрудникам, находящимся в данном состоянии.

Рубрику «**Психологические исследования девиантного поведения**» открывает статья, посвященная изучению психологической устойчивости к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных. Авторы утверждают, что психологическая устойчивость спасателей и пожарных – важная цель организационной деятельности, но не состоявшийся факт, поэтому необходимо учитывать, как минимум, мотивационный, сенсомоторный, когнитивный и эмоционально-волевой компоненты.

Автор следующей статьи рассматривает психологические особенности кандидатов, условно рекомендованных на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по результатам профессионального психологического отбора и представляет результаты исследования психологических особенностей кандидатов на службу в полицию, отнесенных к третьей категории профессиональной психологической пригодности и рекомендуемых условно. Результаты исследования подтверждают обоснованность приема на службу лиц, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности, и обозначают перспективные направления их психологического сопровождения на начальном этапе профессионализации.

В статье «**Психологические предикторы дефектов правовой социализации современных подростков**» исследователь утверждает, что выявление психологических предикторов дефектов правовой социализации личности современных подростков остается важной проблемой в контексте сохраняющегося уровня девиантного и преступного поведения среди несовершеннолетних и приходит к выводу, что в основе правового реализма, а именно позитивного отношения к праву лежат достаточные адаптационные способности, высокий уровень осведомленности в научно-культурной области знаний, оптимальный энергетический потенциал, моральная нормативность, совладание со стрессом по типу ассертивных действий, интернальность, склонность к эскапизму.

Актуальность еще одного исследования, представленного в этом разделе – о самореализации криминогенной личности – обусловлена необходимостью предупреждения и профилактики рецидивной преступности лиц, ранее подвергнутых уголовному преследованию. В статье рассматривается значение самореализации как альтернативного криминологическому способу изучения причин совершения преступлений, неудач ресоциализации и реинтеграции в общество после отбывания уголовного наказания.

В продолжение темы ресоциализации осужденных следующая статья посвящена проблемным вопросам и особенностям ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. Авторами описана психолого-педагогическая программа ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, которая состоит из трех блоков: информационно-образовательный блок; интерактивный блок; мультимедийный блок.

Несомненно, интерес читателей вызовет исследование о распространении фейков как способе манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве. Изучение вопроса о распространении фейков в интернет-пространстве, проведенное анкетирование позволили авторам утверждать, что фейки стали частью информационного потока в интернет-пространстве, а значит, частью реальной жизни современного общества, в котором люди постоянно сталкиваются с недостоверной информацией.

В статье «Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление» впервые ситуация насилия в интимно-личностных отношениях рассмотрена как юридически значимая, основанная на квалифицирующих признаках преступления по делам о половой неприкосновенности.

Авторский коллектив из КНР представил исследование «Создание системы поддержки психического здоровья сотрудников правоохранительных органов: разъяснение концепций «Три круга, три слоя» и «Четыре измерения, четыре целостные структуры» в рубрике «Психологическая коррекция девиантного поведения», в котором отмечается, что сотрудники правоохранительных органов подвергаются множеству давлений, связанных с их профессиональными обязанностями, рабочей средой и личными эмоциями. Растущая психологическая нагрузка на сотрудников правоохранительных органов требует разработки эффективной системы поддержки психического здоровья – что обусловлено меняющимися требованиями социального прогресса.

Рубрика «Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения» представлена исследованием, посвященным индивидуальной профилактической работе участковых уполномоченных полиции по осуществлению административного надзора реализацией данного аспекта в системе дополнительного профессионального образования МВД России.

Проблемам профилактики, выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации посвящена статья рубрики «Криминологические исследования девиантного поведения». Авторы отмечают, что предвыборная кампания 2024 года сопровождалась максимальными проявлениями несогласия, нашедшими выражение в откровенно и цинично девиантных формах. Криминологический анализ такой деятельности имеет серьезное значение для дальнейшего прогнозирования криминальной ситуации в период последующих выборов, позволяя разработать совокупность мер по противодействию такому поведению и обеспечению стабильности общественных отношений в дальнейшем. Авторами сформулированы приоритетные задачи, стоящие перед правоохранительной системой в части противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности на дальнейший период.

В разделе «Обзоры конференций» представлен обзор научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2024), которая посвящена памяти советского ученого-психолога, доктора психологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева. В ходе конференции были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Узбекистан по проблемам совершенствования морально-психологического обеспечения правоохранительной деятельности; были обсуждены вопросы перспектив и направлений развития юридической психологии, криминализации личности и механизма формирования преступного поведения, причины и условия, способствующие развитию девиантного поведения в социальных группах подростков и молодежи, риски развивающегося цифрового общества, информационные угрозы и необходимость обеспечения информационно-психологической безопасности личности, управление рисками насилия, актуальные проблемы проведения различных видов судебно-психологических экспертиз, применение методов психологии в целях выявления преступных замыслов, прогнозирования преступного поведения в системе комплексной безопасности, особенности профессионального психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в том числе к действиям в особых условиях, оказание психологической помощи сотрудникам и членам их семей, обеспечение профессионального здоровья сотрудников.

Завершает номер очерк об одном из самых известных и авторитетных криминологов, члене редколлегии «Российского девиантологического журнала» – Якове Ильиче Гилинском, которому в этом году исполнилось 90 лет. От имени всего коллектива журнала поздравляем Якова Ильича с юбилеем, желаем крепкого здоровья и плодотворной научной жизни!

Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель
научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного
поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-144-160

Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение

Сергей Витальевич Духновский

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Элина Константиновна Шелепина

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

shelepinae@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-9904-1517

Аннотация

Введение. Профессиональная деятельность, в том числе и при решении оперативно-служебных задач, предполагает вовлеченность как физических, так и психологических ресурсов сотрудника. Это приводит к усталости, утомлению и риску развития утомленности, снижая работоспособность и качество его деятельности. Ранняя психодиагностика позволяет принять своевременные меры по профилактике и превенции утомленности. Для этого предлагается использовать авторский опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности». Оценка утомленности является индикатором доминирующего психического состояния субъекта трудовой деятельности, его мотивационных особенностей и кадровых рисков, проявляющихся в его работоспособности, удовлетворенности профессиональной карьерой, профессиональном и психологическом благополучии. Основное назначение опросника – выявление уровня утомленности сотрудника на основании субъективной оценки особенностей памяти, внимания и работоспособности. Опросник представляет собой набор из 17 пунктов, каждый из которых оценивается по семибалльной шкале (от 1 – полностью не согласен, до 7 – согласен полностью). Итоговый балл по шкале вычисляется суммированием баллов по всем пунктам опросника. В зависимости от выраженности итогового показателя оценивается уровень утомленности в континууме «усталость – утомление – утомленность». Чем выше балл, тем больше оценки отклоняются в сторону утомленности. **Методы исследования.** Корреляционный и сравнительный анализ. Оценка ретестовой надежности, а также конструктивной и критериальной валидности. **Результаты.** Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» требует минимального времени для проведения и обработки, и может применяться в различных ситуациях, как с практическими, так и с исследовательскими целями. Представленный опросник отвечает основным психометрическим требованиям, предъявляемым

к разработке профессиональных психологических тестов. Опросник может быть использован в рамках морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел, для определения рисков и ресурсов превенции и профилактики утомленности, психологической помощи, самопомощи сотрудникам, находящимся в данном состоянии.

Ключевые слова

усталость, утомление, утомленность, работоспособность, психическое состояние, когнитивная сфера, саморегуляция, мотивация, психодиагностика

Для цитирования: Духновский, С. В., Шелепина, Э. К. (2024). Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 144–160. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-144-160.

Original paper

Subjective Assessment of Personal Fatigue Questionnaire: development, psychometric characterisation, application

Sergey V. Dukhnovsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Ellina K. Shelepina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

shelepinae@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-9904-1517

Abstract

Introduction. Professional activity, including the solution of operational-service tasks, involves both physical and psychological resources of the employee. It results in tiredness, exhaustion and risk of fatigue development, reducing the efficiency and quality of his activity. Early psychodiagnostics makes it possible to take timely measures to prevent fatigue. The author proposes using the questionnaire “Subjective Assessment of Personal Fatigue”. The assessment of fatigue is an indicator of the dominant mental state of the subject of work activity, his motivational features and staff risks, manifested in his efficiency, satisfaction with his professional career, professional and psychological well-being. The main purpose of the questionnaire is to identify the level of employee's fatigue on the basis of subjective assessment of memory, attention and working capacity. The questionnaire is a set of 17 items, each of which is evaluated on a seven-point scale (from 1 – completely disagree to 7 – completely agree). The final scale point is calculated by summing up the points for all items of the questionnaire. Depending on the expression of the total point, the level of fatigue in the continuum “tiredness – weariness – fatigue” is assessed. The higher the point, the more the scales are shifted in the direction of fatigue. **Research Methods.** Correlational and comparative analyses. Assessment of retest reliability and construct and criterion validity. **Results.** The questionnaire “Subjective

Assessment of Personal Fatigue” requires minimal time for implementation and processing, and can be applied in various situations, both for practical and research purposes. The presented questionnaire fulfils the basic psychometric requirements for the development of professional psychological tests. The questionnaire can be used within the framework of moral and psychological support of activity of employees of internal affairs bodies, for determination of risks and resources of prevention of fatigue, psychological assistance, self-help for employees in this state.

Keywords

tiredness, weariness, fatigue, working capacity, mental state, cognitive sphere, self-regulation, motivation, psychodiagnostics

For citation: Dukhnovsky, S. V., Shelepina, E. K. (2024). Subjective Assessment of Personal Fatigue Questionnaire: development, psychometric characterisation, application. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 144–160. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-144-160.

Введение

Усталость, утомленность являются закономерным результатом длительной и напряженной трудовой, в том числе и служебной деятельности, снижая ее качество и негативно влияя на профессиональное, психологическое благополучие, удовлетворенность профессиональной карьерой в целом. Соответственно, профилактика и превенция утомленности может являться одним из направлений морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД. Считаем, что реализация этого возможна благодаря своевременной психодиагностике, эффективность которой, наряду с профессионализмом психологов, определяется качеством используемых оценочных инструментов (психодиагностических методик). Для этого нами предлагается использовать авторский опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности», где когнитивные особенности тестируемого (память и внимание), являются индикатором доминирующего психического состояния субъекта трудовой деятельности, его мотивационных особенностей и кадровых рисков.

Далее обратимся к теоретическому обоснованию, конструированию, психометрической проверке и примерам использования авторской методики «Субъективная оценка уровня утомленности личности».

Теоретическое обоснование опросника

В научно-практическом плане вопросы утомления (утомляемости) рассматривались в исследованиях В. А. Бодрова (Бодров, 2009); В. П. Зинченко, А. Б. Леоновой, Ю. К. Стрелкова (Зинченко, Леонова, Стрелков, 1977); Н. Ф. Измерова, В. Ф. Кириллова¹; Л. В. Куликова (Куликов, 1997); А. Б. Леоновой, С. Б. Величковской (Леонова, Величковская, 2002); Н. Б. Маслова, И. А. Блощинского, В. Н. Максименко (Маслов, Блощинский, Максименко, 2003); М. М. Полевщикова и соавторов, (Полевщиков и др., 2010) и др. Когнитивные особенности (мышление, память, внимание) в оценке утомляемости и работоспособности использовались в работах Б. Б. Величковского (Величковский, 2019); В. В. Захарова, Н. Н. Яхно (Захаров, Яхно, 2003); Б. В. Зейгарник²; А. Р. Лурии (Лурия, 2021, 2023); Л. А. Огородниковой (Огородникова, 2012); С. Я. Рубинштейна (Рубинштейн, 1999, 2010); В. О. Ушакова (Ушаков, 2014); Л. В. Черемош-

¹ Измеров, Н. Ф., Кириллов, В. Ф. (2010). *Гигиена труда: учебник для студентов медицинских вузов*. ГЭОТАР-Медиа.

² Зейгарник, Б. В. (2024). *Патопсихология: учебник для вузов*. Издательство Юрайт.

киной, Т. Н. Осининой, (Черемошкина, Осинина, 2019); Ю. Н. Шувалова³ и др. В указанных выше исследованиях используется категория «утомление» (или «усталость» как его синоним), которая понимается как:

- временное снижение работоспособности под влиянием длительного воздействия нагрузки как результат истощения внутренних ресурсов человека;
- ощущение усталости – это временное снижение умственной или физической работоспособности, вызванное предшествующей деятельностью и сопровождающееся желанием прекратить работу или снизить величину нагрузки;
- показатель временного снижения работоспособности под влиянием рабочей нагрузки, ее вида, интенсивности, продолжительности, воздействия и восстановления (Бодров, 2009);
- особый вид функционального состояния человека, временно возникающий под влиянием работы и приводящий к снижению работоспособности⁴;
- естественная реакция, связанная с нарастанием напряжения при продолжительной работе (Леонова, Величковская, 2002).

Общим для приведенных дефиниций «утомления» является его рассмотрение как состояния, возникающего у субъекта в результате напряженной деятельности (физической, умственной, эмоциональной), способствующего снижению его работоспособности. Укажем, что несмотря на наличие исследований проблема утомленности и, в частности, когнитивных ее особенностей, нуждается в дополнительном теоретическом и эмпирическом анализе и обобщении.

На основе описанных выше теоретических положений была разработана методика – «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ).

В разработанной нами методике, психометрическая характеристика и возможности использования которой будут представлены ниже, предлагается использовать категорию «утомленность», как проявление доминирующего состояния человека в результате интеллектуальной, эмоциональной и / или физической нагрузки как в повседневной жизни, так и профессиональной деятельности, выражающееся в изменении когнитивной сферы человека и приводящее к снижению его работоспособности.

Назначение методики – выявление уровня утомленности сотрудника на основании субъективной оценки особенностей памяти, внимания и работоспособности.

В качестве требований к методике выступили следующие:

1. Пригодность для обследования разных контингентов: здоровых и имеющих нервно-психические расстройства, работников разного возраста, разного уровня образования.
2. Возможность использования методики для изучения утомленности лиц (сотрудников) с различной профессиональной специализацией.
3. Возможность достаточно дифференцированной количественной оценки уровня утомленности личности.
4. Компактность, удобство в использовании. Эти качества необходимы при скрининговых исследованиях.

Конструирование опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности». Работа по созданию опросника началась с обзорно-аналитического исследования вопросов утомления и работоспособности в специализированной научной и практической литературе. В результате чего нами были определены четыре группы индикаторов,

³ Шувалов, Ю. Н. (2013). *Патопсихология: учебное пособие*. Издательство Тульского государственного университета.

⁴ Измеров, Н. Ф., Кириллов, В. Ф. (2010). *Гигиена труда: учебник для студентов медицинских вузов*. ГЭОТАР-Медиа.

отражающих разные стороны когнитивной утомленности: 1) мышление, 2) внимание, 3) память и 4) работоспособность.

1. *Утомленность и мышление*: трудности и дискомфорт, когда необходимо изменить выбранный ранее способ деятельности; переключиться с одного вида деятельности на другой, когда это необходимо; трудности в организации своих мыслей в одном направлении (трудно «собраться с мыслями»); сложности в организации и осуществлении деятельности, особенно в новых, незнакомых для субъекта условиях, ситуациях неопределенности; снижение продуктивности мышления (оно становится менее творческим, оригинальным); появление суеверий; ритуалов, нарушение которых, даже по независящим от субъекта причинам, вызывает дискомфорт.

2. *Утомленность и внимание*: снижение интереса к происходящему (событиям, людям); субъекту трудно сосредоточиться на длительном выполнении какой-либо деятельности, даже на той, которая ранее вызвала интерес; снижение устойчивости внимания и наблюдательности; трудности сосредоточения на чем-либо, в силу постоянного отвлечения на что-либо; отвлекаемость при выполнении чего-либо; невнимательность, приводящая к ошибкам в принятии решений и деятельности; увеличение количества ошибок в силу невнимательности.

3. *Утомленность и память*: забывчивость; субъект быстро забывает, то, что недавно запомнил; требуется больше сил и времени для запоминания и воспроизведения нужной информации; увеличение количества «напоминалок» (в ежедневнике, телефоне и т. п.) чтобы ничего не забыть; субъекту проще узнать что-либо у кого-либо, чем запомнить; неточности в воспоминании и воспроизведении услышанного и / или увиденного; трудности в запоминании и / или точном воспоминании нужной информации; субъект воспринимает новые события как уже происходившие, но не может указать, где и когда; вспоминая события прошлого, субъект порой путает их с настоящим.

4. *Утомленность и работоспособность*: снижение работоспособности при сохранении качества и эффективности деятельности; приложение больших волевых усилий для продолжения работы (деятельности); появление усталости (особенно при умственной нагрузке), которую субъект раньше не замечал; пассивное отношение к событиям, происходящим в жизни субъекта; частое переживание усталости, несобранности, слабости.

Затем были сформулированы суждения, в которых отражены признаки (характеристики) когнитивной утомленности. Таким образом, был получен набор, содержащий 75 суждений.

На следующем этапе для шкалы проводилась оценка дифференцирующей силы суждений. Обследуемым предлагалось оценить каждое суждение по семибалльной шкале, где 1 – полностью не согласен, 2 – согласен в малой степени, 3 – согласен почти наполовину, 4 – согласен наполовину, 5 – согласен более чем наполовину, 6 – согласен почти полностью, 7 – согласен полностью. После анализа первичных статистик и характера распределения ответов из 75 суждений-признаков утомленности были отобраны 38, с наибольшей дифференцирующей силой и лучшими параметрами распределения баллов семибалльной шкалы для оценки степени согласия с суждением (признаком).

Затем, на выборке сотрудников ОВД (123 респондента в возрасте от 23 до 27 лет) был рассчитан «индекс трудности» для каждого пункта шкалы, вычисляемый по формуле: $ИТ = Nв / a * n$, где: $Nв$ – число баллов, полученных всеми испытуемыми в одном утверждении; a – максимальный балл по шкале ответов; n – общее количество ответивших.

Помимо индекса трудности, для каждого пункта были рассчитаны коэффициенты корреляции с итоговым баллом по шкале. После чего были исключены неудовлетворительные пункты: при отборе утверждений мы исходили из того, что значение индекса «трудности» должно быть не менее 0,16 и не более 0,84. Статистические показатели каждого пункта шкалы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Индекс трудности и коэффициент корреляции пункта с итоговым баллом по всему опроснику

Table 1. Difficulty index and item correlation coefficient with the total point score for the entire questionnaire

№	Индекс трудности	Коэффициент корреляции	№	Индекс трудности	Коэффициент корреляции
		Итоговый балл по опроснику			Итоговый балл по опроснику
1.	0,38	0,86	10.	0,37	0,80
2.	0,35	0,83	11.	0,34	0,81
3.	0,30	0,83	12.	0,31	0,86
4.	0,38	0,84	13.	0,41	0,78
5.	0,34	0,83	14.	0,32	0,84
6.	0,31	0,75	15.	0,25	0,80
7.	0,34	0,83	16.	0,27	0,84
8.	0,33	0,88	17.	0,30	0,88
9.	0,32	0,82			

Следующий этап – это факторный анализ, на основе которого была сформулирована итоговая версия шкалы. Ее гомогенность мы проверяли процедурой однофакторного анализа. По окончании этого этапа была составлена окончательная форма шкалы, включающая 17 утверждений. В таблице 2 приведены номера пунктов шкалы и в скобках указаны веса, с которыми пункты вошли в соответствующий фактор.

Таблица 2. Результаты однофакторного анализа пунктов шкалы

Table 2. Results of single factor analyses of scale items

Номер пункта опросника	Факторный вес	Номер пункта шкалы	Факторный вес
1.	0,86	10.	0,80
2.	0,84	11.	0,81
3.	0,83	12.	0,86
4.	0,84	13.	0,78
5.	0,84	14.	0,84
6.	0,76	15.	0,81
7.	0,83	16.	0,85
8.	0,89	17.	0,89
9.	0,83		

Из приведенных данных следует, что все пункты, включенные в шкалу, имеют свое обоснование. Индекс трудности всех пунктов, а также факторная нагрузка являются благоприятными. Коэффициенты корреляции пунктов с итоговым баллом по шкале (всему тесту) являются высоко значимыми, что свидетельствует о дискриминативной способности шкалы. Этот же показатель говорит и о внутренней согласованности шкалы что, в свою очередь, является существенным элементом ее конструктивной валидности.

Далее обратимся к описанию наиболее значимых **результатов психометрической проверки** разработанного нами опросника.

Оценка надежности опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности». В работе придерживаемся положения о том, что «надежность» представляет собой характеристику методики, отражающую точность психодиагностических измерений, а также устойчивость результатов теста к действию посторонних случайных факторов. В основе проверки надежности лежит представление об истинных оценках и ошибках измерения (Батурин и др., 2015; Фер, Бакарак, 2010).

Ретестовая надежность устанавливалась на выборке 105 сотрудников ОВД (70 лиц мужского и 35 женского пола, стаж служебной деятельности от 7 до 10 лет) путем повторного тестирования через 4 недели. Использовался коэффициент корреляции Пирсона. Установлен коэффициент корреляции 0,71, при $p \leq 0,01$, что свидетельствует о достаточной ретестовой надежности «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ).

Надежность по однородности проверялась на выборке 210 сотрудников ОВД (135 респондентов мужского и 75 женского пола, стаж служебной деятельности от 7 до 10 лет). В качестве показателей использовались следующие коэффициенты: Альфа Кронбаха (значение коэффициента 0,72), формула Спирмена-Брауна по полной форме (значение коэффициента 0,75).

Оценка валидности опросника «Субъективная оценка (уровня) утомленности личности», предполагает ответ на вопрос – какие и насколько обоснованные выводы могут быть сделаны на основе тестовых оценок (Батурин и др., 2015; Фер, Бакарак, 2010).

Конструктивная (логическая) валидность (использовалась, чтобы выяснить внутреннюю природу самого измерения) была подсчитана с привлечением в качестве респондентов 24 экспертов-психологов, работающих в Санкт-Петербургском университете МВД России на кафедрах психологии и педагогики, а также юридической психологии. Эксперты заполняли методику за субъекта (тестируемого) с высоким и низким уровнем утомленности. Затем подсчитывалась значимость различий средних при заполнении методики экспертами за респондента с высоким и низким уровнем утомленности. Результаты представлены в таблице 3.

Из таблицы 3 видно, что установленные различия в средних значениях оказались достоверно отличными на уровне $p \leq 0,001$. Таким образом, делаем заключение, что опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» надежен по критерию логической валидности.

Таблица 3. Средние значения оценок экспертов, заполнявших опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» за респондента с высоким и низким уровнем утомленности

Table 3. Average values of experts' marks for respondents with high and low levels of fatigue who completed the questionnaire "Subjective Assessment of Personal Fatigue"

Показатель «СОУ»	Средние значения		Значения t-критерия	P
	Высокий уровень утомленности	Низкий уровень утомленности		
Утомленность	67,5	24,3	6,3	0,001

Проверка конструктивной валидности оценивалась также в ряде корреляционных исследований на выборке 210 сотрудников ОВД (135 респондентов мужского и 75 женского пола, стаж служебной деятельности от 7 до 10 лет). Для ее проверки были использованы методики:

– «Таблицы Шульте» использовались нами для оценки устойчивости внимания и динамики работоспособности (Рубинштейн, 1999).

– «Счет по Крепелину» (умственная работоспособность) применяли для оценки устойчивости произвольного внимания, умственной работоспособности истощаемости (Рубинштейн, 2010).

– «Заучивание 10 слов» использовали для оценки непроизвольного запоминания и утомляемости (Словенко, Яремченко, Хохлов, 2020).

– «Экспериментальная диагностика мнемических способностей», применяли для оценки общего уровня развития мнемических способностей (их производительности, качества и надежности) и определения утомленности и работоспособности тестируемого (Духновский, 2024).

– «Вопросник темперамента», разработанный Л. В. Куликовым, использовался для оценки энергичности, темпа, эмоциональности, импульсивности и пластичности как проявления свойств темперамента⁵.

– «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» (Водопянова, 2009).

– «Доминирующее состояние» (ДС-8), направленный на оценку параметров относительно устойчивых (доминирующих) состояний⁶.

– «Стиль саморегуляции поведения» (ССП), использовалась для оценки степени развития осознанной саморегуляции и частных регуляторных процессов – планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств: гибкости и самостоятельности (Моросанова, 2004).

– «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР) применяли для оценки регулятивного компонента психологической надежности сотрудника, факторами которой выступают: социальная нормативность (ненормативность), интеллект (репродуктивный – креативный), регуляция поведения (рассудочная – эмоциональная) (Духновский, 2021).

– «Определение мотивационного типа личности» (Мотайп), разработанный В. И. Герчиковым для определения преобладающего мотивационного типа работника: инструментального, профессионального, патриотического, хозяйского и избегательного (Герчиков, Опарина, 2006).

Эти методики были выбраны по следующим причинам. Во-первых, они измеряют сходные индивидуально-психологические проявления; во-вторых, не вызывают сомнения их психометрические проверки, что позволяет получать надежные данные при их использовании; в-третьих, их использование нашло свое широкое применение как в научной, так и практической деятельности.

Обратимся к анализу и описанию наиболее значимых корреляционных связей показателя опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» с показателями приведенных выше психодиагностических методик.

⁵ Куликов, Л. В. (2003). *Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению*. Изд-во Санкт-Петербургского университета.

⁶ Куликов, Л. В. (2003). *Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению*. Изд-во Санкт-Петербургского университета.

Установлены взаимосвязи показателя «утомленность» с временем выполнения задания каждой серии методики «Таблицы Шульте» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,53 до 0,62, при $p \leq 0,01$). Так, увеличение показателя утомленность соотносится с повышением времени выполнения задания каждой таблицы, что является индикатором снижения устойчивости внимания и ухудшения работоспособности.

Показатель «утомленность» коррелирует с показателями по методике «Счет по Крепелину». В частности, с показателями скорость (время) выполнения задания ($r = -0,42$, при $p \leq 0,01$) и количество ошибок, как за 30 секунд ($r = 0,55$, при $p \leq 0,01$), так и за весь эксперимент ($r = 0,59$, при $p \leq 0,01$). Соответственно, повышение утомленности сопровождается увеличением времени, используемым субъектом для выполнения задания и количества ошибок в заданиях, которые являются индуктором снижения устойчивости внимания и умственной работоспособности.

Выявленные значимые корреляционные связи показателя «утомленность» с показателями по методике «Заучивание 10 слов» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $-0,43$ до $-0,60$, при $p \leq 0,01$), свидетельствуют о том, что увеличение значений показателя утомленность сопровождается увеличением количества ошибок воспроизведения стимулов (в том числе и отсроченного), в каждой серии методики «Заучивание 10 слов». Таким образом, чем выше утомленность, тем ниже качество произвольного запоминания и воспроизведения информации.

Также установлено, что показатель утомленности взаимосвязан с мнемическими способностями по методике «ДМС» (коэффициенты корреляции с показателями выполнения каждой из семи серий методики находятся в диапазоне от $-0,35$ до $-0,59$, при $p \leq 0,01$). Соответственно повышение утомленности сопровождается снижением производительности, качества и надежности запоминания, сохранения и воспроизведения материала.

На основании полученных эмпирических данных правомерно сделать следующий вывод. Утомленность взаимосвязана с когнитивной сферой субъекта трудовой деятельности. В частности, изменениям подвержены особенности внимания (становится менее устойчивым и концентрированным) и памяти – наблюдается ухудшение мнемических способностей (снижается их производительность, качество и надежность).

В ходе корреляционных исследований были установлены зависимости показателя «утомленность» (по методике «СОУ») со свойствами темперамента – показателями по шкалам методики «ВТ». Результаты представлены в таблице 4.

Из таблицы 4 видим наличие значимых взаимосвязей показателя «утомленности» с показателями свойств темперамента. Так, увлечение значений утомленности сопровождается:

Таблица 4. Матрица интеркорреляций показателя опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» с показателями по методике «Вопросник темперамента» (ВТ)

Table 4. Matrix of intercorrelations of the index of the questionnaire “Subjective Assessment of Personal Fatigue” with the indexes of the method “Temperament Questionnaire”

Показатель «СОУ»	Шкалы методики «ВТ»			
	Энергичность	Эмоциональность	Импульсивность	Пластичность
Утомленность	-0,38	0,45	0,47	-0,51

Примечание: коэффициент корреляции на уровне $p \leq 0,01$

- снижением способности интенсивно выполнять стоящие задачи в течение длительного времени, а также готовности к энергичным действиям, к деятельному изменению существующей ситуации в желаемом направлении (показатель «энергичность»);
- повышением аффективной восприимчивости, впечатлительности, чувствительности к эмоциогенным воздействиям (показатель «эмоциональность»);
- повышением роли эмоционального компонента в регуляции поведения и деятельности над когнитивным, когда принятие решений осуществляется без необходимой оценки ситуации, достаточного продумывания решения и его последствий (показатель «импульсивность»);
- повышением ригидности – негибкости в познавательной деятельности, в социально значимом поведении и деятельности, инертности установок и способов деятельности и поведения, частом предпочтении привычного, знакомого, что ограничивает адаптивность субъектов (показатель «пластичность»).

Также были выявлены значимые взаимосвязи показателя «утомленность» с некоторыми параметрами доминирующего состояния по методике «ДС-8». В частности, установлено, что повышение утомленности сопровождается снижением активности в отношении к жизненной ситуации, усилением пессимизма и неверия в собственные способности и возможности (показатель «активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации» $r = -0,45$, при $p \leq 0,01$); снижением настроения, разочарованностью тем, как идет жизнь, усилением отрицательного эмоционального фона (показатель «бодрость / уныние» $r = 0,43$, при $p \leq 0,01$). Наиболее высокая связь показателя утомленность установлена с показателем по шкале «тонус» ($0,54$, при $p \leq 0,01$). Соответственно, чем выше значения утомленности, тем более выражена у субъекта усталость, несобранность, вялость, инертность, низкая работоспособность, в сочетании с пониженной возможностью проявлять активность, расходовать энергию.

В ходе исследования была установлена зависимость показателя «утомленность» с показателями утомления, монотонии, пресыщения и стресса по методике «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» (ДОРС). Данные представлены в таблице 5.

Наличие значимых корреляционных связей, представленных в таблице 5, говорит о том, что повышение значения «утомленности» сопровождается:

- увеличением истощения, вызванного воздействием интенсивных и продолжительных нагрузок (показатель «индекс утомления»);

Таблица 5. Матрица интеркорреляций показателя опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» с показателями по методике «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» (ДОРС)

Table 5. Intercorrelation matrix of the indicator of the questionnaire “Subjective Assessment of Personal Fatigue” with the indicators of the method “Differential diagnosis of reduced working capacity”

Показатель «СОУ»	Шкалы методики «ДОРС»			
	ИУ	ИМ	ИП	ИС
Утомленность	0,48	0,47	0,45	0,41

Примечание: ИУ – индекс утомления, ИМ – индекс монотонии, ИП – индекс пресыщения, ИС – индекс стресса

Таблица 6. Матрица интеркорреляций показателя опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» с показателями по методике «Стиль саморегуляции поведения» (ССП)

Table 6. Matrix of intercorrelations of the indicator of the questionnaire “Subjective Assessment of Personal Fatigue” with the indicators of the method “Style of self-regulation of behavior”

Показатель «СОУ»	Шкалы методики «ССП»		
	Моделирование	Результат	Самостоятельность
Утомленность	-0,36	-0,35	-0,44

Примечание: коэффициент корреляции на уровне $p \leq 0,01$

- снижением контроля за исполнением деятельности в ситуациях однообразной работы и в силу этого мотивацией (желанием) смены деятельности (показатель «индекс монотонии»);
- повышением неприятия простой и в субъективном плане неинтересной деятельности, сопровождаемое желанием ее прекратить или внести в нее изменение (показатель «индекс пресыщения»);
- повышением вовлеченности психологических ресурсов, их мобилизация для продолжения деятельности (показатель «индекс стресса»).

Таким образом, *утомленность* представляет собой тоническую характеристику психического состояния сотрудника, проявляющуюся в усталости, слабости, уменьшении ресурса сил, эмоциональной неустойчивости (изменчивости настроения, раздражительности, преобладании негативного эмоционального гона), снижении активности, пониженной готовности к длительной работе – что выражается в снижении работоспособности, устойчивости и концентрации внимания, производительности, качестве и надежности запоминания и воспроизведения информации (памяти).

Результаты корреляционного анализа подтвердили наше предположение о существовании взаимосвязи утомленности с особенностями саморегуляции субъекта трудовой деятельности. Данные представлены в таблице 6.

Как видно из таблицы 6, показатель «утомленность» значимо коррелирует с показателями моделирование, результат и самостоятельность (по методике «ССП»). Так, увеличение утомленности сопровождается снижением адекватности в оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств при определении цели и программы ее реализации (показатель «моделирование»); увеличением количества ошибок, ухудшением качества результатов при увеличении объема работы в силу снижения критичности к своим действиям (показатель «результат»); имеет место усиление зависимости от мнений и оценок со стороны окружающих, актуализируется потребность в помощи со стороны других людей, без которой возникают «регуляторные сбои» (показатель по шкале «самостоятельность»).

Таким образом, делаем вывод о том, что *утомленность* взаимосвязана с особенностями осознанной саморегуляции субъекта. Увеличение утомленности, когда внимание становится менее устойчивым со сниженной концентрацией. И мнемическими изменениями (снижается производительность, качество и надежность мнемических способностей), является одним из условий, изменяющих функционирование регуляторных процессов в неблагоприятную для субъекта сторону.

В ходе исследования были установлены взаимосвязи «утомленности» с индикаторами регулятивного компонента надежности субъекта трудовой деятельности. Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7. Матрица интеркорреляций показателя опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» с показателями по методике «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР)

Table 7. Intercorrelation matrix of the indicator of the questionnaire “Subjective Assessment of Personal Fatigue” with the indicators of the methodology “Normativity. Intelligence. Regulation”

Показатель «СОУ»	Шкалы методики «НИР»			
	Нормативность	Интеллект	Регуляция	Образ себя
Утомленность	0,15	0,43	-0,45	0,43

Примечание: коэффициент корреляции на уровне $p \leq 0,01$

Данные таблицы 7 говорят о следующем. Наличие значимых корреляционных связей показателя «утомленность» с показателем «интеллект» говорит о том, что увеличение значений по шкале утомленность сопровождается отклонениями показателей в сторону репродуктивных интеллектуальных способностей, при которых эффективность трудовой деятельности зависит от четких инструкций и рекомендаций, субъект испытывает сложности в условиях дефицита ресурсов (времени, информации), в трудных, неопределенных для себя ситуациях.

Показатели по шкале утомляемость взаимосвязаны с показателем регуляция. Соответственно повышение утомленности сопровождается отклонением оценок в сторону эмоциональной регуляции поведения, когда эмоции начинают доминировать над рассудком в принятии решений, в состоянии эмоционального возбуждения у субъекта может снижаться эффективность психической саморегуляции.

Наличие значимой корреляционной связи показателя утомленности с показателем «положительный (отрицательный) образ себя» говорит о следующем. Увеличение значений показателя «утомленность» сопровождается повышением критичности самооценивания субъектов, что в крайних вариантах может проявляться в негативном отношении к себе. Таким образом, делаем вывод о том, что когнитивная утомленность взаимосвязана с отношением субъекта к себе, своим индивидуально-психологическим особенностям (личностным качествам, способностям и возможностям). Снижение утомленности может выступать одним из условий, положительно влияющих на самоотношение.

В ходе исследования также выявлены значимые корреляционные связи показателя «утомленность» по методике «СОУ» с показателями по шкалам анкеты-опросника «Определение мотивационного типа личности». Установлено, что при увеличении показателя «утомленность» имеет место снижение показателей мотивационных типов «профессионального», «патриотического» и «хозяйского» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $-0,41$ до $-0,47$, при $p \leq 0,01$) и увеличение значений по шкалам «инструментальный» и «избегательный» типы мотивации (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $0,48$ до $0,51$, при $p \leq 0,01$). Соответственно когнитивная утомленность связана с мотивационными особенностями субъекта трудовой деятельности. Так, ее повышение сопровождается тем, что профессиональная (служебная) деятельность рассматривается субъектом либо как источник дохода или иных благ, получаемых за ее выполнение, не являясь для него ценностью (инструментальный тип), либо субъект стремится к избеганию работы (решения служебных задач), связанных с личной ответственностью, его основное стремление – минимизировать свои трудовые усилия на уровне, допустимом со стороны непосредственного руководителя (избегательный тип).

Таким образом, все проанализированные выше корреляции имеют логическую основу, поэтому делаем вывод о конструктивной валидности опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ).

В рамках психометрической проверки опросника «Субъективная оценка (уровня) утомленности личности», использовали оценку *критериальной валидности*, которая определялась нами методом сравнения контрастных групп. В качестве критерия выступило различие между двумя группами сотрудников ОВД. В *первую группу* вошли сотрудники, в количестве 57 человек, профессиональная деятельность которых проходила в усиленном режиме несения службы на протяжении двух месяцев до обследования. В *вторую* вошли сотрудники в количестве 75 человек, профессиональная деятельность которых проходила в повседневном режиме несения службы на протяжении двух месяцев до обследования. Достоверность различий между этими группами определялась с помощью t-критерия Стьюдента. Результаты сравнения показали, что сотрудники, чья деятельность проходила в усиленном режиме несения службы, имеют статистически значимые более высокие средние показатели по опроснику «Субъективная оценка уровня утомленности личности» ($63,7 \pm 9,3$ против $27,0 \pm 5,1$, значение t-критерия 3,7, при $p \leq 0,001$).

На основании результатов, полученных в ходе исследования, делаем вывод о том, что опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ), обладает конструктивной и критериальной валидностью.

Предварительный расчет нормативных показателей проводился на выборке 300 сотрудников ОВД в возрасте от 24 до 42 лет (197 сотрудников мужского пола и 103 женского), все

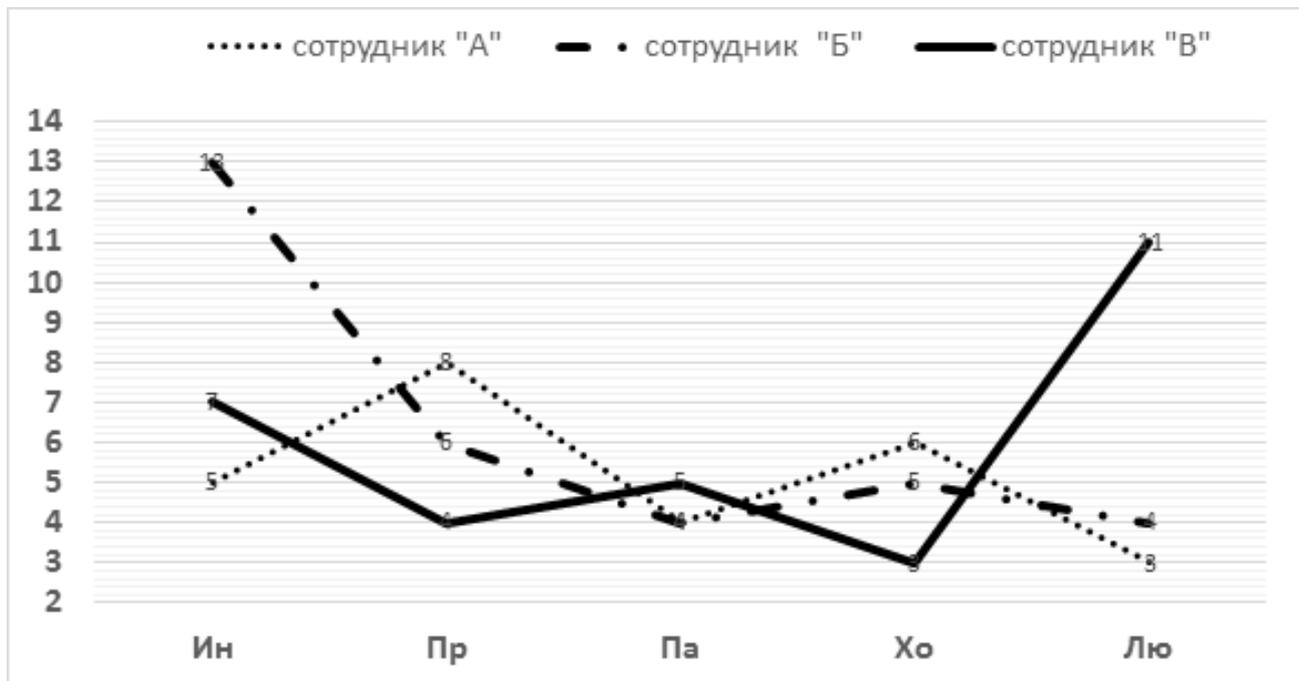

Рис. 1. Мотивационный профиль сотрудников с разным уровнем утомленности

Fig. 1. Motivational profile of employees with different levels of fatigue

Примечание: Ин – инструментальная мотивация, Пр – профессиональная мотивация, Па – патриотическая мотивация, Хо – хозяйская мотивация, Лю – избегательная (люмпенизированная) мотивация

граждане России, имеющие образование не ниже полного среднего. В качестве стандартной шкалы для расчета тестовых норм была использована шкала «стэнов».

Далее в качестве примера использования разработанного нами опросника «СОУ» приведем мотивационные профили (полученные по методике «Мотайп») сотрудников с разным уровнем утомленности.

На рисунке 1 представлены мотивационные особенности сотрудников с разным уровнем утомленности. Так, у *сотрудника «А»* показатели по методике «Субъективная оценка уровня утомленности личности» выражены на среднем уровне (6 стэнов), который нами обозначен как «усталость». Мотивация поддерживается интересом к работе и несмотря на усталость, желанием доказать себе, что он способен справиться с трудными задачами, возникающими в оперативно-служебной деятельности. Считаем, что данный сотрудник находится в зоне риска, когда усиление рабочей нагрузки может приводить к истощению психологических ресурсов, как результат – утомление (а в крайнем случае утомленность) и снижение работоспособности. У *сотрудника «Б»* показатели утомленности находятся на повышенном уровне (в диапазоне 8 стэнов) и доминированием «инструментальной» мотивации. У обследованного имеет место потеря интереса к профессиональной служебной деятельности, которая начинает рассматриваться им только как источник заработка и иных благ, получаемых за службу (например, более ранний выход на пенсию). *Сотрудник «Б»* отличается высокой утомленностью (показатель опросника «СОУ» равен 9 стэнам) с выраженной «избегательной» мотивацией. На фоне утомленности ему свойственна слабая мотивация к эффективной служебной деятельности, старается избежать решения задач, связанных с личной ответственностью, не проявляя никакой активности, минимизируя свои служебные усилия на уровне, допустимом со стороны непосредственного начальника.

Заключение

Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ) требует минимального времени для проведения и обработки и может применяться в различных ситуациях, как с практическими, так и с исследовательскими целями. Представленный опросник отвечает основным психометрическим требованиям, представленным в «Российском стандарте тестирования персонала» (Батурин и др., 2015). В настоящее время авторами проводятся исследования возможности оценки регулятивных, мотивационных и личностно-типологических кадровых рисков, релевантных уровням утомленности субъекта трудовой (служебной) деятельности, а также определение ресурсов превенции и профилактики утомленности, психологической помощи и самопомощи лицам с данным состоянием в рамках морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

- Батурин, Н. А., Вучетич, Е. В., Костромина, С. Н. и др. (2015). Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году). *Организационная психология*, Т. 5, 2, 67–138.
- Бодров, В. А. (2009). *Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы*. Москва: «Когито-Центр».
- Величковский, Б. Б. (2019). Когнитивные эффекты умственного утомления. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 108–122.
- Водопьянова, Н. В. (2009). *Психодиагностика стресса*. Санкт-Петербург: Питер.
- Духновский, С. В. (2024). Экспериментальная диагностика мнемических способностей: описание методики и возможности использования. *Российский девиантологический журнал*, 1, 10–21. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-1-10-21>

- Захаров, В. В., Яхно, Н. Н. (2003). *Нарушения памяти*. Москва: Издательский дом «Гэотар-Мед».
- Зинченко, В. П., Леонова, А. Б., Стрелков, Ю. К. (1977). *Психометрика утомления*. Москва: Издательство Московского университета.
- Куликов, Л. В. (1997). *Психология настроения: монография*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Леонова, А. Б., Величковская, С. Б. (2002). Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности. В А. О. Прохоров (ред.), *Психология психических состояний: 200-летию Казанского университета посвящается: сборник статей* (Том 4, стр. 326–343). Казань: Центр инновационных технологий.
- Лурия, А. Р. (2023). *Основы нейропсихологии*. Санкт-Петербург: Питер.
- Лурия, А. Р. (2021). *Потерянный и возвращенный мир. Маленькая книжка о большой памяти*. Санкт-Петербург: Питер.
- Маслов, Н. Б., Блощинский, И. А., Максименко, В. Н. (2003). Нейрофизиологическая картина генеза утомления, хронического утомления и переутомления человека-оператора. *Физиология человека*, 29 (5), 123–133.
- Моросанова, В. И. (2004). *Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство*. Москва: Когито-Центр.
- Огородникова, Л. А. (2012). Подходы к исследованию памяти и мнемических способностей в отечественной и зарубежной психологии. *Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки*, 308–312.
- Полевщиков, М. М., Роженцов, В. В., Палагин, Ю. С., Матвеев, Р. Ю. (2010). Исследование утомления человека при выполнении физической нагрузки психофизиологическими методами. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 16 (1), 135–138.
- Рубинштейн, С. Я. (1999). *Экспериментальные методики патопсихологии*. Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс.
- Рубинштейн, С. Я. (2010). *Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике*. Москва: Издательство Института психотерапии, Апрель-Пресс.
- Словенко, Е. Д., Яремченко, П. И., Хохлов, Н. А. (2020). Нормативные характеристики выполнения методики «Заучивание 10 слов» и способы выявления установочного поведения при исследовании памяти. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 3, 52–85.
- Ушаков, В. О. (2014). Исследование динамики функционирования механизмов мнемических способностей при усложнении мнемической задачи. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11 (3), 149–163.
- Черемошкина, Л. В., Осинина, Т. Н. (2019). *Память: закономерности воспроизведения учебного материала: монография*. Москва: Юрайт.
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика. Введение: монография*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.

References

- Baturin, N. A., Vuchetich, E. V., Kostromina, S. N. i dr. (2015). Rossijskij standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu). *Organizatsionnaya psihologiya*, T. 5, 2, 67–138.

- Bodrov, V. A. (2009). *Professional'noe utomlenie: fundamental'nye i prikladnye problemy*. Moscow: «Kogito-Centr».
- Velichkovskij, B. B. (2019). Kognitivnye efekty umstvennogo utomleniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 1, 108–122.
- Vodop'yanova, N. V. (2009). *Psihodiagnostika stressa*. Saint Petersburg: Piter.
- Duhnovskij, S. V. (2024). Eksperimental'naya diagnostika mnemicheskikh sposobnostej: opisaniye metodiki i vozmozhnosti ispol'zovaniya. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1, 10–21. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-1-10-21>
- Zaharov, V. V., Yahno, N. N. (2003). *Narusheniya pamyati*. Moscow: Izdatel'skij dom «Geotar-Med».
- Zinchenko, V. P., Leonova, A. B., Strelkov, YU. K. (1977). *Psihometrika utomleniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kulikov, L. V. (1997). *Psihologiya nastroyeniya: monografiya*. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Leonova, A. B., Velichkovskaya, S. B. (2002). Differencial'naya diagnostika sostoyanij snizhennoj rabotosposobnosti. V A. O. Prohorov (red.), *Psihologiya psihicheskikh sostoyanij: 200-letiyu Kazanskogo universiteta posvyashchaetsya: sbornik statej* (Tom 4, str. 326–343). Kazan': Centr innovacionnyh tekhnologij.
- Luriya, A. R. (2023). *Osnovy nejropsihologii*. Saint Petersburg: Piter.
- Luriya, A. R. (2021). *Poteryannyj i vozvrashchennyj mir. Malen'kaya knizhka o bol'shoj pamyati*. Saint Petersburg: Piter.
- Maslov, N. B., Bloshchinskij, I. A., Maksimenko, V. N. (2003). Nejrofiziologicheskaya kartina gena za utomleniya, hronicheskogo utomleniya i pereutomleniya cheloveka-operatora. *Fiziologiya cheloveka*, 29 (5), 123–133.
- Morosanova, V. I. (2004). *Oprosnik «Stil' samoregulyacii povedeniya» (SSPM): Rukovodstvo*. Moscow: Kogito-Centr.
- Ogorodnikova, L. A. (2012). Podhody k issledovaniyu pamyati i mnemicheskikh sposobnostej v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 308–312.
- Polevshchikov, M. M., Rozhencov, V. V., Palagin, YU. S., Matveev, R. Yu. (2010). Issledovanie utomleniya cheloveka pri vypolnenii fizicheskoj nagruzki psihofiziologicheskimi metodami. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika*, 16 (1), 135–138.
- Rubinshtejn, S. Ya. (1999). *Eksperimental'nye metodiki patopsihologii*. Moscow: ZAO Izd-vo EKS-MO-Press.
- Rubinshtejn, S. Ya. (2010). *Eksperimental'nye metodiki patopsihologii i opyt primeneniya ih v klinike*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psihoterapii, Aprel'-Press.
- Slovenko, E. D., Yaremchenko, P. I., Hohlov, N. A. (2020). Normativnye harakteristiki vypolneniya metodiki «Zauchivanie 10 slov» i sposoby vyyavleniya ustanovochnogo povedeniya pri issledovanii pamyati. *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri*, 3, 52–85.
- Ushakov, V. O. (2014). Issledovanie dinamiki funkcionirovaniya mekhanizmov mnemicheskikh sposobnostej pri uslozhnenii mnemicheskoy zadachi. *Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki*, 11 (3), 149–163.
- Cheremoshkina, L. V., Osinina, T. N. (2019). *Pamyat': zakonmernosti vosproizvedeniya uchebnogo materiala: monografiya*. Moscow: Yuraït.
- Fer, R. M., Bakarak, V. R. (2010). *Psihometrika. Vvedenie: monografiya*. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUURGU.

Информация об авторах

Сергей Витальевич Духновский – профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

Элина Константиновна Шелепина – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the authors:

Sergey V. Dukhnovsky – Professor of the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Ellina K. Shelepina – graduate of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.05.2024

Одобрена после рецензирования 24.06.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted May 13, 2024

Approved after reviewing Juny 24, 2024

Accepted July 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-161-173

Психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных

Елена Юрьевна Астафичева

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия)
elenaastaficheva@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6767-4606

Наталья Александровна Пшеничкина

ГКУ «Служба спасения»;
Волгоградский государственный технический университет
(Волгоград, Россия) vaphm@list.ru.

ORCID: 0009-0004-1942-1654

Екатерина Анатольевна Хохлачева

Университет ФСИН России
(Санкт-Петербург, Россия)
khokhlacheva-777@mail.ru

ORCID: 0009-0008-5331-4018

Аннотация

Введение. Проблема обеспечения психологической устойчивости к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных представляется в современной науке весьма актуальной, теоретически и практически значимой. **Цель статьи** – исследование ряда актуальных проблем, связанных с обеспечением психологической устойчивости к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных. Психологическая устойчивость спасателей и пожарных – важная цель организационной деятельности, но не состоявшийся факт. Здесь необходимо учитывать как минимум мотивационный, сенсомоторный, когнитивный и эмоционально-волевой компоненты. Психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении спасателей и пожарных нуждается в научно обоснованном, эффективном, продуктивном и деятельном управлении. **Методы.** В работе применялись как общие, так и специальные методы познания, выработанные и апробированные психологической наукой: анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного исследования; межотраслевой теоретико-методологический подход. **Результаты.** Авторы обосновывают точку зрения, что при несомненной важности осуществления непосредственно спасательных и противопожарных функций существенную роль играет и психологический фактор. Внезапность и неожиданное изменение обстановки определяют адекватный темп действий. Спасатели и пожарные должны проявлять спо-

Астафичева Е. Ю., Пшеничкина Н. А., Хохлачева Е. А./ Astaficheva E. Yu., Pshenichkina N. A., Khokhlacheva E. A.

способность к психологической мобилизованности, подавлению разногласий и обеспечению сплоченности, гарантируя таким образом минимизацию соперничества и включение персонала в единый, быстро действующий механизм. Для этого необходимо формирование волевых качеств и соответствующих привычек организационного поведения.

Ключевые слова

организационное поведение, психологическая устойчивость, профессиональный стресс, адаптация к изменениям, организационная культура, безопасность жизнедеятельности, экстремальная ситуация

Для цитирования: Астафичева, Е. Ю., Пшеничкина, Н. А., Хохлачева, Е. А. (2024). Психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 161–173. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-161-173.

Original paper

Psychological resistance to extreme conditions in the organisational behavior of professional rescuers and firefighters

Elena Yu. Astaficheva

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint Petersburg, Russia)
elenaastaficheva@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6767-4606

Natalia A. Pshenichkina

State Institution "Rescue Service"; Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)
vaphm@list.ru

ORCID: 0009-0004-1942-1654

Ekaterina A. Khokhlacheva

University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Saint Petersburg, Russia)
khokhlacheva-777@mail.ru

ORCID: 0009-0008-5331-4018

Abstract

Introduction. The problem of ensuring psychological resistance to extreme conditions in the organisational behavior of professional rescuers and firefighters seems relevant, theoretically and practically significant in modern science. **The purpose** of the article is to study a number of current problems related to ensuring psychological resistance to extreme conditions in the organisational behavior of professional rescuers and firefighters. Psychological resistance of rescuers and firefighters is an important organisational goal, but not an established fact. In this setting it is necessary to take into account at least motivational, sensorimotor, cognitive and emotional-volitional components. Psychological resistance to extreme conditions in the organisational behavior of rescuers and firefighters requires scientifically

sound, effective, productive and efficient management. **Methods.** Both general and special methods of cognition developed and tested by psychological science were used in the research: analysis and synthesis, induction and deduction, systemic research; cross-sectoral theoretical and methodological approach. **Results.** The authors substantiate the following point of view: while the implementation of direct rescue and fire-fighting functions is undoubtedly important, the psychological factor plays a significant role. Suddenness and unexpected changes in the situation predetermine an adequate pace of action. Rescuers and firefighters must display ability to mobilise psychologically, mend the differences and promote cohesion, thereby ensuring that rivalry is minimised and the entire personnel are integrated into a single, responsive mechanism. This requires the formation of volitional powers and corresponding habits of the organisational behavior.

Keywords

organisational behavior, psychological resistance, professional stress, adaptation to change, organisational culture, life safety, extreme situation

Для цитирования: Astaficheva, E. Yu., Pshenichkina, N. A., Khokhlacheva, E. A. (2024). Psychological resistance to extreme conditions in the organizational behavior of professional rescuers and firefighters. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 161–173. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-161-173.

Введение

Профессиональная деятельность во многих сферах служебных и трудовых отношений сопровождается высокой психоэмоциональной нагрузкой (Першина, 2017), предполагает эмоциональную стабильность (Усова, 2013) и влечет за собой ряд психогенных последствий. При воздействии соответствующих факторов сотрудник организации может проявить либо психологическую устойчивость, либо, напротив, уязвимость. В первом случае принято говорить о совладающем поведении (Семенов, 2008, с. 7), ситуационной мобильности мышления, умения выйти из положения с минимальными потерями, поскольку служащий или работник был психологически настроен «бороться» и добиться поставленной цели. В другом – наблюдаются противоположные реакции на полученный стресс: печаль, гнев, страх, разочарование, апатия, фрустрация и т. д., что блокирует или существенным образом затрудняет полноценную реализацию сотрудником его служебных или трудовых функций. Это в современной науке обуславливает теоретико-методологический интерес к проблеме психологической устойчивости в организационном поведении.

Вопрос о психологической устойчивости как таковой более широкий, он охватывает ряд важных научных и практически прикладных проблем (Шиняев, 2011; Карханина, 2018), многие из которых достаточно полно исследованы в теории и находят вследствие этого применение в эмпирической сфере. Особенность организационного поведения состоит главным образом в том, что психотравмирующие факторы не поддаются исключению. Если речь идет, например, о выработке и поддержке психологической устойчивости в отношениях с незнакомыми людьми, для эффективной защиты от психотравмирующих факторов целесообразно порекомендовать прежде всего исключение контактов с подобными контрагентами. В организационном поведении это невозможно, пока человек состоит на службе или в трудовых отношениях. Выбор, конечно, есть и здесь, но он является весьма затруднительным.

При прочих равных условиях при теоретическом моделировании психологической устойчивости в организационном поведении мы исходим из предположения, что служащий или работник вынужден находиться в соответствующих психотравмирующих обстоятельствах и исключить их своей волей он не имеет возможности, пока защитный механизм полностью

не исчерпает свой потенциал и это не приведет к увольнению такого индивида из организации. В любом случае существенную роль здесь играет денежный фактор, поскольку люди осуществляют служебные и трудовые обязанности за материальное вознаграждение.

Материальным вознаграждением можно пожертвовать, если психологическая устойчивость неспособна полноценно гарантировать защиту личности от психотравмирующих факторов в организации. Общая же закономерность заключается в том, что служащие и работники в силу своего статуса и должностного положения вынуждены вырабатывать эффективную способность адаптации к негативному воздействию психогенных факторов и им активно противодействовать, чтобы продуктивно выполнять таким образом служебные и трудовые обязанности (Вольвич, 2018, с. 73). Важную роль играют не только самоорганизация и самоконтроль работников и служащих, но и целенаправленные гарантии со стороны корпорации (организационная культура, эффективное руководство, отношения в трудовом коллективе, благоприятный психологический климат и др.) (Парфенова, Авилова, Ледовская, 2019; Супруненко, 2018).

Сказанное в полной мере относится к организациям и корпорациям, основное предназначение которых состоит в обеспечении эффективной деятельности в экстремальных условиях. Стрессогенный характер имеют многие профессии – врача, летчика-испытателя, работника аварийной коммунальной службы и т. д. Даже обучающиеся в образовательных организациях и педагогические работники эпизодически сталкиваются с необходимостью защиты от неизбежных психотравмирующих факторов (при сдаче экзаменов и зачетов, защите выпускных квалификационных работ, конкурсном отборе на профессорско-преподавательские должности, публичной защите кандидатских и докторских диссертаций, разрешении вопросов о лишении ученых степеней и др.).

Однако есть ряд организаций и профессий, экстремальный характер деятельности которых говорит сам за себя и по существу предопределяет их основное социальное предназначение. Наиболее показательный пример такого рода – участие военнослужащих в осуществлении боевых действий: психотравмирующие факторы воздействуют постоянно, вплоть до завершения вооруженного конфликта; если военнослужащие осуществляют свои обязанности в силу правительственного акта о мобилизации, они лишены возможности выбора и не могут своей волей исключить воздействие психотравмирующих факторов путем подачи заявления об увольнении, как это гарантируется в традиционных корпорациях.

Экстремальные условия работы и службы характерны для организаций правоохранительной системы (полиция, следствие, прокуратура, правосудие, пенитенциарная система, отчасти адвокатура). Наконец, экстремальная природа в силу организационного статуса имманентно присуща деятельности профессиональных спасателей и пожарных. Несмотря на ряд общих закономерностей, осуществление данной категорией лиц своих служебных и профессиональных обязанностей имеет определенную специфику, что заслуживает отдельного внимания в научных исследованиях.

Это дает основания исследователям утверждать о наличии «профессионального менталитета безопасности в организациях повышенного риска» (Бессонова, 2020), «культуры безопасности жизнедеятельности» (Аюбов, Твердохлебов, Хоруженко, 2012, с. 37) и «профессионально-деонтологической культуры сотрудников МЧС» (Деккерт, 2014, с. 35). По мнению В. И. Сорокина, корпоративная культура представляет собой «мощный стратегический инструмент», который позволяет обеспечить внутреннюю мобилизацию, лояльность к политике руководства и облегчить межличностное общение (Сорокин, 2012). С точки зрения О. С. Романовой и А. А. Лазарева, главной целью при этом должна стать реализация «общего корпоративного интереса», направленного на защиту населения от чрезвычайных ситуаций

и создание условий для безопасности жизнедеятельности граждан (Романова, Лазарев, 2023). В организациях повышенного риска следует стремиться к обеспечению «психологического благополучия» (Бессонова, Обознов, Петрович, 2018) и «психологической безопасности» (Обознов, Бессонова, 2017), с тем чтобы при минимизации соответствующих рисков вопросам безопасности уделялось должное внимание (Головач, 2018).

Таким образом, проблема обеспечения психологической устойчивости к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных представляется в современной науке весьма актуальной, теоретически и практически значимой.

1. Структура экстремальных условий и оценка степени их влияния на психологическое благополучие служащих и работников организаций.

Вынужденно экстремальный характер деятельности спасателей и пожарных обусловлен необходимостью защиты населения и территорий от техногенных катастроф, стихийных бедствий и несчастных случаев. В первом случае речь идет о вероятных и, к сожалению, эпизодически наблюдаемых техногенных катастрофах в ядерной, химической, металлургической промышленности, авариях на транспорте, нефтепроводах и газопроводах, гидротехнике. Стихийные природные бедствия могут быть обусловлены факторами геологического (землетрясения, извержения вулканов, сели, оползни, обвалы, лавины), гидрологического (наводнения, цунами, лимнологические катастрофы), метеорологического (смерчи, циклоны, метели, грады, засухи) характера. Пожары вызываются комплексом разнообразных причин, включая естественное происхождение (лесные и торфяные пожары), преднамеренные действия (поджоги) и неосторожное обращение с огнем, нарушение правил пожарной безопасности. Имеется вероятность и наблюдаются актуальные риски для жизни и здоровья населения вследствие террористических актов и диверсий.

Все это в комплексе и системном единстве предопределяет служебную обязанность спасателей и пожарных принимать оперативные и неотложные меры, действовать эффективно и слаженно. При несомненной важности осуществления непосредственно спасательных и противопожарных функций заметную роль при этом играет психологический фактор. Внезапность и неожиданное изменение обстановки предопределяют адекватный темп действий. Спасатели и пожарные должны проявлять способность к психологической мобилизованности, подавлению разногласий и обеспечению сплоченности, гарантируя таким образом минимизацию соперничества и включение персонала в единый, быстро действующий механизм. Для этого необходимо формирование *волевых качеств* и соответствующих *привычек организационного поведения*. Психологическая устойчивость к экстремальным условиям предполагает наличие у спасателей и пожарных личных и деловых качеств, характеризующих достаточную психологическую *гибкость, адаптивность, приспособляемость и мобильность психики* в целом. Это характеризует «профессиональный облик» спасателей и пожарных, которые организационно обязаны проявлять незаурядные способности к действию в экстремальных условиях.

Данные теоретико-методологические установления кажутся очевидными и не вызывающими каких-либо сомнений. Вместе с тем следует учитывать, что настоящие действующие спасатели и пожарные далеко не тождественны их идеальной нормативной модели. В природе не встречаются абсолютно эффективные и безусловно надежные люди, которые всегда готовы жертвовать другими целями ради обеспечения безопасности потенциальных пострадавших от чрезвычайных ситуаций. Психологическая устойчивость спасателей и пожарных – важная *цель* организационной деятельности, но не состоявшийся *факт*. Здесь необходимо учитывать, как минимум, *мотивационный, сенсомоторный, когнитивный и эмоционально-волевой* компоненты.

Спасатели и пожарные должны руководствоваться установкой на готовность действовать, но в действительности могут проявить апатию или неуверенность; в силу нормативных

требований они обязаны проявлять эмоциональную отстраненность, но в действительности нередко оказываются в состоянии шока или неспособности контролировать свою психоэмоциональную сферу. Профессиональный стресс спасателей и пожарных включает в себя не только острый и травматический компоненты, которые вызываются непосредственным воздействием конкретной и данной экстремальной ситуации, но также накопленный и хронический стресс, который вследствие регулярности деструктивного воздействия психотравмирующих факторов дает суммарную реакцию и синергетический эффект, что нередко приводит к психологическому истощению и профессиональному выгоранию.

При подобных обстоятельствах выглядит научно обоснованной необходимостью *институциональной и комплексной системы обеспечения* психологической устойчивости спасателей и пожарных к экстремальным условиям в их организационном поведении. Это не должно быть «пущено на самотек» как якобы второстепенный фактор служебной и трудовой деятельности или сфера исключительно самоорганизации и самоконтроля персонала, в которой отсутствовала бы какая-либо существенная область ответственности руководства, сфера влияния коллектива и организационной культуры организации. Напротив, обеспечение психологической устойчивости спасателей и пожарных – одна из ключевых и перманентных функций корпоративной организации системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, что имеет, во всяком случае, не меньшее организационное значение, чем сама технология спасения жизни людей и тушения пожаров.

Если спасатель или пожарный «технологически умеет» спасать людей и тушить пожары, но в экстремальной ситуации оказывается «психологически неспособным» к соответствующим действиям – его профессиональные знания, навыки и умения оказываются нереализованными. В отличие от спасательных и пожарных действий, которые частично осуществляют роботы, компьютеры и механизмы, живые люди имеют волю, разум и эмоции, которыми необходимо *эффективно управлять* или, во всяком случае, следует их в достаточной степени учитывать как *существенный психологический фактор организационного поведения*.

2. Управление психологической устойчивостью к экстремальным условиям в организационном поведении.

Вышесказанное дает основания полагать, что психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении спасателей и пожарных нуждается в научно обоснованном, эффективном, продуктивном и деятельном управлении. Единой методики здесь не существует, однако анализ научной и специальной литературы показывает следующую общую направленность соответствующих методических рекомендаций: во-первых, целесообразно учитывать *темпоральный фактор* («вхождение» – «пребывание» – «возвращение»; или: «*преситуация*» – «*ситуация*» – «*постситуация*»); во-вторых, необходимо охватывать его основные *институты* (наиболее емко их сформулировал, на наш взгляд, Питер Клоу: «контроль», «целеустремленность», «ориентированность на риск», «уверенность»). Сочетание темпорального и институционального подходов, как показывают результаты исследований, в подавляющем большинстве случаев позволяет фиксировать весьма положительные результаты.

Обеспечение психологической устойчивости к экстремальным условиям спасателей и пожарных – процесс *многостадийный*, его нельзя сводить к организационно-психологическому сопровождению деятельности только *в момент* воздействия психотравмирующих факторов. Прежде чем данные факторы непосредственно начнут свое негативное воздействие на психику, спасатель или пожарный должны к этому *подготовиться* с организационно-психологической точки зрения. Чаще всего это происходит автоматически, незаметно для самого работника и служащего, его коллег и руководства. Но подготовительный этап необходим всегда,

даже если по времени он занимает считанные минуты. В таких случаях обычно говорят, что на будущую психотравмирующую ситуацию необходимо «настроиться».

ИмPLICITная (неявная, скрытая) форма предварительной психологической защиты часто оказывается достаточной, но в практической действительности нередко требуется *эксплицитный* подготовительный этап (явный, открытый, осязаемый, поддающийся анализу и внешнему контролю). Надлежащее психологическое состояние спасателя или пожарного перед началом воздействия психотравмирующей ситуации может быть обеспечено посредством самостоятельного тренинга, инструктажа руководства, поддерживающих высказываний более опытных коллег, работы профессионального психолога и т. д. Таким образом психика служащего или работника заблаговременно настраивается на принятие риска, гибкость, способность выйти за рамки личного опыта и опереться на организационно-поведенческие паттерны других лиц. На данном этапе можно эффективно преодолеть тотальную психологию страха и ложное чувство чрезмерной опасности, скорректировать мотивационную сферу (адекватность побуждений будущей ситуации), поддержать нормальное состояние психосоматики (управление телом, жестикуляцией и мимикой; особенно – блокировать тремор рук, дрожание голоса и т. д.). Это, конечно, не устраняет *реальность* будущей опасности для жизни и здоровья, но создает достаточные организационно-психологические *установки на предстоящие действия* спасателя или пожарного, чтобы они были *профессиональными и конструктивными*. Во всяком случае, на подготовительном этапе необходимо *устранить ощущение непреодолимости* психотравмирующих факторов.

Обеспечение стрессоустойчивости в момент осуществления спасательных и пожарных работ – весьма сложная организационно-психологическая проблема, причем процесс управления данными явлениями, как правило, трансформируется в имPLICITную сферу. Надлежащий психологический настрой на экстремальную ситуацию во многом поддерживается предыдущим этапом организационно-психологической работы, результаты которой продолжают действовать «по инерции». Однако не следует исключать эффективность поддерживающего воздействия коллег по спасательной или пожарной команде, если соответствующие виды работ осуществляются коллективом людей. Так, наблюдение за поведением других членов команды, которые проявляют адекватные психологические реакции на психотравмирующую ситуацию, позволяет взять под оперативный самоконтроль и собственное поведение.

После завершения непосредственного воздействия на психику спасателя или пожарного психотравмирующих факторов, необходим третий, *восстановительный* этап. Нахождение в состоянии психологической мобилизации приводит к усталости и истощению, что требует изменения при первых же возможных обстоятельствах. После завершения спасательных или пожарных работ служащий может испытывать самые разные чувства и эмоции, включая негодование, отчаяние, ощущение собственной беспомощности, недовольство собой. Субъективное переживание ситуации зачастую приводит к такой крайности, как временное, но существенное разрушение *базового чувства безопасности и доверия к миру*. При подобных обстоятельствах, безусловно, должны вырабатываться и эффективно применяться соответствующие средства психологической защиты.

Спасатель или пожарный после выполнения профессиональной задачи в экстремальных условиях нуждается в том, чтобы избавиться от стресса и восстановить таким образом нормальное психическое состояние. Психическое напряжение после завершения действия неизбежных психотравмирующих факторов нуждается в том, чтобы быть «снятым». Здесь оказывают продуктивное воздействие разнообразные методики, включая дыхательные и иные медитативные упражнения, концентрацию внимания на отвлеченных предметах, фильтрацию информационного поля (исключение из него раздражителей), сон, отдых, массаж, любимые

хобби, физическую активность и др. Преодолеть усталость, раздражительность, снижение энергии и выносливости можно также с помощью коммуникации с близкими людьми (семья, друзья, коллеги). Как нередко говорят в подобных случаях, состоявшиеся события следует «проговорить» с людьми. Многие способы психологического расслабления имеют индивидуальный характер (кому-то больше «подходит» спорт, активные занятия, «выплеск негативной энергии», кому-то – отдых, прогулка, медитация, для верующих – молитва и др.). В ряде случаев, однако, требуется внешняя помощь профессионального психолога (желательно, со специализацией экстремального профиля).

Таковы в общих чертах темпоральные факторы управления психологической устойчивостью к экстремальным условиям в организационном поведении спасателей и пожарных. Кроме этого, как указывалось выше, важную роль играет *институциональный* аспект исследуемой проблемы. В различных научных работах можно обнаружить довольно дифференцированную структуру выделяемых авторами основных институтов обеспечения психологической устойчивости, однако в большинстве они сводятся, на наш взгляд, к четырем основным пунктам: контроль, целеустремленность, ориентация на риск и уверенность. Данная структура близка к предложенной Питером Клоу (Peter Clough) четырехзвенной структуре факторов обеспечения «mental toughness» (психической или, буквально, «ментальной» устойчивости): «control» (контроль), «commitment» (стремление к цели, умение преодолевать трудности), «challenge» (в буквальном переводе – вызов, т. е. умение ориентироваться на риск, быть готовым к потенциальным неудачам), «confidence» (уверенность)¹.

Контроль – один из основных способов обеспечения психологической устойчивости к психотравмирующим факторам. Устойчивость к стрессу и экстремальным условиям поддается формированию и обеспечению, это не является имманентным свойством чьей-либо личности. Следует учитывать, что идеальная теоретическая модель психоустойчивого человека, которую нам показывают, например, вымышленные герои литературных произведений или популярных кинофильмов, весьма далека от действительности. В реальной профессиональной деятельности спасателей и пожарных наблюдаются более сложные и разнообразные паттерны, которые свидетельствуют о сочетании в эмпирических людях как сильных волевых качеств, так и обычных человеческих слабостей. С точки зрения социально-психологической науки, для достижения целей организационного поведения это должно быть *взято под эффективный внешний контроль и самоконтроль*.

Целеустремленность спасателей и пожарных – важный психологический фактор, который также оказывает значительное влияние на их организационное поведение. Чтобы иметь надлежащую установку на преодоление трудностей и умение встречать их «лицом к лицу», целесообразно верить, что даже самые сложные проблемы разрешимы. Не отрицая происходящего, нужно делать все, что в наших силах. Практическая психология рекомендует при этом «хвалить себя» (в общении с собой, не окружающими), вспоминать о «собственных прошлых победах», вдохновляться образцами организационного поведения коллег и старших товарищей. Примечательно, что многих спасателей и пожарных мотивирует к выбору опасной профессии стремление к социальному одобрению имиджа «героя». Данный стимулятор целесообразно использовать и в целях текущей психологической коррекции поведения, даже если при мотивировке кадровых решений предполагались иные приоритеты и ценности.

В целях обеспечения целеустремленности организационно поощряемы такие установки, как: «доказать себе», «не пытаться найти идеальное решение» (решение должно быть оптимальным и реальным, исходя из складывающихся обстоятельств), «не замирать в нерешен-

¹ <https://www.mentaltoughness.partners/developing-mental-toughness-peter-clough-doug-strycharczyk>.

тельности», «планировать по небольшим этапам» (тогда не будет ощущаться сложность или невыполнимость конечной цели). Спасатель или пожарный должны уметь расставаться с нереальными планами или мечтами, направляя психологическую энергию «на сейчас» и «на будущее». Необходимо брать на себя ответственность и осознавать степень эффективности соответствующего организационного поведения.

В предложенной Питером Клоу четырехзвенной структуре факторов обеспечения «mental toughness» (психической или «ментальной» устойчивости) известную сложность для перевода на русский язык вызывает термин «challenge» (вызов, умение ориентироваться на риск, быть готовым к потенциальным неудачам). Действие в экстремальной ситуации не всегда является успешным. Нужно быть психологически и организационно готовым к относительным неудачам или даже к существенному невыполнению задачи вследствие невозможности ее обеспечения и реализации имеющимися силами и средствами. От спасателя или пожарного в организационно-психологическом смысле требуется опора на реалистичную картину мира, избегающую чрезмерно оптимистичных или, напротив, крайне мрачных прогнозов. Возникающие проблемы нельзя ни игнорировать, ни упрощать. Если спасатель или пожарный обеспечивает свою психологическую защиту установкой, что «все будет хорошо» (оптимистичный сценарий), это не означает, что в действительности все так и будет. Дальнейшие события могут развиваться по сценарию худшему, чем предполагалось изначально, и к этому спасатель или пожарный должен быть достаточно психологически подготовлен.

Наконец, завершающим компонентом в анализируемой институциональной структуре психологической устойчивости к экстремальным условиям в организационном поведении профессиональных спасателей и пожарных является их «уверенность». Последнее не следует отождествлять с «самоуверенностью» – явлением негативным в моральном смысле и неэффективным в организационно-психологическом аспекте. Психическое благополучие и надежность профессиональной деятельности предполагают опору на волю как сознательный регулятор организационного поведения. Чтобы быть уверенным, следует иметь достаточные психологические знания о природе человека, его типичном поведении в экстремальных условиях и психологических особенностях собственной личности, ее слабых и сильных сторонах. Важную роль здесь играют корпоративный дух организации, организационная культура. Чувство уверенности придают многие внешние институциональные факторы, которые показывают каждому спасателю и пожарному его *причастность к общему делу*, в которое вовлечено большое количество людей, часто друг с другом не знакомых, но поддерживающих одни и те же социально-психологические ценности и образцы организационного поведения.

Заключение

Изложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы. Вынужденно экстремальный характер деятельности спасателей и пожарных обусловлен необходимостью защиты населения и территорий от последствий техногенных катастроф, стихийных бедствий и несчастных случаев. Это предопределяет служебную обязанность спасателей и пожарных принимать оперативные и неотложные меры, действовать эффективно и слаженно. Необходимо формирование волевых качеств и соответствующих привычек организационного поведения. Психологическая устойчивость к экстремальным условиям предполагает наличие у спасателей и пожарных личных и деловых качеств, характеризующих достаточную психологическую гибкость, адаптивность, приспособляемость и мобильность психики в целом. Это характеризует «профессиональный облик» спасателей и пожарных, которые организационно обязаны проявлять высокие способности к действию в экстремальных условиях.

Психологическая устойчивость спасателей и пожарных – важная цель организационной деятельности, но не состоявшийся факт. Здесь необходимо учитывать как минимум мотивационный, сенсомоторный, когнитивный и эмоционально-волевой компоненты. Психологическая устойчивость к экстремальным условиям в организационном поведении спасателей и пожарных нуждается в научно обоснованном, эффективном, продуктивном и деятельном управлении: во-первых, целесообразно учитывать темпоральный фактор («вхождение» – «пробывание» – «возвращение»; или: «преситуация» – «ситуация» – «постситуация»); во-вторых, необходимо охватывать его основные институты. Сочетание темпорального и институционального подходов, как показывают результаты исследования, в подавляющем большинстве случаев позволяет фиксировать весьма положительные результаты. Спасатели и пожарные должны проявлять способность к психологической мобилизованности, подавлению разногласий и обеспечению сплоченности, гарантируя таким образом минимизацию соперничества и включение персонала в единый, быстро действующий механизм. Для этого необходимо формирование волевых качеств и соответствующих привычек организационного поведения.

Обеспечение психологической устойчивости спасателей и пожарных – одна из ключевых и перманентных функций корпоративной организации системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, что имеет, во всяком случае, не меньшее организационное значение, чем сама технология спасения жизни людей и тушения пожаров.

Список литературы

- Аюбов, Э. Н., Твердохлебов, Н. В., Хоруженко, А. Ф. (2012). *Комплексный подход МЧС России к формированию культуры безопасности жизнедеятельности*: монография. Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России.
- Бессонова, Ю. В., Обознов, А. А., Петрович, Д. Л. (2018). Психологическое благополучие профессионала в организациях повышенного риска. В *Человеческий фактор в сложных технических системах и средах (ЭРГО-2018)*: труды Третьей международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 07 июля 2018 года, стр. 627–635). Тверь: Межрегиональная общественная организация "Эргономическая ассоциация".
- Бессонова, Ю. В. (2020). Становление профессионального менталитета безопасности в организациях повышенного риска. В *Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков*: материалы X Всероссийской научной конференции (г. Сочи, 09-10 октября 2020 г., стр. 38–48). Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Мир науки".
- Вольвич, Ю. К. (2018). *Психологические ресурсы устойчивости личности к стрессу в организациях различных сфер и видов деятельности*: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар.
- Головач, Д. Ю. (2018). Пропаганда знаний и формирование культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков. В *Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы формирования культуры безопасности жизнедеятельности: приоритеты, проблемы, решения*: материалы Всероссийской научно-практической конференции, (г. Санкт-Петербург, 26 сентября 2018 года, стр. 184–189). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.
- Деккерт, Д. В. (2014). Модель формирования профессионально-деонтологической культуры сотрудников ГПС МЧС России в организации дополнительного профессионального

образования и комплекс педагогических условий ее эффективного функционирования. *Современные проблемы науки и образования*, 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13918>

- Карханина, Е. В. (2018). Психологические приемы формирования устойчивости личности к экстремистскому воздействию. В *Современный терроризм, его формы и средства противостояния: материалы Всероссийской конференции* (г. Ставрополь, 14 декабря 2018 г., стр. 43–47). Ставрополь: Северо-Кавказский социальный институт.
- Обознов, А. А., Бессонова, Ю. В. (2017). Психологическое благополучие или психологическая безопасность: две стороны одной монеты? В А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова (отв. ред.), *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития: сборник статей* (стр. 2367–2376). Москва: Институт психологии РАН.
- Парфенова, Е. Н., Авилова, Ж. Н., Ледовская, И. И. (2019). К вопросу о современных мотивационных рычагах воздействия на персонал организации. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 4 (77), 234–246.
- Першина, М. М. (2017). Восстановление здоровья после стрессов и психоэмоциональных нагрузок. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 3 (12), 73–75.
- Романова, О. С., Лазарев, А. А. (2023). Специфика организационной культуры в учреждениях МЧС России. *Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики*, 2 (41), 48–54.
- Семенов, С. Ю. (2008). *Сравнительный анализ стилей защитно-совладающего поведения лиц с аддиктивным и неаддиктивным поведением*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Сорокин, В. И. (2012). Об основах формирования корпоративной культуры в системе МЧС России. *Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования*, 2 (1(2)), 76–84.
- Супруненко, Д. В. (2018). Токсичный персонал как фактор разрушения организационной культуры компании. В *Экономическое развитие России: тенденции, перспективы: сборник статей по материалам IV Международной студенческой научно-практической конференции: в 2-х томах. Том II* (г. Нижний Новгород, 19 апреля 2018 г., стр. 157–161). Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.
- Усова, О. В. (2013). Эффективный менеджер в системе банковских услуг: влияние факторов контроля за действием и эмоциональной стабильности. *Мотивация и оплата труда*, 2, 132–140. URL: <https://grebennikon.ru/article-vf2n.html>
- Шиняев, К. А. (2011). Особенности психологической устойчивости личности учащегося в образовательной среде как основа для разработки теста психологической устойчивости личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, Т. 13, 2 (6), 1438–1440.

References

- Ayubov, E. N., Tverdohlebov, N. V., Horuzhenko, A. F. (2012). *Kompleksnyj podhod MCHS Rossii k formirovaniyu kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: monografiya*. Moscow: Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut po problemam grazhdanskoj oborony i chrezvychajnyh situacij MCHS Rossii.
- Bessonova, Yu. V., Oboznov, A. A., Petrovich, D. L. (2018). *Psihologicheskoe blagopoluchie professionala v organizacijah povyshennogo riska. V Chelovecheskij faktor v slozhnyh tekhnicheskikh sistemah i sredah (ERGO-2018): trudy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*

- (g. Sankt-Peterburg, 07 iyulya 2018 goda, str. 627–635). Tver': Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Ergonomicheskaya asociatsiya".
- Bessonova, Yu. V. (2020). Stanovlenie professional'nogo mentaliteta bezopasnosti v organizatsiyah povyshennogo riska. V *Psihologiya bezopasnosti i psihologicheskaya bezopasnost': problemy vzaimodejstviya teoretikov i praktikov: materialy X Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (g. Sochi, 09-10 oktyabrya 2020 g., str. 38–48). Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Mir nauki".
- Vol'vich, Yu. K. (2018). *Psihologicheskie resursy ustojchivosti lichnosti k stressu v organizatsiyah razlichnyh sfer i vidov deyatel'nosti*: dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar.
- Golovach, D. Yu. (2018). Propaganda znanij i formirovanie kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti u detej i podrostkov. V *Servis bezopasnosti v Rossii: opyt, problemy, perspektivy formirovanie kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: priority, problemy, resheniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, (g. Sankt-Peterburg, 26 sentyabrya 2018 goda, str. 184–189). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby Ministerstva Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony, chrezvychajnym situatsiyam i likvidacii posledstvij stihijnyh bedstvij.
- Dekkert, D. V. (2014). Model' formirovaniya professional'no-deontologicheskoy kul'tury sotrudnikov GPS MCHS Rossii v organizacii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya i kompleks pedagogicheskikh uslovij ee effektivnogo funkcionirovaniya. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13918>
- Karhanina, E. V. (2018). Psihologicheskie priemy formirovaniya ustojchivosti lichnosti k ekstremistskomu vozdejstviyu. V *Sovremennyyj terrorizm, ego formy i sredstva protivostoyaniya: materialy Vserossijskoj konferencii* (g. Stavropol', 14 dekabrya 2018 g., str. 43–47). Stavropol': Severo-Kavkazskij social'nyj institut.
- Oboznov, A. A., Bessonova, Yu. V. (2017). Psihologicheskoe blagopoluchie ili psihologicheskaya bezopasnost': dve storony odnoj monety? V A. L. Zhuravlyov, V. A. Kol'cova (otv. red.), *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya: sbornik statej* (str. 2367–2376). Moscow: Institut psihologii RAN.
- Parfenova, E. N., Avilova, Zh. N., Ledovskaya, I. I. (2019). K voprosu o sovremennyh motivacionnyh ryuchagah vozdejstviya na personal organizacii. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava*, 4 (77), 234–246.
- Pershina, M. M. (2017). Vosstanovlenie zdorov'ya posle stressov i psihoemocional'nyh nagruzok. *Zdravoohranenie Yugry: opyt i innovacii*, 3 (12), 73–75.
- Romanova, O. S., Lazarev, A. A. (2023). Specifika organizacionnoj kul'tury v uchrezhdeniyah MCHS Rossii. *Mnogourovnevoe obshchestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki*, 2 (41), 48–54.
- Semenov, S. Yu. (2008). *Sravnitel'nyj analiz stilej zashchitno-sovладayushchego povedeniya u lic s addiktivnym i neaddiktivnym povedeniem*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Sorokin, V. I. (2012). Ob osnovah formirovaniya korporativnoj kul'tury v sisteme MCHS Rossii. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya*, 2 (1(2)), 76–84.
- Suprunenko, D. V. (2018). Toksichnyj personal kak faktor razrusheniya organizacionnoj kul'tury kompanii. V *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: tendencii, perspektivy: sbornik statej po materialam IV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h tomah. Tom II* (g. Nizhnij Novgorod, 19 aprelya 2018 g., str. 157–161). Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Koz'my Minina.
- Usova, O. V. (2013). Effektivnyj menedzher v sisteme bankovskih uslug: vliyanie faktorov kontrolya za dejstviem i emocional'noj stabil'nosti. *Motivatsiya i oplata truda*, 2, 132–140. URL: <https://grebennikon.ru/article-vf2n.html>

Shinyaev, K. A. (2011). Osobennosti psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti uchashchegosya v obrazovatel'noj srede kak osnova dlya razrabotki testa psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, T. 13, 2 (6), 1438–1440.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Астафичева – доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат экономических наук, доцент.

Наталья Александровна Пшеничкина – главный специалист оперативного отдела ГКУ «Служба спасения», ассистент кафедры пожарной безопасности и защиты в чрезвычайных ситуациях Института архитектуры и строительства Волгоградского государственного технического университета.

Екатерина Анатольевна Хохлачева – преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Университета ФСИН России.

About the authors

Elena Yu. Astaficheva – Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Cand. Sci. (Econ.), Docent.

Natalia A. Pshenichkina – Chief specialist of the operational department of the State Institution “Rescue Service”, Assistant at the Department of Fire Safety and Protection in Emergency Situations, Institute of Architecture and Construction, Volgograd State Technical University.

Ekaterina A. Khokhlacheva – Lecturer at the Department of Physical, Fire and Tactical-special Training, Law Faculty, University of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.03.2024

Одобрена после рецензирования 29.06.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted March 25, 2024

Approved after reviewing June 29, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-174-189

Психологические особенности кандидатов, условно рекомендованных на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по результатам профессионального психологического отбора

Андрей Эрикович Власов

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

VAEspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5589-3120

Аннотация

Введение. Профессиональный психологический отбор предназначен для реализации потребности органов внутренних дел Российской Федерации в выявлении кандидатов, способных выполнять предполагаемые служебные обязанности, и является средством превенции и профилактики отклоняющегося поведения у будущих сотрудников. Существуют четыре категории профессиональной психологической пригодности, обусловленные двумя критериями: уровнем развития личных и деловых качеств и наличием факторов риска девиантного поведения. Самой распространенной является третья категория профессионального психологического отбора – рекомендуется условно. Анализ индивидуально-психологических особенностей кандидатов с данной категорией способен повысить качество комплектования и повысить эффективность работы с личным составом. **Методы.** Методами сбора данных выступал комплекс тестов и опросников, соответствующих рекомендуемым для проведения профессионального психологического отбора. Обработка данных осуществлялась при помощи аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр». Анализ данных осуществлялся при помощи компьютерной программы JAMOVI. Использовались методы описательной статистики, коэффициент корреляции Пирсона (r -Пирсона), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). **Результаты.** Представлены результаты исследования психологических особенностей кандидатов на службу в полицию, отнесенных к третьей категории профессиональной психологической пригодности и рекомендуемых условно. Получена информация о различиях в развитии личных и деловых качеств у граждан в зависимости от результатов прохождения ими профотбора. Описаны типы кандидатов, рекомендованных условно, в зависимости от наличия у них фактора риска девиантного поведения. Результаты исследования подтверждают обоснованность приема на службу лиц, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности, и обозначают перспективные направления их психологического сопровождения на начальном этапе профессионализации.

Ключевые слова

полиция, профессиональный психологический отбор, фактор риска, девиантное поведение, третья категория профессиональной пригодности, рекомендуется условно

Для цитирования: Власов, А. Э. (2024). Психологические особенности кандидатов, условно рекомендованных на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по результатам профессионального психологического отбора. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 174–189. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-174-189.

Original paper

Psychological characteristics of candidates recommended for the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the results of professional psychological selection

Andrey E. Vlasov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

VAEspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5589-3120

Abstract

Introduction. Professional psychological selection is dedicated for fulfilling the need of the internal affairs bodies of the Russian Federation to identify candidates capable of performing their intended duties, and is a means of preventing deviant behaviour in future officers. There are four categories of professional psychological suitability based on two criteria: the level of development of personal and business qualities and the risk factors for deviant behaviour. The third category of professional psychological selection is the most widespread - it is conditionally recommended. Analysis of individual-psychological characteristics of candidates with this category is able to improve the quality of staffing and increase the efficiency of work with personnel. **Methods.** The data collection methods were a set of tests and questionnaires corresponding to those recommended for professional psychological selection. Data processing was carried out with the use of the hardware-software psychodiagnostic complex "Multipsychometer". Data analysis was carried out using the computer programme JAMOVI. The methods of descriptive statistics, Pearson correlation coefficient (r -Pearson), one-factor analysis of variance (ANOVA) were used. **Results.** The results of the research of psychological peculiarities of candidates for the police service, referred to the third category of professional psychological suitability, are presented. The information on differences in the development of personal and business qualities in citizens depending on the results of their professional selection is obtained. The types of candidates recommended conditionally, depending on the presence of a risk factor of deviant behaviour are described. The results of the research prove the validity of the admission to the service of persons classified in the third category of professional suitability and indicate perspective directions of their psychological support at the initial stage of professionalisation.

Keywords

police, professional psychological selection, risk factor, deviant behavior, third category of professional suitability, recommended conditionally

For citation: Vlasov, A. E. (2024). Psychological characteristics of candidates recommended for the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the results of professional psychological selection. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 174–189. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-174-189.

Введение

Необходимость противодействия отклонениям от норм служебного поведения и поддержания высокого уровня законности является одним из императивов профессионального психологического отбора сотрудников правоохранительных органов. Отбор сотрудников в органы внутренних дел Российской Федерации обеспечивает решение данной задачи. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» были определены основные критерии отбора граждан на службу¹.

В рамках реализации данного документа МВД России была утверждена методика, разъясняющая метод, порядок и процедуры сбора сведений о кандидате и его психологического обследования (Дашко, Виноградов, 2015).

С учетом складывающейся общественно-политической обстановки, а также потребности органов внутренних дел Российской Федерации в сотрудниках, способных по своим личным и деловым качествам проходить профессиональное обучение и выполнять возложенные на них обязанности, представляется значимым анализировать индивидуально-психологические особенности кандидатов, признанных пригодными, но с определенными условиями. Эта деятельность способствует решению комплекса задач, среди которых повышение качества комплектования органов внутренних дел Российской Федерации, снижение количества увольнений (перемещений) сотрудников, повышение сплоченности служебных коллективов, распределение служебных обязанностей сотрудников, планирование их профессионального пути. Кроме того, анализ индивидуально-психологических особенностей способствует снижению риска служебных конфликтов, нарушений служебной дисциплины и законности и иных негативных последствий, обусловленных недостаточным вниманием руководителей к личному составу вверенных им подразделений.

Наряду с высокой общественной значимостью и важностью подобной работы для формирования стабильного и высокопрофессионального кадрового ядра органов внутренних дел Российской Федерации (Зарипова, 2018) в отечественной научной литературе отсутствуют эмпирические сведения о психологических характеристиках лиц, отнесенных к третьей группе профессиональной пригодности и, как следствие, практически не рассматриваются вопросы их индивидуализированного психологического сопровождения, за исключением противодействия девиантному поведению (Поздняков и др., 2023; Гончарова, Калашник, Ситников, 2021; Ичитовкина, Гибадулин, Щукин, 2022). Для восполнения дефицита информации нами организовано исследование этого вопроса.

Целью представленного в статье исследования является анализ психологических особенностей, присущих кандидатам на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, установленных по результатам профессионального психологического отбора.

Результаты работы могут использоваться для организации научных и прикладных исследований, нацеленных на совершенствование методологии, методики и процедуры профессионального психологического отбора, а также организации сопровождения сотрудников, по результатам профессионального психологического отбора рекомендованных условно.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 года № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».

Структура изложения соответствует цели статьи. В теоретической части описываются организационно-методические основания профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, в эмпирической – рассматривается цель, методы, процедура и результаты изучения психологических особенностей кандидатов, рекомендованных условно.

Теоретические основания исследования

Существующая система профессионального психологического отбора в органы внутренних дел Российской Федерации предназначена для определения способности гражданина выполнять служебные обязанности на основании наличия у него необходимых личных и деловых качеств, а также вероятности совершения девиантного (общественно опасного) деяния. Результатом прохождения кандидатом отбора является определение его профессиональной психологической пригодности², разделенной на четыре категории: «рекомендуется в первую очередь», «рекомендуется», «рекомендуется условно», «не рекомендуется, не способен выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации».

Кандидаты, отнесенные к первым трем категориям профессиональной пригодности, рекомендуются к поступлению на службу, а граждане с четвертой категорией – нет. К третьей категории (рекомендуется условно) будут отнесены граждане, способные удовлетворительно выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в обычных, но не в особых условиях.

Имеются несколько оснований для отнесения кандидатов к указанной категории³:

– отсутствие факторов риска и развитие личных и деловых качеств ниже среднего уровня, что позволяет таким кандидатам овладеть необходимыми профессиональными знаниями, навыками и умениями и удовлетворительно выполнять свои служебные обязанности в обычных условиях;

– наличие одного фактора риска (с учетом его содержания) при высоком или среднем уровне развития личных и деловых качеств.

В настоящее время в территориальных органах и образовательных организациях МВД России сформировалась практика проведения профессионального психологического отбора и накоплен значительный эмпирический материал. Данная область знаний является перспективной для изучения в связи с необходимостью совершенствования методов (методик) и процедуры профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел, а также для повышения эффективности использования результатов психодиагностики при приеме на службу.

При этом научные исследования, в которых были бы описаны конкретные психологические особенности лиц, которые были рекомендованы условно, и программы работы с ними, достаточно малочисленны и затрагивают отдельные вопросы организации данной деятельности: выявление и прогнозирование факторов риска девиантного поведения кандидатов на службу (Поздняков и др., 2023; Ичитовкина, Гибадулин, Шукин, 2022), применение специальных психофизиологических методов (Виноградов, Ульянина, 2022). Наиболее релевантными рассматриваемому нами вопросу являются работы, раскрывающие значение лимитирующих качеств профессионального отбора на деятельность сотрудников, рекомендованных условно (Гончарова, Калашник, Ситников, 2021), значение профессиональной ориентации в мотивации

² Далее – категория.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 года № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».

сотрудников, отнесенных к данной категории (Павленко. Скиданова, 2020), а также оценки их стрессоустойчивости, как психологического индикатора готовности к оперативно-служебной деятельности в особых условиях (Хавыло, Устенко, Енгальчев, 2023). Среди зарубежных исследований работы с психологическими особенностями сотрудников полиции, затрудняющими их профессиональную адаптацию, схожие проблемы рассматриваются в работах (Corey, McElroy, & Ben-Porath, 2023; Marshall et al., 2020), раскрывающих значение профессионального психологического отбора, а также в исследованиях (Carlson-Johnson, Grant, & Lavery, 2020; The Impact of Deviant Behavior of Police Officers (November, 2013)), показывающих влияние психологических качеств полицейских на совершение ими девиантных поступков и противоправных действий.

Таким образом, рассмотрение психологических качеств сотрудников, отнесенных к третьей категории (рекомендованных условно) по результатам профессионального психологического отбора, является одной из областей практической работы, не имеющей достаточной научной проработки.

Вместе с тем потребность в научном исследовании данной проблемы, на наш взгляд, существует и обосновывается рассмотрением данной категории лиц как способной к выполнению обязанностей сотрудника органа внутренних дел. После утверждения Правил профессионального психологического отбора в 2012 году в приоритетном порядке на службу принимались кандидаты, отнесенные к первым двум категориям. Данную ситуацию изменило разъяснение ДГСК МВД России о приеме на службу кандидатов, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности (разъяснение от 17 января 2018 г. № 21/8/314)⁴, суть которого в подтверждении допустимости назначения на должности в ОВД граждан, рекомендованных условно, если их предполагаемые обязанности не предусматривают службу в особых условиях. Данное разъяснение стало широко применяться на практике и имело большую значимость для принятия решения о возможности прохождения службы для кандидатов, не отнесенных к первой и второй категориям. Практика приема кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации показывает, что заключение контракта с гражданами, отнесенными к третьей категории (рекомендуются условно), перестало быть исключением и стало нормой. После поступления на службу такие сотрудники не менее 6 месяцев относятся к категории нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании⁵.

Психологическая работа с ними проводится с учетом методических рекомендаций Департамента государственной службы и кадров МВД России, в которых описывается порядок организации работы и методы психологического изучения личности данных сотрудников⁶. Для эффективного построения индивидуальной воспитательной работы с третьей категорией руководителю рекомендуется знакомиться с заключением комиссии по профессиональному психологическому отбору.

Исходя из содержания заключения, можно понять, как проявились личные и деловые качества кандидата (интеллект, эмоциональная устойчивость, волевая регуляция поведения, организованность, правосознание, эмоциональная зрелость, самооценка, мотивация) в процессе прохождения процедуры отбора, а также увидеть наличие у него фактора риска и его

⁴ Разъяснение ДГСК МВД России о приеме на службу кандидатов, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности (от 17.01.2018 № 21/8/314).

⁵ Приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации».

⁶ Методические рекомендации по организации работы с сотрудниками органов внутренних дел, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании (от 30.09.2015 № 21/7/10458).

специфику. Это позволит правильно использовать в службе слабые и сильные стороны сотрудника, находящегося на начальном этапе профессионализации.

Психолог территориального органа внутренних дел, как правило, учитывает, что третья категория профессиональной пригодности является достаточно широкой по внутреннему содержанию. Любой кандидат, рекомендованный условно, будет иметь две ключевые характеристики: уровень развития личных и деловых качеств (определяется результатами тестирования и оценкой психолога) и наличие либо отсутствие фактора риска (который может быть только один, иначе гражданин не будет рекомендован).

Гражданин может быть отнесен к ней в двух случаях (рис. 1).

Соответственно, поступившие на службу в органы внутренних дел сотрудники, относимые к категории нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании при приеме на службу ввиду специфики их личностных особенностей и компетенций, требуют внимания к своей профессиональной подготовке и обучению, а также нуждаются в контроле конечного результата труда. Меньшая часть данной категории имеет в своей биографии единичный опыт, связанный с недостаточным соблюдением общепринятых правил и норм поведения, и требует динамического наблюдения и психолого-педагогического воздействия со стороны непосредственных руководителей с целью предупреждения повторения таких ситуаций. Однако данная работа не может быть организована без учета индивидуально-психологических особенностей кандидатов на службу (Костина, 2023).

В настоящее время данные сведения используются для выбора наиболее эффективных форм и методов воспитания, но, как нам представляется, их оценка может использоваться также для организации мероприятий по развитию и (или) коррекции уже имеющихся личных и деловых качеств в соответствии с требованиями профессиональной деятельности и условиями ее осуществления.

Поэтому в рамках выполненного нами эмпирического исследования рассматриваются психологические особенности кандидатов на службу с соответствующей категорией профессиональной психологической пригодности.

Рис. 1. Варианты для кандидатов, рекомендуемых условно

Fig. 1. Options for Conditionally Recommended Candidates

Организация и методы исследования

Целью эмпирического исследования являлось изучение психологических особенностей кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации⁷, отнесенных к третьей категории (рекомендуется условно).

Методами сбора данных выступал комплекс тестов и опросников, соответствующих рекомендуемым для проведения профессионального психологического отбора.

Обработка данных осуществлялась при помощи аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр». Анализ данных осуществлялся при помощи компьютерной программы JAMOVI⁸. Использовались методы описательной статистики, коэффициент корреляции Пирсона (r-Пирсона), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Выборка исследования включала 2196 кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (мужчин – 1355 (62 %), средний возраст 28 лет; женщин – 841 (38 %), средний возраст 27 лет).

Результаты исследования

В целом среди кандидатов, отнесенных к третьей категории, большинство обладало уровнем развития личных и деловых качеств ниже среднего (63 %) без признаков фактора риска, а оставшиеся 31 % демонстрировали наличие одного из одиннадцати факторов риска, при среднем или высоком уровне развития личных и деловых качеств.

Рекомендованные условно кандидаты разделяются на два подтипа с выявленным фактором риска и развитыми деловыми качествами (на среднем уровне и выше), и без фактора риска, но с личностными особенностями, предположительно позволяющими овладеть только необходимым минимумом профессиональных знаний, умений, навыков. К первой подгруппе третьей категории (с фактором риска) были отнесены 284 человека (31 %), а ко второй (без фактора риска) – 634 человека (69 %).

Оценка значения качества личности для определения категории оценивалась посредством расчета коэффициента корреляции Пирсона (r-Пирсона), что было обусловлено результатами теста Шапиро – Уилка для проверки нормальности распределения выборки (Shapiro – Wilk). Результаты представлены в табл. 1.

Можно также отметить взаимосвязь следующих личных и деловых качеств, характерную для кандидатов на службу в органы внутренних дел, рекомендованных условно:

– уровень развития эмоциональной устойчивости связан с внутренней организованностью (r-Пирсона = 0,423, $p < 0,001$), волевой регуляцией поведения (r-Пирсона = 0,434, $p < 0,001$) и зрелостью личности (r-Пирсона = 0,444, $p < 0,001$);

– волевая регуляция связана с внутренней организованностью (r-Пирсона = 0,703, $p < 0,001$), зрелостью личности (r-Пирсона = 0,575, $p < 0,001$);

– правосознание кандидата связано с эмоциональной устойчивостью (r-Пирсона = 0,727, $p < 0,001$), внутренней организованностью (r-Пирсона = 0,407, $p < 0,001$), волевой регуляцией (r-Пирсона = 0,372, $p < 0,001$) и со зрелостью личности (r-Пирсона = 0,336, $p < 0,001$);

– уровень зрелости личности кандидата связан с его внутренней организованностью (r-Пирсона = 0,633, $p < 0,001$).

⁷ Далее – ОВД.

⁸ The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. Retrieved from <https://www.jamovi.org>.

⁹ R Core Team (2021). R: A Language and environment for statistical computing. (Version 4.1) [Computer software]. Retrieved from <https://cran.r-project.org>. (R packages retrieved from MRAN snapshot 2022-01-01).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа личных (деловых) качеств и категории пригодности (методом r-Пирсона)

Table 1. Results of correlation analysis of personal (business) qualities and suitability categories (r-Pearson method)

Результаты корреляционного анализа личных (деловых) качеств и категории пригодности (методом r-Пирсона)		
Интеллект	0.285	p < 0,001
Эмоциональная устойчивость	0.386	p < 0,001
Волевая регуляция	0.384	p < 0,001
Внутренняя организованность	0.428	p < 0,001
Правосознание	0.391	p < 0,001
Зрелость личности	0.437	p < 0,001

Примечание: коэффициенты корреляции округлены до трех знаков после запятой, показатели значимости приведены на выборку объемом более 500 человек.

Данный симптомокомплекс имеет установочное значение для организации следующей за отбором психологической и индивидуальной воспитательной работы с кандидатом на службу. В частности, он позволяет рекомендовать мероприятия, нацеленные на компенсацию или развитие личных и деловых качеств у кандидатов, имеющих недостаточный уровень сформированности.

В целом результаты эмпирического исследования свидетельствуют, что кандидаты, отнесенные к третьей группе профессиональной психологической пригодности, требуют повышенного психолого-педагогического внимания, нуждаются в организации индивидуальной воспитательной работы в силу недостаточности личных и деловых качеств, затрудняющих процесс адаптации к новым условиям служебной деятельности, мешающих освоению и выполнению обязанностей в замещаемой ими должности.

Кроме того, наличие фактора риска обуславливает вероятность повторного совершения девиантных поступков, что с учетом статуса сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации будет расцениваться как нарушение служебной дисциплины или даже законности (Ичитовкина, Гибадулин, Щукин, 2022).

В этой связи представляется целесообразным проанализировать индивидуальные психологические особенности данной категории сотрудников, охарактеризовать своеобразие таких качеств, как интеллект, эмоциональная устойчивость, волевая регуляция и внутренняя организованность, правосознание и зрелость личности.

Интерпретация результатов

Анализируя результаты, подчеркнем, что изучение психологических особенностей кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации осуществляется не только в целях отбора, но и выступает в дальнейшем для формирования резерва кадров на выдвижение и направление на профессиональное обучение¹⁰. В краткосрочной перспективе сведения

¹⁰ Методические рекомендации по психологической работе с сотрудниками, впервые принятыми на службу в органы внутренних дел, в период профессионального обучения (от 13.12.2018 № 21/8/14114).

о личных и деловых качествах используются непосредственными руководителями для проведения аттестации сотрудников и организации с ними работы в рамках морально-психологического обеспечения¹¹. Данный подход присущ и психологическим службам зарубежных стран, оценивающим психологические особенности сотрудников полиции в контексте их способности противодействия профессиональной деформации (Adams & Mastracci, 2019; Mona, Chimbari, & Hongoro, 2019) и выгоранию, стрессовым воздействиям и деструктивному поведению (Violanti et al., 2019; Wassermann, Meiring, & Becker, 2019). Следует отметить линию зарубежных исследований, представленных в обзоре (Jackman et al., 2020), посвященных психологическому благополучию сотрудников полиции, также показывающих возможности применения результатов нашего исследования для организации психологического сопровождения сотрудников, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности по результатам психологического отбора.

В связи со значимостью информации о психологических качествах кандидатов целесообразно рассмотреть шесть показателей, каждый из которых будет характеризовать результаты кандидата по конкретным личным и деловым качествам (интеллект, эмоциональная устойчивость, волевая регуляция, организованность, правосознание, зрелость личности). Следует подчеркнуть, что каждое из качеств является компонентом в комплексе психологических характеристик профессиональной пригодности сотрудника, поэтому каждое из них следует рассматривать в неразделимом сочетании с другими, считая их совокупность интегральной характеристикой профессиональных психологических качеств сотрудника. Вместе с тем в целях анализа результаты будут излагаться последовательно в порядке их изучения, предусмотренном правилами отбора¹².

Интеллект. Кандидаты, отнесенные к третьей категории, по показателю интеллекта могут испытывать трудности в адаптации к новым условиям деятельности. Например, если средний показатель уровня интеллектуального развития кандидата ниже среднего, то в процессе беседы с психологом это может проявляться в отсутствии системности при формулировании своих мыслей (как в письменной, так и в устной форме), примитивности заключений и выводов, ориентации на решение конкретных задач. Вместе с тем служебная деятельность, не требующая развитого абстрактного мышления, ориентированная на решение прикладных задач или на применение моторных навыков (физическую подготовку и скорость реакции человека), может не препятствовать успешной адаптации такого сотрудника.

Эмоциональная устойчивость кандидатов, рекомендованных условно, варьируется, и у ряда лиц достигает низких значений, близких к четвертой категории. Это подчеркивает важность оценки психологом на этапе беседы способности кандидата контролировать свое поведение и внешние проявления эмоций, так как именно реальное поведение в ситуации собеседования будет информативней всего при оценке данного показателя.

Кандидаты, чей уровень эмоциональной устойчивости являлся определяющим для отнесения их к третьей категории, чаще всего характеризуются следующими особенностями: сниженный фон настроения или его очевидные колебания; сниженный контроль своих эмоций; проявление импульсивности и раздражительности в ситуации стресса, либо, напротив, – слезливость и неумение сохранять эффективность деятельности в условиях воздействия внешних негативных факторов.

¹¹ Злоказов, К. В., Степанов, Р. И., Чернышева, Е. В. (2014). *Актуальные проблемы профессионально-психологического отбора кандидатов на службу (учебу): учебно-практическое пособие*. Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 года № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».

Волевая регуляция. Следует отметить, что кандидаты на службу в органы внутренних дел вне зависимости от категории профессиональной психологической пригодности склонны демонстрировать свои смелость, настойчивость и решительность в большей степени, чем многие другие личные и деловые качества. При этом кандидаты, отнесенные к третьей категории, чей уровень развития по данному показателю ниже среднего, имеют типичные особенности, влияющие в последующем на их отношение к служебным обязанностям. Если уровень волевой регуляции был одним из ключевых показателей для того, чтобы рекомендовать кандидата условно, то такому человеку чаще всего свойственны нерешительность в межличностном взаимодействии с окружающими людьми; восприятие трудностей при решении поставленных задач как явных препятствий для их выполнения (любая сложность потенциально может повлечь за собой стремление избежать неудачи, а не попытку преодолеть ее); отсутствие инициативы в предполагаемой служебной деятельности; ориентация на мнение значимого окружения при принятии решений. Одним из наиболее наглядных показателей в ходе проведения психологического обследования может выступать невысокий уровень работоспособности и снижение эффективности в условиях монотонной деятельности. Для таких кандидатов можно рекомендовать рассмотрение должностей, где требуется исполнительский стиль деятельности и отсутствует работа с агрессией и с конфликтными ситуациями.

Внутренняя организованность. По результатам тестирования большинство кандидатов на службу в ОВД склонны оценивать свою внутреннюю организованность выше среднего уровня и считают данный показатель важным.

Внутренняя организованность кандидата может быть оценена ниже среднего уровня, если в его поведении явно проявляются такие особенности, как неспособность сконцентрироваться на выполнении поставленной задачи (обследуемый постоянно отвлекается во время тестирования, испытывает затруднения при необходимости долго удерживать свое внимание); неответственность и недисциплинированность (факты опоздания на обследование, нарушения инструкции во время тестирования или психофизиологического исследования).

Правосознание. Результаты оценки правосознания демонстрируют отношение обследуемых к соблюдению общепринятых правил и норм поведения. Оценка данного показателя в тестировании связана с изучением у человека определенных представлений о праве. Можно предположить, что части будущих сотрудников присуще субъективное и не всегда академически корректное понимание отражения права в сознании человека. Таким образом общее снижение значения итогового балла по тестам может объясняться особенностями кругозора кандидатов, а не наличием у них правового нигилизма.

Для сотрудников важно иметь грамотные представления о праве и о правоотношениях. Важно понимать, что на службу в большинстве поступают люди, обладающие определенным жизненным опытом (оконченное учебное заведение, служба в армии, наличие трудового стажа). Поэтому при проведении отбора важно выявить не только значимые события в жизни гражданина, но и его отношение к ним, а также способность извлекать новый опыт из совершенных ошибок и учитывать его в дальнейшей деятельности. Для полного изучения такого показателя, как уровень развития правосознания, результаты психодиагностики должны дополняться тщательным сбором анамнеза на предмет выявления фактов девиантного поведения и текущего отношения гражданина к ним.

Оценка уровня правосознания кандидата «ниже среднего» может выражаться в склонности к проявлению неискренности в процессе собеседования (кандидат намеренно скрывает или искажает факты своей биографии, которые можно проверить, изучив материалы его приема на службу), снисходительном отношении к своим поступкам (склонность к преуменьшению последствий своих действий, спокойное отношение к правонарушениям, не критичное отно-

шение к замечаниям со стороны психолога во время обследования). Часто у таких кандидатов отмечается ориентация на собственную шкалу ценностей, которая может отличаться от общепринятых норм и правил поведения в обществе. Такие обследуемые могут демонстрировать низкую степень конформности (прибыть на обследование с пирсингом, окрашенными в яркий цвет волосами, в одежде, не соответствующей ситуации приема на службу) и сниженную критику к своим поступкам.

Полученные результаты подтверждают ранее сформулированные выводы о взаимосвязи способности гражданина конструктивно реагировать в ситуации стресса с субъективным отражением в его сознании нормативных правовых отношений и готовности соблюдать нормы и правила поведения, принятые в обществе (Власов, Кордобовская, 2023).

Зрелость личности. Изучение результатов психодиагностического исследования и собеседования с кандидатом позволяют оценить зрелость личности гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Это подразумевает его способность брать на себя ответственность за свои слова, действия и поступки. Для кандидатов, у которых данный показатель ниже среднего уровня, характерны следующие особенности поведения: стремление избегать ситуаций, связанных с принятием решений; затруднения при необходимости выбрать приоритетные направления деятельности; неуверенность в себе; наивность и непосредственность в поведении.

Завершая интерпретацию результатов эмпирического исследования, отметим, что полученные результаты развивают и дополняют существующее представление о потенциале кандидатов на службу в органы внутренних дел, отнесенных к третьей категории профессиональной пригодности, в частности, показывая отличие от лиц, отнесенных к четвертой (не рекомендованной по результатам профессионального психологического отбора) категории. Третья категория характеризуется незначительным отклонением в уровне развития личных и деловых качеств. В отличие от нее четвертая категория, согласно нашим исследованиям, во-первых, имеет больший объем факторов риска девиантного поведения в прошлом, во-вторых, отличается существенным отклонением от критериальных показателей отбора, показывающим на нецелесообразность их приема на службу в органы внутренних дел (Злоказов, Власов, 2023). Полученные нами сведения вновь подтверждают нецелесообразность привлечения к службе кандидатов, отнесенных к четвертой категории профессиональной психологической пригодности.

Выявленные эмпирические факты свидетельствуют, что кандидаты, рекомендованные условно, в силу недостаточного развития личных и деловых качеств будут дольше адаптироваться к служебной деятельности по сравнению с кандидатами, отнесенными ко второй и первой группам профессиональной психологической пригодности.

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что кандидаты, рекомендованные условно, нуждаются в расширенной программе индивидуального обучения, нацеленной на формирование прочных умений и навыков выполнения обязанностей в должности сотрудника органа внутренних дел, учитывающей своеобразие их когнитивных, эмоционально-волевых качеств, характеристик ответственности и исполнительности.

Кроме того, организация индивидуальной воспитательной работы с этой категорией профессиональной пригодности должна учитывать выявленный нами комплекс качеств. Взаимосвязи внутренней организованности личности с уровнем эмоциональной устойчивости, волевой регуляции, правосознанием и уровнем зрелости кандидата, на наш взгляд, показывают возможности развития недостаточно сформированных качеств этой группы посредством воздействия на организованность. Воспитательные действия, нацеленные на ее формирование, будут способствовать развитию и других качеств сотрудника. Кроме того, как

показывают исследования Р. И. Степанова, именно индивидуализированный выбор методов и форм данной работы обеспечивает ее эффективность (Степанов, 2015). Использование нерелевантного воздействия может привести к неприятию сотрудником воспитательного воздействия, конфликтам с сотрудниками служебного коллектива и непосредственным руководителем.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что сотрудникам, отнесенным к третьей категории профессиональной психологической пригодности и рекомендованным условно, присуще специфическое развитие личных и деловых качеств, влияющее на выполнение деятельности в особых условиях. Изучение и оценка данного комплекса качеств позволяют сформулировать ряд предложений по их развитию в рамках индивидуальной воспитательной работы и морально-психологического обеспечения выполняемой данными сотрудниками деятельности.

Результаты изучения личности кандидатов, отнесенных к третьей категории, показывают взаимосвязь качеств, которые требуют дополнительного развития, с теми, которые обследуемые оценивают у себя как более сильные. Таким образом, проводя индивидуальную работу, исходя из сильных сторон кандидата, возможно сформировать требуемый уровень развития личных и деловых качеств.

Организацию индивидуальной воспитательной работы с сотрудниками, отнесенными к третьей категории, можно планировать по двум направлениям: работа с личностными особенностями (повышение профессионального уровня, а также развитие эмоциональной устойчивости, волевой сферы личности и правосознания) и профилактика девиантного поведения (его прогноз, превенция и профилактика), в том числе при проведении психофизиологических исследований при переводе на вышестоящую должность.

В целом проведенное исследование психологических особенностей кандидатов, отнесенных к третьей категории профессиональной психологической пригодности, позволило получить данные, необходимые для дальнейшей научной и практической работы психологов органов внутренних дел Российской Федерации, показало перспективы их применения в организации морально-психологического сопровождения, а также создания программ психологического сопровождения, нацеленных на скорейшую профессиональную адаптацию и сохранение психологического благополучия данной категории сотрудников.

Список литературы

- Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2022). Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России. *Психология и право*, Т. 12, 2, 141–160. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120211>
- Власов, А. Э., Кордобовская, К. Е. (2023). Уровень развития правосознания как критерий профессионального психологического отбора на службу в полицию. В Ю. А. Шаранов, В. Л. Ситников (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2023)*: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года, стр. 160–165). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN LDZTTO.
- Гончарова, Н. А., Калашник, А. А., Ситников, В. Л. (2021). Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность

- сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, Т. 11, 2, 17–25. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110202>
- Дашко, М. Н., Виноградов, М. В. (2015). Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (62), 101–106.
- Зарипова, А. С. (2018). Отбор кадров в силовые ведомства Российской Федерации как психологическая проблема. *Аллея науки*, Т. 6, 10 (26), 26–30.
- Злоказов, К. В., Власов, А. Э. (2019). Специфика личностных свойств кандидатов, не рекомендованных к службе в органах внутренних дел. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (81), 228–234. EDN DPFEDS.
- Ичитовкина, Е. Г., Гибадулин, Е. Ш., Шукин, Г. В. (2022). Прогнозирование частоты выявления факторов риска девиантного поведения у кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. *Медицинский вестник МВД*, Т. 119, 4 (119), 22–26. https://doi.org/10.52341/20738080_2022_119_4_22
- Костина, Е. В. (2023). Эмпирический анализ профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) образовательных организаций МВД России. *Прикладная психология и педагогика*, Т. 8, 4, 202–209. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-202-209>
- Павленко, А. Ф., Скиданова, Р. А. (2020). Формирование системы профессиональной ориентации и отбора на службу в органы внутренних дел. В А. П. Блинков, И. В. Батыщева, М. И. Климова (ред.), *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции* (г. Волгоград, 16 октября 2019 года, стр. 95–99). Москва: ООО "Издательство "Спутник+".
- Поздняков, В. М., Костина, Е. В., Деулин, Д. В., Петров, В. Е. (2023). Генерализация факторов риска девиантного поведения у кандидатов на службу в органы внутренних дел, выявленных в ходе профессионального психологического отбора с применением полиграфа. *Прикладная юридическая психология*, 2 (63), 92–104.
- Степанов, Р. И. (2015). Эффективность применения методов воспитательной работы сотрудниками младшего и среднего начальствующего состава органов внутренних дел. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (61), 67–71.
- Хавыло, А. В., Устенко, А. В., Енгалычев, В. Ф. (2023). Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора. *Психология и право*, Т. 13, 2, 153–165. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130212>
- Adams, I., & Mastracci, S. (2019). Police body-worn cameras: effects on officers' burnout and perceived organizational support. *Police Quarterly*, 22 (1), 5–30. <https://doi.org/10.1177/1098611118783987>
- Carlson-Johnson, O., Grant, H., & Lavery, C. F. (2020). Caring for the Guardians—Exploring Needed Directions and Best Practices for Police Resilience Practice and Research. *Frontiers in Psychology*, 11:1874. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01874>
- Corey, D. M., McElroy, H. K., & Ben-Porath, Y. S. (2023). Statewide psychological screening mandates for police candidates in the United States: A review and comparison to the standard of practice. *Professional Psychology: Research and Practice*, Vol. 54 (2), 156–166.

- Jackman, P. C., Henderson, H., Clay, G., & Coussens, A. H. (2020). The relationship between psychological wellbeing, social support, and personality in an English police force. *International Journal of Police Science & Management*, 22 (2), 183–193. <https://doi.org/10.1177/1461355720907620>
- Marshall, R. E., Milligan-Saville, J. S., Steel, Z., Bryant, R. A., Mitchell, P. B., Harvey, S. B. (2020). A prospective study of pre-employment psychological testing amongst police recruits. *Occupational Medicine*, Vol. 70, 3, 162–168. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqaa008>
- Mona, G. G., Chimbari, M. J., & Hongoro, C. (2019). A systematic review on occupational hazards, injuries and diseases among police officers worldwide: Policy implications for the South African Police Service. *J Occup Med Toxicol*, 14, 2. <https://doi.org/10.1186/s12995-018-0221-x>
- The Impact of Deviant Behavior of Police Officers (November, 2013). *LawTeacher*. Retrieved from <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/criminology/deviant-behavior-of-police-officers.php?vref=1>
- Violanti, J. M., Owens, S. L., McCanlies, E., Fekedulegn, D., & Andrew, M. E. (2019). Law enforcement suicide: a review. *Policing: An International Journal*, Vol. 42, 2, 141–164. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-05-2017-0061>
- Wassermann, A., Meiring, D., & Becker, J. R. (2019). Stress and coping of police officers in the South African Police Service. *South African Journal of Psychology*, 49 (1), 97–108. <https://doi.org/10.1177/0081246318763059>

References

- Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2022). Osobennosti provedeniya special'nyh psihofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del, naznachaemykh na inye dolzhnosti v sisteme MVD Rossii. *Psihologiya i pravo*, T. 12, 2, 141–160. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120211>
- Vlasov, A. E., Kordobovskaya, K. E. (2023). Uroven' razvitiya pravosoznaniya kak kriterij professional'nogo psihologicheskogo otbora na sluzhbu v policiyu. V Yu. A. Sharanov, V. L. Sitnikov (red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2023): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Sankt-Peterburg, 20–21 aprelya 2023 goda, str. 160–165). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN LDZTTO.
- Goncharova, N. A., Kalashnik, A. A., Sitnikov, V. L. (2021). Sravnitel'nyj analiz vyrazhennosti svojstv, limitiruyushchih professional'nuyu psihologicheskuyu prigodnost' sotrudnikov organov vnutrennih del. *Psihologiya i pravo*, T. 11, 2, 17–25. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110202>
- Dashko, M. N., Vinogradov, M. V. (2015). Professional'nyj psihologicheskij otbor na sluzhbu v organy vnutrennih del: novyj podhod k izucheniyu lichnyh i delovyh kachestv grazhdan, postupayushchih na sluzhbu v podrazdeleniya MVD. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (62), 101–106.
- Zaripova, A. S. (2018). Otbor kadrov v silovye vedomstva Rossijskoj Federacii kak psihologicheskaya problema. *Alleya nauki*, T. 6, 10 (26), 26–30.
- Zlokazov, K. V., Vlasov, A. E. (2019). Specifika lichnostnyh svojstv kandidatov, ne rekomendovannyh k sluzhbe v organah vnutrennih del. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (81), 228–234. EDN DPFEDS.
- Ichitovkina, E. G., Gibadulin, E. SH., Shchukin, G. V. (2022). Prognozirovanie chastoty vyyavleniya faktorov riska deviantnogo povedeniya u kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii. *Medicinskij vestnik MVD*, T. 119, 4 (119), 22–26. https://doi.org/10.5234/1/20738080_2022_119_4_22

- Kostina, E. V. (2023). Empiricheskij analiz professional'nogo psihologicheskogo otbora kandidatov na sluzhbu (obuchenie) obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii. *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, T. 8, 4, 202–209. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-202-209>
- Pavlenko, A. F., Skidanova, R. A. (2020). Formirovanie sistemy professional'noj orientacii i otbora na sluzhbu v organy vnutrennih del. V A. P. Blinkov, I. V. Batyshcheva, M. I. Klimova (red.), *Aktual'nye voprosy ohrany obshchestvennogo porjadka i administrativnoj deyatel'nosti policii: materialy mezhdostupstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Volgograd, 16 oktyabrya 2019 goda, str. 95–99). Moscow: OOO "Izdatel'stvo "Sputnik+".
- Pozdnyakov, V. M., Kostina, E. V., Deulin, D. V., Petrov, V. E. (2023). Generalizaciya faktorov riska deviantnogo povedeniya u kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennih del, vyyavlennyh v hode professional'nogo psihologicheskogo otbora s primeneniem poligrafa. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2 (63), 92–104.
- Stepanov, R. I. (2015). Effektivnost' primeneniya metodov vospitatel'noj raboty sotrudnikami mladshego i srednego nachal'stvuyushchego sostava organov vnutrennih del. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2 (61), 67–71.
- Havylo, A. V., Ustenko, A. V., Engalychev, V. F. (2023). Perspektivy ispol'zovaniya psihofiziologicheskikh metodov dlya ocenki stressoustojchivosti v situacii professional'nogo psihologicheskogo otbora. *Psihologiya i pravo*, T. 13, 2, 153–165. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130212>
- Adams, I., & Mastracci, S. (2019). Policebody-worn cameras: effects on officers' burnout and perceived organizational support. *Police Quarterly*, 22 (1), 5–30. <https://doi.org/10.1177/1098611118783987>
- Carlson-Johnson, O., Grant, H., & Lavery, C. F. (2020). Caring for the Guardians—Exploring Needed Directions and Best Practices for Police Resilience Practice and Research. *Frontiers in Psychology*, 11:1874. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01874>
- Corey, D. M., McElroy, H. K., & Ben-Porath, Y. S. (2023). Statewide psychological screening mandates for police candidates in the United States: A review and comparison to the standard of practice. *Professional Psychology: Research and Practice*, Vol. 54 (2), 156–166.
- Jackman, P. C., Henderson, H., Clay, G., & Coussens, A. H. (2020). The relationship between psychological wellbeing, social support, and personality in an English police force. *International Journal of Police Science & Management*, 22 (2), 183–193. <https://doi.org/10.1177/1461355720907620>
- Marshall, R. E., Milligan-Saville, J. S., Steel, Z., Bryant, R. A., Mitchell, P. B., Harvey, S. B. (2020). A prospective study of pre-employment psychological testing amongst police recruits. *Occupational Medicine*, Vol. 70, 3, 162–168. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqaa008>
- Mona, G. G., Chimbari, M. J., & Hongoro, C. (2019). A systematic review on occupational hazards, injuries and diseases among police officers worldwide: Policy implications for the South African Police Service. *J Occup Med Toxicol*, 14, 2. <https://doi.org/10.1186/s12995-018-0221-x>
- The Impact of Deviant Behavior of Police Officers (November, 2013). *LawTeacher*. Retrieved from <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/criminology/deviant-behavior-of-police-officers.php?vref=1>
- Violanti, J. M., Owens, S. L., McCanlies, E., Fekedulegn, D., & Andrew, M. E. (2019). Law enforcement suicide: a review. *Policing: An International Journal*, Vol. 42, 2, 141–164. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-05-2017-0061>
- Wassermann, A., Meiring, D., & Becker, J. R. (2019). Stress and coping of police officers in the South African Police Service. *South African Journal of Psychology*, 49 (1), 97–108. <https://doi.org/10.1177/0081246318763059>

Информация об авторе:

Андрей Эрикович Власов – временно исполняющий обязанности заместителя начальника отдела психологической работы Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author:

Andrey E. Vlasov – Acting Head of the Psychological Work Department of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.03.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted March 09, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-190-203

Психологические предикторы дефектов правовой социализации современных подростков

Роман Никитич Ветренко

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

romario-vet@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8191-4554

Аннотация

Введение. Выявление психологических предикторов дефектов правовой социализации личности современных подростков остается важной проблемой в контексте сохраняющегося уровня девиантного и преступного поведения среди несовершеннолетних. **Методы.** В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей несовершеннолетних с дефектами правовой социализации, проведенного в период с октября 2021 года по февраль 2022 года. Объектом исследования выступили личностные особенности несовершеннолетних с дефектами правовой социализации. Предметом исследования стали коммуникативные, эмоциональные, регуляторные свойства, копинг-стратегии, показатели адаптации, ценностные ориентации и формы правосознания несовершеннолетних с дефектами правовой социализации. Выборка исследования: 167 несовершеннолетних. **Результаты.** Автор приходит к выводу, что в основе правового реализма, а именно позитивного отношения к праву лежат достаточные адаптационные способности, высокий уровень осведомленности в научно-культурной области знаний, оптимальный энергетический потенциал, моральная нормативность, совладание со стрессом по типу ассертивных действий, интернальность, склонность к эскапизму. Полученные результаты могут быть использованы в профилактической работе с несовершеннолетними, направленной на формирование у них адекватного правосознания. Полученные данные о предикторах тех или иных форм правовых дефектах могут быть использованы и в процессе психокоррекционной работы с несовершеннолетними. В качестве перспективного направления дальнейших исследований автор видит проработку возможностей оптимизации степени социально-психологической адаптации несовершеннолетних и свойств, ее обеспечивающих (адаптивность, ведомость, принятие других, эмоциональный комфорт), а также таких психологических свойств, как моральная нормативность, склонность к доминированию, практичность, смелость, конформность. Проведенное исследование выявило ключевые психологические факторы, способствующие формированию попустительского отношения к закону. Понимание этих факторов не только позволит эффективнее бороться с правонарушениями, но и поможет разработать более целенаправленные программы поддержки и развития подросткового возраста.

Ключевые слова

правовая социализация личности, правосознание, личность несовершеннолетнего, психологические предикторы, девиантное поведение, преступность несовершеннолетних

Для цитирования: Ветренко, Р. Н. (2024). Психологические предикторы дефектов правовой социализации современных подростков. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 190–203. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-190-203.

Original paper

Psychological predictors of defects in legal socialisation of modern adolescents

Roman N. Vetrenko

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

romario-vet@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8191-4554

Abstract

Introduction. Identification of psychological predictors of defects in legal socialisation of modern adolescents' personality remains an important problem in the context of the continuing level of deviant and criminal behaviour among minors. **Methods.** The article presents the results of the empirical study of the personality traits of minors with legal socialisation defects that was conducted between October 2021 and February 2022. The object of the study was the personal characteristics of minors with defects in legal socialisation. The subject of the study was the communicative, emotional, regulatory properties, coping strategies, adaptation indicators, value orientations and forms of legal consciousness of minors with defects in legal socialisation. Study sample: 167 juveniles. **Results.** The author comes to the conclusion that the basis of legal realism, namely positive attitude to law, is sufficient adaptive abilities, high level of awareness in the field of scientific and cultural knowledge, optimal energy potential, moral normativity, coping with stress by the type of assertive actions, internality, tendency to escapism. The obtained results can be used in preventive work with minors, aimed at the formation of adequate legal consciousness. The obtained data on predictors of certain forms of legal defects can also be used in the process of psychocorrective work with minors. As a promising direction for further research, the author sees the development of possibilities for optimising the degree of socio-psychological adaptation of minors and the properties ensuring it (adaptability, submissiveness, acceptance of others, emotional comfort), and such characterological properties as moral normativity, tendency to dominate, pragmatism, courage, conformity. The conducted research helped to identify key psychological factors that contribute to the formation of permissive attitude to law. Understanding these factors will not only make it possible to combat delinquency more effectively, but will also help work out more targeted support and development programs for adolescents.

Keywords

legal socialisation of the individual, legal consciousness, personality of a juvenile, psychological predictors, deviant behaviour, juvenile delinquency

For citation: Vetrenko, R. N. (2024). Psychological predictors of defects in legal socialisation of modern adolescents. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 190–203. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-190-203.

Введение

Исследование психологических предикторов дефектов правовой социализации современных подростков имеет высокую актуальность в контексте современного состояния развития общества, в котором девиантное поведение, правонарушения и преступления среди подростков остаются серьезной социальной проблемой. Понимание психологических факторов, влияющих на социализацию подростков и их отношение к закону, позволяет разрабатывать эффективные программы профилактики правонарушений и поддержки конструктивного развития личности несовершеннолетнего.

Различные аспекты проблемы дефектов правовой социализации несовершеннолетних регулярно рассматриваются в психологических¹ (Лысков, 1969; Сорокин, 2021 и др.), юридических (Певцова, 2006; Бреднева, 2010) и педагогических (Фабриков, 2020; Кагирова, 2023) исследованиях. Как подчеркивают Ю. А. Шаранов, И. Б. Гайворонская, Н. В. Галкина, в настоящее время одним из наиболее острых вопросов изучения в научных работах является вопрос соотношения нормативного и реального правосознания как результата правовой социализации (Шаранов, Гайворонская, Галкина, 2019).

В центре внимания юридической психологии сегодня находится также проблема отношения к праву как проявление правового сознания личности. В работах ряда отечественных ученых отмечается незрелость правового сознания, наличие правового нигилизма в российском обществе. В то же время проблема правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей и психологической коррекции ее дефектов сегодня изучена мало.

Теоретические основы исследования

Среди факторов девиантного поведения в рамках психологического подхода выделяются: криминальная субкультура (Злоказов, 2023), ценностные ориентации (Ощепков, 2012; Афонин, Киселев, 2016; Польшакова, 2017 и др.), особенности мотивации (Новопашина, 2004; Пронина, 2022), психологическое благополучие личности (Ильянкова, 2023), несформированность правосознания (Сапрунов, 1999), социальное пространство личности (Злоказов, Ильянкова, Рожков, 2021), дефекты правовой социализации личности (Ветренко, 2023), сниженный волевой контроль (Ветрова, 2011), защитно-совладающее поведение (Михайлюк, 2006), личностная незрелость (Федонкина, 2019), инфантилизм (Сулимовская, 1994).

В диссертационном исследовании А. А. Ощепкова подчеркивается важность системы ценностей и социальных установок в формировании девиантного поведения подростков, описана специфика системы ценностей и социальных установках у подростков с девиантным и нормативным поведением. Ученым установлены достоверные различия в приоритете ценностей: в девиантной среде – счастье других, развлечения, смелость в отстаивании мнения, чуткость, в нормативной – зрелость, достигаемая жизненным опытом; выявлены особенности ориентации девиантов на самоутверждение в социальном окружении, при этом у правопослушных подростков акцент сосредоточен на получении жизненного опыта через взаимодействие с окружающими. Также среди несовершеннолетних с девиантным поведением преобладают ценности свободы и независимости, ориентация на деньги как средство освобождения от названного требования соблюдения социальных норм (Ощепков, 2012).

Е. И. Ильянкова выяснила, что девиантное поведение и психологическое благополучие личности взаимосвязаны. Исследователь установила, что отсутствие четких жизненных целей, сформированных представлений о своем будущем, ощущение собственной бесполезности как компоненты психологического благополучия личности могут создавать предпосылки для девиантного поведения, запуская механизм совершения правонарушений (Ильянкова, 2023).

А. Г. Сапрунов подчеркивает, что правовознание как понимание и осознание законов и правовых норм может существенным образом влиять на девиантное поведение индивида в результате как недостаточного знания правовой системы или отрицательного отношения к ней, так и намеренного игнорирования правовых норм (Сапрунов, 1999).

На формирование девиантного поведения существенное влияние могут оказать дефекты правовой социализации, выражающиеся, по мнению исследователя, в правовом негативизме,

¹ Гулевич, О. А., Голыничик, Е. О. (2003). *Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по специальности 020400 – «Психология»*. Международное общество им. Л. С. Выготского.

правовом инфантилизме, правовом нигилизме, сознательном преступном поведении. К девиантному поведению могут привести как низкая осведомленность о правовых ограничениях и запретах, так и другие факторы правовой социализации: пренебрежение правовыми нормами в значимой социальной группе, сниженные механизмы контроля правового поведения, отсутствие юридических последствий за совершение деяния и т. д. (Ветренко, 2023).

И. И. Ветрова выделила проблемы контроля поведения как независимого механизма саморегуляции и его роль в формировании девиантного поведения. Подчеркивается своеобразие структуры контроля, включающей когнитивный, волевой и эмоциональный компоненты, обсуждается их возрастная динамика и взаимосвязь с механизмами совладания и психологической защиты. Утверждается, что высокий уровень контроля поведения ассоциируется с эффективным использованием копинг-стратегий, способствуя решению проблем, поиску социальной поддержки и обеспечивая низкий уровень тревожности и общую приспособленность в жизни, препятствующие формированию девиантного поведения (Ветрова, 2011).

Е. Б. Михайлюк обнаружила взаимосвязь между выраженностью поведенческих девиаций у несовершеннолетних и степенью неадаптивности их стиля защитно-совладающего поведения. Подчеркивается, что сильное напряжение психологической защиты, доминирование защит примитивного уровня и сниженная эффективность совладающего поведения могут быть факторами, способствующими девиантному поведению. Автор выделяет четыре различных стиля защитно-совладающего поведения у девиантных несовершеннолетних: «относительно адаптивный», «неадаптивный», «ограждающий» и «невротический». Эти стили связаны с конфликтами в Я-концепции личности и отличаются по эффективности системы психологической защиты и совладающего поведения. Особое внимание уделяется специфике каждого стиля, связанной с копинг-ресурсами личности, включая акцентуации характера, личностный профиль, способы поведения в трудных ситуациях и особенности отношения к ответственности (Михайлюк, 2006).

А. А. Федонкина настаивает на преимущественной роли личностной незрелости в формировании девиантного поведения. Под данным конструктом она понимает недостаточную сформированность личностных свойств, регулирующих социально значимое поведение. В результате эмпирического исследования ею было установлено, что личностная незрелость влияет на способность несовершеннолетних правонарушителей осознавать свои противоправные действия и снижает волевую регуляцию их деятельности. Критериями оценки являются признаки личностной незрелости в сочетании с внутренними и внешними ситуационными факторами, влияющими на систему осознанной регуляции их поведения (Федонкина, 2019).

Е. И. Сулимовская подчеркивает значение инфантилизма в формировании девиантного поведения. Инфантилизм, характеризующийся сохранением черт детского поведения и недостаточной зрелостью в социальных взаимоотношениях, обуславливает определенные трудности в адаптации к социуму и эмоциональном самоконтроле, что создает благоприятные условия для развития девиантных тенденций. Неспособность адекватно взаимодействовать с обществом, сочетаясь с недостаточной ответственностью, может привести к нарушению социальных норм, агрессивному поведению или зависимостям как форме неконтролируемого эмоционального реагирования на стрессы (Сулимовская, 1994).

Современные подростки являются свидетелями кардинальных изменений в политической, экономической и социальной сферах государственной жизни. В ситуации модернизации системы образования важно по-новому посмотреть на процесс, который закладывает ценностные ориентиры в сознание обучающихся.

Методы и организация исследования

Эмпирическое исследование личностных особенностей несовершеннолетних с дефектами правовой социализации осуществлено в период с октября 2021 года по февраль 2022 года. Объектом исследования выступили личностные особенности несовершеннолетних с дефектами правовой социализации. Предметом исследования явились коммуникативные, эмоциональные, регуляторные свойства, копинг-стратегии, показатели адаптации, ценностные ориентации и формы правосознания несовершеннолетних с дефектами правовой социализации.

Выборка исследования: 167 несовершеннолетних.

Для решения поставленных задач был подобран соответствующий методический инструментарий: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (в адапт. Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой), опросник «Диагностика ценностных ориентаций подростков» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, методика «Отношение к праву» С. П. Безносова. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проведена с использованием пакета программ МО Excel 2010, пакета прикладных программ SPSS v. 21.0. Представлены результаты регрессионного анализа данных изучения личностных особенностей несовершеннолетних с дефектами правовой социализации. В частности, дан ответ на вопрос, какие психологические особенности несовершеннолетних лежат в основе тех или иных форм дефектов правовой социализации: конформизма, цинизма, нигилизма и скептицизма. Кроме этого, приведены результаты исследования предикторов правового реализма.

Полученные данные представляются полезными в составлении программ для работы с несовершеннолетними, направленными на психологическую профилактику отклоняющегося поведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Частотный анализ, которому мы подвергли полученные данные, позволил выявить среди несовершеннолетних тех, для кого в большей мере характерен тот или иной дефект. Изучение правосознания позволило установить наличие дефектов в формах его проявления:

1. Правовой инфантилизм характерен для 37 % несовершеннолетних. Он проявляется в низком уровне правового сознания, безответственном поведении в рамках правовых норм, что обусловлено комплексом причин. К ним относится недостаток правовых знаний, наличие завышенного уровня притязаний, представлений и установок, стремление достичь результата любой ценой, без приложения малейших усилий. Несовершеннолетние с характерным для них правовым инфантилизмом отличаются слабыми прогностическими функциями мышления, что, по всей видимости, и приводит к недооценке последствий того или иного действия и поведения.

2. Правовой нигилизм характерен для 20 % несовершеннолетних. Такие несовершеннолетние склонны к отрицанию предписанных законом норм, отличаются несформированными ценностями и моральными установками на правопослушное поведение.

3. Правовой скептицизм характерен для 55 % несовершеннолетних. Он проявляется в недоверии к правовым нормам и критичном отношении и предполагает достаточно хороший уровень осведомленности в области права.

4. Правовой цинизм характерен для 52 % несовершеннолетних. Эта форма дефекта правовой социализации отражает готовность и умение несовершеннолетнего использовать свои познания в области правовых норм с целью совершения противоправных деяний.

5. Правовой конформизм характерен для 34 % несовершеннолетних. Данная форма дефекта проявляется индифферентным отношением к праву, отсутствием стремлений анализировать

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой конформизм»

Table 1. Results of regression analysis for the dependent variable "Legal conformity"

 $R^2=0,662$; $F=76,16$; $p=0,001$

Модель	Нестандартные коэффициенты		Стандартные коэффициенты	t	p
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	,125	,601		,207	,836
Адаптивность	,014	,002	,369	5,659	,000
Ведомость	,063	,009	,327	7,136	,000
5 Деадаптивность	-,008	,002	-,208	-3,306	,001
Фактор С: степень эмоциональной устойчивости	,113	,045	,149	2,522	,012
Фактор J: неврастения	,104	,050	,088	2,082	,039

и формировать собственную точку зрения на правовую систему при тенденциях следовать за групповым мнением и бездумно подчиняться законам.

Важно отметить, что правовой реализм характерен лишь для 29 % несовершеннолетних. Правовой реализм отражает позитивное отношение к праву, которое сформировано на основе знаний правовых норм, признания права в качестве основного регулятора социальных отношений, толерантности к правовой системе общества.

На следующем этапе исследования личностных особенностей несовершеннолетних с дефектами правовой социализации мы задались вопросом, какие же психологические особенности несовершеннолетних оказывают влияние на формирование тех или иных дефектов правосознания. В целях определения предикторов дефектов правового сознания осуществлен регрессионный анализ полученных данных (метод пошагового отбора). Статистической обработке подверглись следующие переменные: правовой конформизм, правовой цинизм, правовой нигилизм, правовой скептицизм, правовой реализм.

В таблице 1 приведены результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой конформизм». Представленные данные позволяют говорить о том, что влияние на формирование правового конформизма оказывает ряд психологических особенностей несовершеннолетних. В частности, особенности их социально-психологической адаптации, характерологических черт. Так, психологическими предикторами правового конформизма являются:

– адаптивность несовершеннолетнего, проявляемая высоко развитыми способностями к приспособлению к социальным требованиям без ущерба собственным ценностям и потребностям;

– ведомость, отражающая стремления несовершеннолетнего к подчинению, выполнению поставленных задач без проявления инициативы в процессе деятельности;

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой цинизм»

Table 2. Results of regression analysis for the dependent variable “Legal cynicism”

 $R^2=0,646$; $F=50,10$; $p=0,001$

Модель	Нестандарт. коэффициенты		Стандарт. коэффициенты	t	p
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	3,915	,724		5,405	,000
Ведомость	-,047	,014	-,247	-3,360	,001
Адаптивность	-,007	,002	-,204	-3,280	,001
7 Фактор G: степень принятия моральных норм	-,157	,058	-,170	-2,705	,007
Фактор E: пассивность – доминантность	,170	,049	,204	3,438	,001
Эмоциональный комфорт	-,032	,010	-,200	-3,036	,003
Внутренний контроль (интернальность)	,039	,013	,155	3,095	,002

– эмоциональная стабильность, способность к соблюдению социальных норм, покорность перед нерешенными проблемами без негативных психологических состояний, связанных с чувством неудовлетворенности, лабильность поведения в стрессе;

– индивидуалистичность, сдержанность, склонность к интроспекции.

Все перечисленные характеристики способствуют процессу формирования у несовершеннолетних индифферентного отношения к праву, отсутствию стремлений анализировать и формировать собственную точку зрения на правовую систему при тенденциях следования за групповым мнением и бездумного подчинения законам следующим образом.

В таблице 2 приведены результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой цинизм». Представленные данные позволяют говорить о том, что влияние на формирование правового цинизма оказывает ряд психологических особенностей несовершеннолетних. В частности, особенности их социально-психологической адаптации, характерологических черт. Так, психологическими предикторами правового цинизма являются:

– доминирование, отражающее стремления несовершеннолетнего к занятию лидерских позиций, выполнению поставленных задач за счет социального окружения;

– незрелость личностной структуры, дисгармония в сфере регуляции деятельности в плане принятия решений, выбора альтернатив, недостаток социально-психологической адаптации;

– поверхностность, неустойчивость в достижении личностно значимых целей, тенденции к избеганию / игнорированию правил, низкая степень ответственности и обязательности, эгоцентричность, эгоистичность, нежелание подчиняться групповым требованиям;

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой нигилизм»

Table 3. Results of regression analysis for the dependent variable "Legal nihilism"

 $R^2=0,617$; $F=34,01$; $p=0,001$

Модель	Нестандарт. коэффициенты		Стандарт. коэффициенты	t	p
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	8,335	,857		9,724	,000
Неприятие других	-,048	,015	-,217	-3,207	,002
Фактор I: реализм – сензитивность	-,238	,048	-,248	-4,909	,000
Фактор А: шизотимия-аффектомия	-,199	,048	-,231	-4,186	,000
9 Адаптивность	-,006	,002	-,166	-2,879	,004
Фактор Е: пассивность – доминантность	,116	,055	,138	2,128	,035
Фактор Н: смелость	-,160	,057	-,140	-2,791	,006
Внутренний контроль (интернальность)	,036	,014	,142	2,619	,010
Ведомость	-,058	,016	-,299	-3,582	,000

– склонность к доминированию, протестное поведение против не устраивающих их социальных норм, субъективность суждений, склонность к самоутверждению, властность и авторитаризм, проявляемые в групповой деятельности;

– неопределенность в эмоциональном отношении к действительности, переживаемая как эмоциональный дискомфорт;

– интернальность, проявляемая тенденцией несовершеннолетних приписывать причины происходящего с ними внутренним факторам (особенностям характера, способностям, навыкам, имеющимся знаниям).

Все перечисленные характеристики способствуют процессу формирования у несовершеннолетних дефекта правовой социализации, отражающего готовность и умение использовать свои познания в области правовых норм с целью совершения противоправных деяний.

В таблице 3 приведены результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой нигилизм». Представленные данные позволяют говорить о том, что влияние на формирование правового нигилизма оказывает ряд психологических особенностей несовершеннолетних. В частности, особенности их социально-психологической адаптации, характерологических черт. Так, психологическими предикторами правового нигилизма являются:

– удовлетворенность своим социальным окружением и своей ролью в нем;

Ветренко Р. Н./ Vetrenko R. N.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой скептицизм»

Table 4. Results of regression analysis for the dependent variable "Legal scepticism"

 $R^2=0,595$; $F=47,20$; $p=0,001$

Модель	Нестандарт. коэффициенты		Стандарт. коэффициенты	t	p
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	1,631	,848		1,923	,056
Ведомость	-,065	,015	-,319	-4,401	,000
Осведомленность в области общественно-политической области знаний	,280	,061	,282	4,609	,000
6 Эмоциональный комфорт	-,044	,010	-,264	-4,249	,000
Фактор Q2: степень групповой зависимости	,179	,060	,155	2,976	,003
Копинг-стратегия «Агрессивные действия»	,047	,017	,138	2,712	,007
Копинг-стратегия «Избегание»	,049	,024	,096	2,054	,041

– практичность, удовлетворенность собой, независимость, способность интегрировать группу, скептичность к социальным и иным аспектам жизни общества, ориентация на реальную деятельность;

– сдержанность, критичность в оценках, ригидность мнений, скептичность, жесткость и отсутствие тенденций к компромиссному поведению;

– незрелость личностной структуры, дисгармония в сфере регуляции деятельности в плане принятия решений, выбора альтернатив, недостаток социально-психологической адаптации;

– склонность к доминированию, протестное поведение против не устраивающих их социальных норм, субъективность суждений, склонность к самоутверждению, властность и авторитаризм, проявляемые в групповой деятельности;

– социальная смелость, небрежность к деталям, склонность к рисковому поведению;

– интернальность, проявляемая тенденцией несовершеннолетних приписывать причины происходящего с ними внутренним факторам (особенностям характера, способностям, навыкам, имеющимся знаниям);

– доминирование, отражающее стремление несовершеннолетнего к занятию лидерских позиций, выполнению поставленных задач за счет социального окружения.

Все перечисленные характеристики обуславливают склонность несовершеннолетних к отрицанию предписанных законом норм.

В таблице 4 приведены результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой скептицизм». Представленные данные позволяют говорить о том, что влияние на

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой реализм»

Table 5. Results of regression analysis for the dependent variable "Legal realism"

 $R^2=0,764$; $F=68,45$; $p=0,001$

Модель	Нестандарт. коэффициенты		Стандарт. коэффициенты	t	Знч.
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	1,870	,782		2,390	,018
Деадаптивность	-,012	,002	-,314	-5,510	,000
Адаптивность	,007	,002	,168	2,959	,003
Осведомленность в научно-культурной области знаний	,116	,027	,199	4,322	,000
Фактор Q4: степень внутреннего напряжения	-,096	,041	-,108	-2,353	,020
Фактор С: степень эмоциональной устойчивости	,084	,043	,103	1,938	,044
Фактор G: степень принятия моральных норм	,141	,048	,142	2,937	,004
Копинг-стратегия «Ассертивные действия»	,040	,015	,099	2,682	,008
Внутренний контроль (интернальность)	,044	,013	-,161	-3,416	,001
Эскапизм	,033	,013	,140	2,476	,014

формирование правового скептицизма оказывает ряд психологических особенностей несовершеннолетних. В частности, особенности их социально-психологической адаптации, характерологических черт. Так, психологическими предикторами правового скептицизма являются:

- доминирование, отражающее стремление несовершеннолетнего к занятию лидерских позиций, выполнению поставленных задач за счет социального окружения;
- значительная осведомленность в общественно-политической области знаний;
- неопределенность в эмоциональном отношении к действительности, переживаемая как эмоциональный дискомфорт;
- независимость, самостоятельность, отсутствие стремлений учитывать социальное мнение, а также стремлений быть одобряемым членом группы;
- совладание с трудными жизненными ситуациями через действия, направленные на других людей, переживание негативных чувств при неудачах и конфликтах с другими людьми, обвинение окружающих в чем-либо, формирование чувства гнева, раздражения, внутренней напряженности, разочарования и неудовлетворенности;

– совладание с трудными жизненными ситуациями через уход или игнорирование стрессовой ситуации в целях избегания негативных эмоциональных состояний.

Нонконформизм, высокий уровень осведомленности в области общественно-политической области знаний, эмоциональный дискомфорт, независимость, склонность к самостоятельному выбору решений, действий, копинги по типу агрессивных действий и избегающего поведения способствуют формированию недоверия и критичного отношения к правовым нормам при достаточно хорошем уровне осведомленности несовершеннолетнего в области права.

Наконец, в таблице 5 приведены результаты регрессионного анализа для зависимой переменной «Правовой реализм». Представленные данные позволяют говорить о том, что влияние на формирование правового скептицизма оказывает ряд психологических особенностей несовершеннолетних. В частности, особенности их социально-психологической адаптации, характерологических черт. Так, психологическими предикторами правового скептицизма являются:

– адаптивность несовершеннолетнего, проявляемая высоко развитыми способностями приспосабливаться к социальным требованиям без ущерба собственным ценностям и потребностям;

– значительная осведомленность в научно-культурной области знаний;

– оптимальный уровень внутреннего напряжения;

– значительная осведомленность в общественно-политической области знаний;

– эмоциональная стабильность, способность к соблюдению социальных норм, покорность перед нерешенными проблемами без негативных психологических состояний, связанных с чувством неудовлетворенности, лабильность поведения в стрессе;

– сознательность и настойчивость, обязательность и настойчивость, склонность руководствоваться чувством долга, приверженность правовым и социальным нормам;

– совладание с трудными жизненными ситуациями через обозначение собственных интересов и притязаний без ущемления прав других людей;

– интернальность, проявляемая тенденцией несовершеннолетних приписывать причины происходящего с ними внутренним факторам (особенностям характера, способностям, навыкам, имеющимся знаниям);

– тенденции избегать проблемных ситуаций.

Заключение

Таким образом, достаточные адаптационные способности, высокий уровень осведомленности в научно-культурной области знаний, оптимальный энергетический потенциал, моральная нормативность, совладание со стрессом по типу ассертивных действий, интернальность, склонность к эскапизму лежат в основе правового реализма, а именно позитивное отношение к праву, которое сформировано на основе знаний правовых норм, признании права в качестве основного регулятора социальных отношений, толерантность к правовой системе общества. Полученные результаты могут быть использованы в профилактической работе с несовершеннолетними, направленной на формирование у них адекватного правосознания.

В то же время полученные данные о предикторах тех или иных формах правовых дефектов, могут быть использованы и в процессе психокоррекционной работы с несовершеннолетними. В частности, особое внимание следует уделять оптимизации степени социально-психологической адаптации несовершеннолетних и свойств, ее обеспечивающих (адаптивность, ведомость, принятие других, эмоциональный комфорт), а также таких характерологических свойств, как моральная нормативность, склонность к доминированию, практичность, смелость, конформность.

Список литературы

- Афонин, М. В., Киселев, И. Ю. (2016). Ценностные ориентации несовершеннолетних с девиантным поведением. *Вестник социально-политических наук*, 15, 9–11.
- Бреднева, В. С. (2010). *Уровни правосознания и юридическая деятельность*: монография. Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет.
- Ветренко, Р. Н. (2023). Дефекты правовой социализации как фактор формирования делинквентного поведения. В А. С. Душкин, А. М. Иванова (отв. ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 68–72). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Ветрова, И. И. (2011). *Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте*: автореферат дис. ... канд. психолог. наук. Москва.
- Злоказов, К. В. (2023). Взаимоотношение криминальной идентичности и криминальной субкультуры. *Юридическая психология*, 3, 12–16.
- Злоказов, К. В., Ильянкова, Е. И., Рожков, А. А. (2021). Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними. *Всероссийский криминологический журнал*, Т. 15, 1, 15–26.
- Ильянкова, Е. И. (2023). *Психологическая коррекция личности несовершеннолетних, совершивших кражи*: дис. ... канд. психолог. наук. Санкт-Петербург.
- Кагирова, А. Х. (2023). *Основы правового воспитания молодежи в современных условиях*: монография. Махачкала: Дагестанский государственный университет.
- Лысков, А. П. (1969). *Правовая психология и ее место в структуре правосознания*: автореферат дис. ... канд. философ. наук. Ленинград.
- Михайлюк, Е. Б. (2006). *Особенности защитно-совладающего поведения девиантных подростков*: автореферат дис. ... канд. психолог. наук. Ростов-на-Дону.
- Новопашина, Л. А. (2004). *Влияние склонности к девиантным формам поведения на мотивацию учения в подростковом возрасте*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Ощепков, А. А. (2012). *Особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к девиантному поведению*: дис. ... канд. психол. наук. Казань.
- Певцова, Е. А. (2006). *Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи: теоретико-правовые аспекты*: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Москва.
- Польшакова, И. Н. (2017). К вопросу исследования ценностных ориентаций у подростков с девиантным стереотипом поведения. В М. В. Лукьянова, А. С. Лукьянов (ред.), *Психологические исследования личности в современной стрессогенной среде*: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Ставрополь, 28–29 марта 2017 года, стр. 183–187). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.
- Пронина, А. Н. (2022). Взаимосвязь мотиваций личности и склонности к девиантному поведению у подростков, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования. *Психология образования в поликультурном пространстве*, 3 (59), 52–59. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-59-3-52-59>
- Сапрунов, А. Г. (1999). *Формирование правосознания молодежи как социальный регулятор девиантного поведения*: дис. ... канд. социолог. наук. Москва.
- Сорокин, В. В. (2021). *Психологические аспекты права*: монография. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета.

- Сулимовская, Е. И. (1994). *Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых с психическим инфантилизмом церебрально-органического генеза: Психол. аспект: дис. ... канд. психолог. наук.* Москва.
- Фабриков, М. С. (2020). *Педагогические основы формирования правовой культуры студентов: монография.* Владимир: Издательство Владимирского государственного университета.
- Федонкина, А. А. (2019). *Личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития: дис. ... канд. психолог. наук.* Москва.
- Шаранов, Ю. А., Гайворонская, И. Б., Галкина, Н. В. (2019). Несовершеннолетний правонарушитель как субъект восстановительной юстиции. *Психология и право*, Т. 9, 3, 320–337. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090323>

References

- Afonin, M. V., Kiselev, I. Yu. (2016). Cennostnye orientacii nesovershennoletnih s deviantnym povedeniem. *Vestnik social'no-politicheskikh nauk*, 15, 9–11.
- Bredneva, V. S. (2010). *Urovni pravosoznaniya i yuridicheskaya deyatel'nost': monografiya.* Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskij gosudarstvennyj universitet.
- Vetrenko, R. N. (2023). Defekty pravovoj socializacii kak faktor formirovaniya delinkventnogo povedeniya. V A. S. Dushkin, A. M. Ivanova (otv. red.), *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 68–72). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Vetrova, I. I. (2011). *Razvitie kontrolya povedeniya, sovladaniya i psihologicheskikh zashchit v podrostkovom vozraste: avtoreferat dis. ... kand. psiholog. nauk.* Moscow.
- Zlokazov, K. V. (2023). Vzaimootnoshenie kriminal'noj identichnosti i kriminal'noj subkul'tury. *Yuridicheskaya psihologiya*, 3, 12–16.
- Zlokazov, K. V., Il'yankova, E. I., Rozhkov, A. A. (2021). Vliyanie predstavleniya o social'nom prostranstve na ocenku prestupleniya nesovershennoletnimi. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, T. 15, 1, 15–26.
- Il'yankova, E. I. (2023). *Psihologicheskaya korrekciya lichnosti nesovershennoletnih, sovershivshih krazhi: dis. ... kand. psiholog. nauk.* Saint Petersburg.
- Kagirova, A. H. (2023). *Osnovy pravovogo vospitaniya molodezhi v sovremennyh usloviyah: monografiya.* Mahachkala: Dagestanskij gosudarstvennyj universitet.
- Lyskov, A. P. (1969). *Pravovaya psihologiya i ee mesto v strukture pravosoznaniya: avtoreferat dis. ... kand. filosof. nauk.* Leningrad.
- Mihajlyuk, E. B. (2006). *Osobennosti zashchitno-sovladayushchego povedeniya deviantnyh podrostkov: avtoreferat dis. ... kand. psiholog. nauk.* Rostov-na-Donu.
- Novopashina, L. A. (2004). *Vliyanie sklonnosti k deviantnym formam povedeniya na motivaciyu ucheniya v podrostkovom vozraste: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk.* Moscow.
- Oshchepkov, A. A. (2012). *Osobennosti cennostnyh orientacij i social'nyh ustanovok podrostkov, sklonnyh k deviantnomu povedeniyu: dis. ... kand. psihol. nauk.* Kazan'.
- Pevcova, E. A. (2006). *Problemy formirovaniya pravovogo soznaniya uchashchejsya molodezhi: teoretiko-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk.* Moscow.
- Pol'shakova, I. N. (2017). K voprosu issledovaniya cennostnyh orientacij u podrostkov s deviantnym stereotipom povedeniya. V M. V. Luk'yanova, A. S. Luk'yanov (red.), *Psihologicheskie issledovaniya lichnosti v sovremennoj stressogennoj srede: sbornik materialov VI Vserossijskoj*

- nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Stavropol', 28–29 marta 2017 goda, str. 183–187). Stavropol': Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet.
- Pronina, A. N. (2022). Vzaimosvyaz' motivacij lichnosti i sklonnosti k deviantnomu povedeniyu u podrostkov, obuchayushchihся v uchrezhdeniyah srednego professional'nogo obrazovaniya. *Psihologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*, 3 (59), 52–59. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-59-3-52-59>
- Saprunov, A. G. (1999). *Formirovanie pravosoznaniya molodezhi kak social'nyj regulyator deviantnogo povedeniya*: dis. ... kand. sociolog. nauk. Moscow.
- Sorokin, V. V. (2021). *Psihologicheskie aspekty prava*: monografiya. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sulimovskaya, E. I. (1994). *Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psihiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnih obvinyaemyh s psihicheskim infantilizmom cerebral'no-organicheskogo geneza: Psihol. aspekt*: dis. ... kand. psiholog. nauk. Moscow.
- Fabrikov, M. S. (2020). *Pedagogicheskie osnovy formirovaniya pravovoj kul'tury studentov*: monografiya. Vladimir: Izdatel'stvo Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta.
- Fedonkina, A. A. (2019). *Lichnostnaya nezrelost' u nesovershennoletnih pravonarushitelej v ramkah normal'nogo i anomal'nogo lichnostnogo razvitiya*: dis. ... kand. psiholog. nauk. Moscow.
- Sharanov, Yu. A., Gajvoronskaya, I. B., Galkina, N. V. (2019). Nesovershennoletnij pravonarushitel' kak sub"ekt vosstanovitel'noj yusticii. *Psihologiya i pravo*, T. 9, 3, 320–337. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090323>

Информация об авторе:

Роман Никитич Ветренко – адъюнкт кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author:

Roman N. Vetrenko – Adjunct at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 08.04.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted April 08, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222

Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Актуальность исследования самореализации криминогенной личности обусловлена необходимостью предупреждения и профилактики рецидивной преступности лиц, ранее подвергнутых уголовному преследованию. В статье рассматривается значение самореализации как альтернативного криминологическому способу изучения причин совершения преступлений, неудач ресоциализации и реинтеграции в общество после отбывания уголовного наказания. Показано, что самореализация криминогенных лиц не изучается достаточно интенсивно наряду с другими проявлениями субъектности личности. Как следствие, отсутствует целостное представление о ее специфике у лиц с последовательно-криминогенным, ситуативно-криминогенным и правопослушным поведением, роли социального окружения в формировании направленности и преодолении трудностей. **Целью** выступает описание самореализации личности в зависимости от уровня криминогенности, а также отношений к социальному окружению, влияющих на ее осуществление. **Методы исследования** разделяются на методы обработки теоретической информации (анализ, синтез, систематизация, обобщение), а также эмпирические методы опроса и обработки результатов эмпирического исследования (сопоставление групп методом U-критерия Манна-Уитни, расчет обобщенной линейной модели (general linear model, GLM)). **Эмпирическое исследование** посвящено изучению самореализации личности в зависимости от типа криминогенности поведения и отношений к социальному окружению. **Выборка** исследования состоит из 388 человек, правопослушных лиц – 142 человека, ситуативно-криминогенных лиц – 133 человека, последовательно-криминогенных лиц – 113 человек. **Результаты.** Результатом исследования выступает эмпирическое описание особенностей самореализации, присущих лицам последовательно-криминогенного типа поведения, значения социального окружения. Установлено, что криминогенность негативно влияет на самореализацию криминогенной личности, затрудняя выбор личностно-значимой цели, ее удержание и достижение. Необходимым условием для поддержания направленности и преодоления трудностей в самореализации криминогенной личности выступает наличие отношений с социальным окружением. Самореализация криминогенной личности зависит от отношения к себе как субъекту взаимодействия с окружающими и соучастия других людей в достижении личностно-значимых целей. Результаты применимы в теоретических исследованиях криминогенной личности, разработке программ предупреждения и профилактики рецидивной преступности ранее судимых лиц.

Ключевые слова

криминогенная личность, личность рецидивного преступника, криминальное поведение, самореализация криминогенной личности, социальное окружение преступника

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2024). Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 204–222. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222.

Original paper

Self-fulfilment of a criminogenic individual: the importance of social environment

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Abstract**

Introduction. The relevance of the study of criminogenic **individuals'** self-fulfilment is determined by the necessity to prevent recidivism. The paper considers the importance of self-fulfilment as an alternative criminological technique to examine the causes of crime, failures of resocialisation and reintegration into society after serving a criminal sentence. The research shows that self-fulfilment of criminogenic individuals is not studied enough along with other aspects of personality subjectivity. Thus, there is no holistic view of its specificity among individuals demonstrating sequential-criminogenic, situational-criminogenic and law-abiding behaviour, the role that social environment plays in overcoming difficulties. **The aim** is to describe the self-fulfillment of an individual depending on the level of criminality, as well as attitudes to the social environment that influence its realization. **Research methods** are divided into methods of processing theoretical information (analysis, synthesis, classification, generalisation), as well as empirical methods of survey and processing the results of empirical research (comparison of groups by Mann-Whitney U-criterion, calculation of the generalized linear model (general linear model, GLM)). **The empirical study** is devoted to the study of self-fulfilment of individuals depending on the type of criminogenic behaviour and attitudes to the social environment. The sample of the study consists of 388 people covering 142 law-abiding individuals, 133 situational-criminogenic people and 113 sequential-criminogenic individuals. **Results.** The result of the study is an empirical description of the peculiarities of self-fulfilment, typical for individuals exhibiting sequential-criminogenic type of behaviour, and importance of the social environment. The study revealed that criminogenesis negatively affects the self-fulfilment of a criminogenic individual, making it difficult to choose a personal significant goal, its retention and achievement. The availability of relations with the social environment proves to be the essential factor to maintain the focus and dealing with difficulties in self-fulfilment of a criminogenic individual. Self-fulfilment of a criminogenic individual depends on the self-attitude as a subject of interaction with others and participation of other people in personally significant goal attainment. The results can be applied in theoretical studies of criminogenic individuals, designing programs aimed at prevention of recidivism.

Keywords

criminogenic individual, personality of recidivist, criminal behaviour, self-fulfilment of criminogenic individual, social environment of criminal

For citation: Zlokazov, K. V. (2024). Self-fulfilment of a criminogenic individual: the importance of social environment *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 204–222. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222.

Актуальность исследования

Рассмотрение вопроса самореализации криминогенной личности выступает актуальным предметом изучения по нескольким соображениям. Острой социальной значимостью обладает проблема рецидивной преступности лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Анализ статистических сведений о состоянии рецидивной преступности в Российской Федерации в 2023 году показывает, что 216521 преступлений (т. е. 39 % от общего числа) было совершено лицами, имеющими неснятую, непогашенную судимость. При этом доля рецидивной преступности в общей статистике преступлений существенно не изменяется на протяжении ряда последних лет¹. Криминологическая оценка рецидивной преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что более двух третей всех преступлений совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Анализ совершенных преступлений показывает, что практически половине из них свойственна корыстная направленность (91 тысяча краж и мошенничеств), тогда как корыстно-насильственные преступления составляют лишь 6 % (13 тысяч грабежей и разбоев). Доля рецидивных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье окружающих, достигает 12 % (25 тысяч случаев).

Показатели преступлений, совершаемых данной категорией лиц, не претерпевают существенных изменений, несмотря на прилагаемые усилия по предупреждению и профилактике их противоправного поведения. Связанной с данной проблемой является задача совершенствования мер пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Их преобразование, в свою очередь, требует инвентаризации и развития теоретических представлений о криминогенной личности как субъекте противоправного поведения. Проблематика самореализации криминогенной личности не в полной мере соответствует криминологическим взглядам на личность преступника. Согласно им, криминогенная личность как комплекс личностных характеристик, побуждающих к совершению преступления, является следствием социальных или психологических нарушений. Противодействие негативному влиянию осуществляется угрозой уголовного наказания либо, в случае совершения преступления, специально организованным воздействием, направленным на ресоциализацию. Представление о самореализации нехарактерно для криминологических концепций и транслируется из гуманистического подхода к личности, разработанного в психологической науке. Самореализация выражает субъектность личности, представляя собой потребность в воплощении внутреннего представления о себе, своих жизненных целях, планах, устремлениях. Соответственно, изучение самореализации криминогенной личности позволяет обращаться к внутреннему миру личности, анализировать ее представление о допустимости противоправного поведения, позицию по отношению к обществу, его нормам и ценностям. Основания выбора личностно-значимых целей и направленность на их достижение образует отдельную, относительно независимую от внешнего воздействия сферу личности, влияющую на поступки и решения криминогенной личности. С учетом изложенного изучение самореа-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации. *Официальный сайт МВД России*. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 22.04.2024).

лизации криминогенной личности может способствовать расширению представлений о причинах противоправного поведения. Однако к настоящему времени в научной литературе недостаточно описана специфика самореализации лиц с различным уровнем криминогенности, что препятствует решению задачи оценки роли самореализации для предупреждения и профилактики рецидивной преступности. Учитывая, что существующая система исправления поведения осужденных направлена на их вовлечение в общество посредством ресоциализации и реинтеграции, проблематика самореализации рассматривается нами в контексте взаимодействия с социальным окружением. Тем самым захватывается наиболее значимый сегмент проблемы самореализации, связанный с оценкой роли социального окружения в формировании направленности самореализации и ее осуществлении.

Поэтому в статье раскрывается один из аспектов исследования самореализации, связанный с оценкой ее направленности и трудностей, присущих лицам с разным типом криминогенности поведения.

Целью статьи выступает описание самореализации личности в зависимости от уровня криминогенности, а также отношений к социальному окружению.

Задачами исследования является: а) описание представлений о криминогенной личности, самореализации как форме воплощения субъектности; б) проведение эмпирического исследования самореализации у лиц, различающихся по критерию криминогенности.

Результатом выступают новые знания об особенностях самореализации лиц, различающихся по критерию криминогенности, понимание роли социального окружения в ее осуществлении.

Структура статьи соответствует поставленной цели и задачам. Теоретическая часть раскрывает представление о криминогенной личности как субъекте криминального поведения, раскрывает научные взгляды на самореализацию личности и ее значение для жизнедеятельности. Эмпирическая часть статьи описывает организацию, методы и процедуру исследования, результаты сопоставления характеристик самореализации у лиц с разным уровнем криминогенности.

Теоретические основания исследования. Изучение криминогенной личности в криминологии и криминальной психологии подчинено задаче противодействия криминальному поведению лиц, ранее уже подвергавшихся уголовному преследованию.

Исторически выделяются два направления изучения криминогенной личности, формировавшиеся под влиянием антропологического и социологического подходов в криминологии. Первое нацелено на изучение преступности как биосоциального явления (В. М. Бехтерев, М. Н. Гернет, А. Ф. Зелинский, С. В. Познышев, И. Я. Фойницкий, А. И. Щеглов и др.). Рассматривая криминогенную личность как проявление негативных психофизиологических и психологических особенностей личности, побуждающих к совершению преступлений, направление ориентировано на разработку программ предупреждения и профилактики криминального поведения.

Второе направление исследований реализуется в рамках уголовного преследования лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Их целью выступает изучение личности преступника, раскрытия субъективных оснований его деяний и, в контексте психолого-психиатрического исследования, экспертная оценка способности субъекта осознавать собственные действия, их последствия для себя и окружающих. Его основу составляют работы А. Н. Бернштейна, А. Е. Брусиловского, М. П. Бухвалова, Л. Е. Владимирова, А. Р. Лурии, А. И. Ющенко др., закладывающие основы судебно-психологической экспертизы криминогенных лиц.

В современных психологических исследованиях данные направления зачастую интегрированы. Криминогенная личность рассматривается сложным образованием, объединяющим

потребностно-мотивационные, регулятивные, когнитивные и ценностно-смысловые сферы. При этом психологическая интерпретация криминогенной личности существенно отличается от правового или клинико-психологического подходов, также рассматривающих личность в качестве элемента детерминации криминального поведения, несколькими принципиальными особенностями. Во-первых, приданием ключевого значения личности, а не отдельным ее свойствам или характеристикам как в детерминации, так и регуляции криминального поведения, во-вторых, детерминированностью криминогенности психосоциальным развитием, связывающим воедино аномалии развития и искажения социализации, в-третьих, признанием возможности противодействия криминальному поведению за счет психологической коррекции отдельных личностных компонент (мотивации, регуляции, ценности). Таким образом, криминогенная личность представляется системно организованным механизмом побуждения и регуляции криминального поведения, интегрирующим и биологические, и социальные факторы, в совокупности приводящие к криминализации. В числе причин криминального поведения ранее судимых лиц выделяется комплекс факторов:

1) неблагоприятные социальные условия жизнедеятельности. Так, О. В. Филиппова с соавторами, анализируя предпосылки рецидивной преступности, указывает, что их основной причиной является отсутствие источника дохода. Согласно приводимым ими данным опроса осужденных-рецидивистов, 73,5 % назвали отсутствие работы причиной совершения нового преступления (Филиппова, Смирнов, Чернышева, 2022). При этом, как отмечает А. Д. Денисов, лица, совершившие рецидив, характеризуются низкой трудовой активностью, имеют полное или неоконченное среднее общее образование, не имеют высокой квалификации (Денисов, 2019). К числу причин исследователи относят отсутствие у осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, документов, устанавливающих личность, имущественные и иные права, отсутствие постоянного места проживания. Ряд причин обусловлен негативным воздействием на криминогенную личность последствий заболеваний, травм, стрессовых и экстремальных факторов;

2) личностные особенности, препятствующие ресоциализации и реинтеграции криминогенных лиц. Так, Е. Ф. Сердюкова, диагностируя особенности ценностно-мотивационной сферы лиц, осужденных за преступления против собственности, отметила их нежелание изменять свои привычки и склонности (Сердюкова, 2016). Характеризуя особенности поведения лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, О. А. Цветкова и О. В. Волкова выявили выраженную у них конфликтную стратегию поведения. Для нее характерны агрессивность в отстаивании интересов, стремление к самоутверждению за счет других людей, при отсутствии ясного плана на будущее (Цветкова, Волкова, 2022). Неспособность и нежелание бывших осужденных выстраивать социально-положительный образ жизни, срыв и возвращение к криминальному поведению также отмечается О. М. Писаревым в качестве личностной особенности, сформированной вследствие длительного отбывания наказания (Писарев, 2018). Ряд исследователей выделяет криминальную направленность личности в качестве глобального фактора, влияющего на изменение отношения к окружающим на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях посткриминального этапа жизнедеятельности. Исследователи по-разному характеризуют ее проявления, выделяя внешнюю сторону (криминальную зараженность, сохранения культуры общения и взаимодействия, свойственной осужденным) (Бусыгин, Вербина, 2017), а также внутреннюю, субъективную (подверженность криминальным ценностям, сохранение криминальной идентичности, отрицание правопослушного образа жизни) (Кохман, Добров, 2021). В работе И. Н. Коноплевой с соавторами делается вывод о том, что криминогенным лицам свойственны недостатки (дефекты) саморегуляции, планирования и низкой самостоятельности, клинико-психологические особенности личности

(агрессивность, лживость) (Коноплева и др., 2022). В исследовании Е. В. Овчаровой отмечается, что личностные особенности криминогенных лиц, склонных к рецидиву, могут быть описаны комплексом методик, характеризующих индивидуально-психологические особенности («Мини-мульти», «Комплексное исследование личности осужденного», опросник Шмишека, опросник агрессивности Басса-Дарке) (Овчарова, 2021);

3) отношения с социальным окружением: отсутствие связей с членами семьи, родственниками либо враждебно-конфликтные отношения с ними. Так, анализируя результаты опроса осужденных, Н. В. Ольховик и Л. М. Прокументов отмечают, что новые преступления обусловлены утратой социальных связей, негативным психологическим воздействием социальной среды и ухудшением социальных условий (Ольховик, Прокументов, 2009). Характеризуя социальное взаимодействие бывших осужденных, Е. В. Распопин выявил негативные формы взаимоотношений, способствующие вовлечению в занятия противоправными деяниями и неблагоприятные социально-экономические условия, способствующие рецидиву (Распопин, 2020).

Анализируя представления о криминогенной личности и причины, способствующие повторному совершению преступлений, следует выделить в их числе направление изучения субъективных представлений криминогенной личности о себе как субъекте противоправного поведения. В рамках данного направления криминальное поведение выступает результатом оценки личностью своего противоправного поведения как способа реализации субъектности – антиобщественной позиции личности, воплощенной в относительно устойчивом и последовательном предпочтении противоправного поведения правопослушному. В рамках данного направления нами и будет рассмотрена специфика самореализации криминогенной личности.

Самореализация криминогенной личности. Руководствуясь представлениями о самореализации психологической детерминанты активности личности, охарактеризуем ее сущность. Согласно С. И. Кудинову, самореализация является комплексной по организации и результативной по характеру воплощения формой поведения личности, реализующей субъектность (Кудинов, 2007). В таком представлении самореализация выступает комплексным образованием, интегрирующим в себе такие процессы, как самоактуализация, самовыражение, самоутверждение, самораскрытие, самосовершенствование (Забелина, 2013). Следуя разработанной С. И. Кудиновым концепции, самореализация обеспечивает постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности. По мнению К. А. Абульхановой, самореализация базируется на самопознании, самоопределении и готовности личности к воплощению представления о себе (Абульханова-Славская, 1991). Для Н. В. Овчаренко самореализация выступает воплощением личностью имеющихся способностей в жизнь в целях самоутверждения (Овчаренко, 2015). В ее трактовке самореализация является рутинным и утилитарным процессом, предполагающим достижение, в том числе и личностно-значимых, целей. В представлении И. Б. Дермановой самореализация сопряжена с самовыражением, самопроявлением и самоутверждением личности (Дерманова, 2004). Следует согласиться с Р. М. Шамяновым в том, что изменения зрелой личности характеризуется особым отношением к социальной ситуации, в которой пребывает личность, имеющая опыт и навык усвоения социальной информации, привычные механизмы (которые до определенной степени не нарушаются), наконец, субъектную позицию, сформированную на протяжении определенного времени; кроме того, она имеет отличные механизмы и институты (Шамянов, 2012).

В деятельности специалистов исправительных учреждений ФСИН России особенности самореализации изучаются в качестве характеристики, включенной в различные измерения субъектности личности. Так, к примеру, в исследовании А. В. Вилковой и В. М. Литвишко-

ва воспитание устойчивости личности к криминальному поведению выполняется с учетом сформированности самореализации личности (Вилкова, Литвишков, 2018). Исследования криминогенных лиц подчеркивают значимость воздействия на самореализацию при решении задач ресоциализации. В частности, формирование профессионального самоопределения осуществляется Л. И. Кундозеровой с соавторами с опорой на субъективные представления осужденных подростков о самореализации (Кундозерова, Чириков, Бабушкин, 2019). В работе Т. В. Пивоваровой отмечается роль духовно-нравственного воспитания в создании ценностных оснований самореализации несовершеннолетних осужденных (Пивоварова, 2014). В исследовании И. М. Эльхановой подвергается анализу механизм самореализации несовершеннолетних правонарушителей, выявляется способность к рефлексии целей саморазвития, ресурсов их достижения (Эльханова, Беленкова 2023). Следует отметить, что при достаточно детальном изучении самореализации несовершеннолетних относительно слабо представлены исследования зрелых лиц. В их числе работы, характеризующие самоактуализацию (Цветкова, Волкова, 2022) и иные характеристики субъектности, такие как жизненные планы (Наприс, 1997) и жизненный путь осужденного (Ипполитова, Вологодина, 2019). Однако в них не рассматривается специфика самореализации лиц с различным типом криминогенности, а также не оцениваются ее характеристики с учетом влияния социального окружения. Недостаток исследований самореализации криминогенной личности ставит вопрос о восполнении отсутствующих научных знаний о роли социального окружения в ее реализации. Их дефицит не позволяет в полной мере раскрыть сущность самореализации, определить соотношение составляющих ее социально-типичных и индивидуально-специфических компонент, выявить роль социального окружения в ее осуществлении. Как следствие, снижается эффективность психологической коррекции криминогенной личности. Отсутствие представлений о характеристиках самореализации криминогенной личности, и, в особенности, значения социального окружения восполняется нами посредством эмпирического исследования.

Цель исследования – изучение самореализации личности в зависимости от типа криминогенности поведения и отношений к социальному окружению.

Гипотеза исследования заключается в том, что самореализация криминогенных лиц зависит от типа криминогенности и характера отношений к социальному окружению.

Методы исследования подразделялись на методы сбора и обработки информации. Сбор информации о самореализации осуществлялся посредством методики «**Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении**» (С. И. Кудинов, в модификации К. В. Злоказова), а также авторского опросника «Оценка взаимодействия с социальным окружением».

Методика «**Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении**» является модифицированным вариантом методики С. И. Кудинова (Злоказов, 2024). Модифицированная шкала включает 10 пунктов первоначального опросника, 5 из которых характеризуют направленность на самореализацию, а 5 трудности. Характеристики отдельных пунктов изменены в целях облегчения восприятия опрашиваемыми лицами. Полученная шкала самореализации обладает удовлетворительными показателями согласованности и связанности (значения α -Кронбаха = 0,73, корреляция утверждений = 0,44). Модифицированная шкала позволяет оценить степень стремления к самореализации, а также выраженность сопутствующих этому трудностей. Направленность на самореализацию характеризует желание субъекта реализовать собственные планы, цели, способности, тогда как шкала трудностей свидетельствует о неудачах, препятствиях и ограничениях в самореализации. Анализ распределения ответов показал наличие высказываний по всем диапазонам измерения, что свидетельствует о достаточности выбранной шкалы для оценки субъективных представлений о самореализации.

Методика «*Оценка взаимодействия с социальным окружением*» состоит из 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы: «Восприятие поддержки социального окружения», «Самооценка взаимодействия с социальным окружением», «Способность оказывать влияние на социальное окружение». Методика характеризует функциональное значение отношений личности к социальному окружению, показывающее значение людей, составляющих ее окружение, для ее социального функционирования, формировании самооотношения и реализации субъективно-значимых целей.

Утверждения снабжены интервальной шкалой оценивания с пятибалльным диапазоном, где полюса представляют противоположные по значению качества отношений (например: «*бесчувственность-внимательность*», «*лживость-честность*», «*запутанность-точность*» и пр.).

Оценка согласованности ответов респондентов, выполненная посредством расчета α -Кронбаха и расчет корреляции между утверждениями показала удовлетворительные результаты («Поддержка социального окружения» α -Кронбаха = 0,77, $r=0,49$, «Самооценка взаимодействия с социальным окружением» α -Кронбаха = 0,72, $r=0,42$, «Способность оказывать влияние на социальное окружение» α -Кронбаха = 0,79, $r=0,39$).

Методом обработки информации выступили процедуры дескриптивной статистики, использовавшиеся для оценки характеристик распределения собранных данных. Применение критерия Шапиро-Уилкса показало отклонение от параметров нормального распределения по всем показателям исследования ($p < 0,05$). В этой связи для тестирования гипотезы использовался непараметрический критерий сравнения групп – U-критерий Манна-Уитни, оценка мощности различий осуществлялась методом рангово-бисериальной корреляции.

Тестирование гипотез осуществлялось посредством оценки влияния параметров социального окружения и отношений к нему на переменные «Направленность самореализации» и «Трудности самореализации» в подгруппах выборки, различающихся по криминализации методом расчета обобщенной линейной модели (general linear model, GLM).

Выборка объемом 388 человек формировалась с целью тестирования гипотезы исследования. Составляющие ее лица различаются по криминогенности на: а) правопослушных лиц, не привлекавшихся к уголовной ответственности (142 человека, мужчин 88,7 %, ср. возраст 29,2 года), б) ситуативно-криминогенных лиц, однократно судимых за совершение умышленных преступлений, 133 человека, мужчин 84,24 %, ср. возраст 28,3 года; в) последовательно криминогенных лиц, имеющих от 3 до 9 судимостей, 113 человек, мужчин 96,4 %, ср. возраст 29,7 лет. Судимые лица опрашивались по месту отбывания наказания в исправительных учреждениях ФСИН России Архангельской, Кировской и Свердловской областей.

Результаты исследования

Первым результатом исследования выступили субъективные оценки трудностей самореализации и ее направленности в выборках, различающихся по уровню криминализации (см. табл. 1).

Результаты свидетельствуют о значимых различиях в характеристиках самореализации между группами правопослушных лиц, а также лиц с ситуативно-криминогенной и последовательно-криминогенной направленностью.

Оценка трудностей самореализации. При попарном сравнении правопослушные лица характеризуются наименьшими трудностями самореализации в сравнении с ситуативно-криминогенными (U-крит. = 7390, $p = 0,002$, $r_b = 0,217$) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 7390, $p = 0,0002$, $r_b = 0,386$). Статистически значимые различия в трудностях самореализации выявлены и между группами лиц с разным уровнем криминогенности (U-крит. = 5982, $p = 0,006$, $r_b = 0,204$).

Таблица 1. Субъективные характеристики самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 1. Subjective characteristics of self-realization of persons with different levels of criminality

Подгруппы выборки	Характеристики самореализации	
	Трудности самореализации	Направленность самореализации
Правопослушные	Ср.знач. = 11,4, SD = 2,91	Ср.знач. = 15,2, SD = 2,41
Ситуативно-криминогенные	Ср.знач. = 12,6 SD = 3,76	Ср.знач. = 12,8 SD = 3,66
Последовательно-криминогенные	Ср.знач. = 13,8 SD = 3,70	Ср.знач. = 14,1 SD = 3,37

Оценка направленности в самореализации. При попарном сравнении групп наибольшая устойчивость направленности свойственна правопослушным лицам в сравнении с ситуативно-криминогенными лицами (U -крит. = 5614, $p = 0,001$, $r_b = 0,405$) и последовательно-криминогенными лицами (U -крит. = 6399, $p = 0,005$, $r_b = 0,202$), а также между лицами с разной криминогенностью (U -крит. = 6035, $p = 0,007$, $r_b = 0,197$). Следует отметить, что в значениях среднего наименьшая устойчивость направленности самореализации свойственна ситуативно-криминогенным лицам.

Вторым результатом исследования стали характеристики отношений к социальному окружению в группах лиц с разной криминогенностью.

Сопоставление групп продемонстрировало статистически значимое различие в их характеристиках. Так, оценка социальной поддержки наиболее выражена в группах правопослушных лиц и статистически отличается от ситуативно-криминогенных (U -крит. = 5554, $p = 0,001$, $r_b = 0,412$) и последовательно-криминогенных лиц (U -крит. = 1213, $p = 0,001$, $r_b = 0,849$). Отличия установлены также в характеристиках самоотношения во взаимодействии, демонстрируя наиболее высокие значения показателя у правопослушных лиц в сравнении с ситуативно-кри-

Таблица 2. Характеристики отношений к социальному окружению лиц с разным уровнем криминогенности

Table 2. Characteristics of attitudes towards the social environment of persons with different levels of criminality

Подгруппы выборки	Характеристики отношений к социальному окружению		
	Оценка социальной поддержки	Самоотношение во взаимодействии	Соучастие окружающих
Правопослушные	Ср. знач. = 21,9, SD = 3,51	Ср. знач. = 21,5, SD = 3,53	Ср. знач. = 18,9, SD = 3,99
Ситуативно-криминогенные	Ср. знач. = 19,1, SD = 3,61	Ср.знач. = 19,2, SD = 3,49	Ср. знач. = 15,4, SD = 3,64
Последовательно-криминогенные	Ср. знач. = 14,5, SD = 3,91	Ср. знач. = 14,2, SD = 5,01	Ср. знач. = 14,6, SD = 4,10

Таблица 3. Влияние отношений к социальному окружению на направленность самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 3. The influence of attitudes towards the social environment on the direction of self-realization of persons with different levels of criminality

Вид влияния	Эффекты влияния	Показатель (Estimate)	Ошибка измерения	95% интервал.		β	z	p
				нижн.	верхн.			
Прямой	Тип криминогенности → направленность самореализации	-0,62	0,33	-1,28	0,04	-0,15	-1,83	0,06
Компонентный	1.1. Тип криминогенности → поддержка социального окружения	-3,94	0,23	-4,41	-3,43	-0,64	-16,81	<0,001
	1.2. Поддержка социального окружения → направленность самореализации	-0,02	0,04	-0,06	0,11	0,03	0,51	0,61
	2.1. Тип криминогенности → самоотношение во взаимодействии	-3,84	0,22	-4,29	-3,41	-0,65	-17,1	<0,001
	2.2. Самоотношение во взаимодействии → направленность самореализации	-0,03	0,04	-0,05	0,12	-0,05	-0,83	0,42
	3.1. Тип криминогенности → соучастие окружения	-2,34	0,23	-2,81	-1,89	-0,45	-10,14	<0,001
	3.2. Соучастие окружения → направленность самореализации	-0,09	0,04	-0,18	-0,06	-0,11	-2,1	0,04
Опосредованный (по типу криминогенности)	Правопослушный	-0,87	0,17	-0,42	0,25	-0,02	-0,51	0,61
	Ситуат. криминоген.	-0,14	0,17	-0,49	0,20	-0,03	-0,81	0,41
	Послед. криминоген.	0,22	0,09	-0,01	0,43	0,05	2,86	0,02

Примечание: здесь и в следующей таблице β – предиктор (регрессор), z – значение эффекта медиации, p – уровень статистической значимости.

миногенными (U-крит. = 6056, p = 0,001, rb = 0,359) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 1060, p = 0,001, rb = 0,868). Выявлены статистически значимые различия в оценках соучастия окружающих. Наибольший уровень соучастия характерен окружению правопослушных лиц в сравнении с ситуативно-криминогенными (U-крит. = 4968, p = 0,001, rb = 0,474) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 3242, p = 0,001, rb = 0,596).

Третьим и основным результатом эмпирического исследования стала статистическая оценка влияния характеристик социального окружения и уровня криминогенности лиц на направленность самореализации и трудности в ее осуществлении.

Таблица 4. Влияние отношений к социальному окружению на трудности самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 4. The influence of attitudes towards the social environment on the difficulties of self-realization of persons with different levels of criminogenicity

Вид влияния	Эффекты влияния	Показатель (Estimate)	Ошибка измерения	95% интервал.		β	z	p
				нижн.	верхн.			
Прямой	Тип криминогенности → трудности самореализации	0,43	0,35	-0,25	1,11	0,06	1,22	0,22
Компонентный	1.1. Тип криминогенности → поддержка социального окружения	-3,94	0,23	-4,41	-3,43	-0,64	-16,81	<0,001
	1.2. Поддержка социального окружения → трудности самореализации	-0,04	0,04	-0,13	0,04	-0,06	-0,97	0,32
	2.1. Тип криминогенности → самоотношение во взаимодействии	-3,84	0,22	-4,29	-3,41	-0,65	-17,12	<0,001
	2.2. Самоотношение во взаимодействии → трудности самореализации	-0,08	0,01	-0,37	0,01	-0,14	-2,09	0,05
	3.1. Тип криминогенности → соучастие окружения	-2,34	0,23	-2,81	-1,89	-0,45	-10,14	<0,001
	3.2. Соучастие окружения → трудности самореализации	-0,13	0,04	-0,22	-0,03	-0,15	-2,78	<0,001
Опосредованный (по типу криминогенности)	Правопослушный	0,17	0,18	-0,17	0,53	0,04	0,97	0,32
	Ситуат.криминоген.	0,32	0,18	-0,03	0,69	0,07	1,78	0,74
	Послед.криминоген.	0,30	0,11	-0,08	0,52	0,06	2,68	0,05

Тестирование проводится методом расчета обобщенной линейной модели (general linear model, GLM).

Оценка осуществляется посредством выявления и оценки эффектов влияния, оказываемого на две зависимые переменные: направленность самореализации и трудности самореализации со стороны двух видов независимых переменных (предикторов): а) характеристик отношений к социальному окружению (поддержки социального окружения, самоотношения во взаимодействии и соучастия окружения) и б) видов криминогенности (правопослушного, ситуативно- и последовательно-криминогенного).

Результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Интерпретация результатов

Необходимость уточнения представлений о роли социального окружения для самореализации криминогенной личности выступила основанием для проведения эмпирического исследова-

дования. Тестировалось предположение о зависимости самореализации лиц, различающихся по типу криминогенности, от отношений к социальному окружению. Считая самореализацию одной из ключевых форм воплощения субъектности личности, исследование строилось на предположении того, что изучение самореализации криминогенных лиц обогащает знания о причинах совершения преступлений, а также позволяет уточнить представление о степени общественной опасности лиц, выбирающих преступный способ реализации личностно-значимых целей.

В исследовании изучались два аспекта самореализации криминогенных лиц: а) направленность самореализации, понимаемая как сосредоточение на достижении личностно-значимой цели, объединяющее в себе два компонента – определенность представления о цели и устойчивость в стремлении к ее получению; б) трудности в самореализации, понимаемые как субъективные препятствия, не позволяющие достичь личностно-значимой цели. Оценка самореализации осуществлялась в специально собранной выборке, участники которой по критерию криминогенности их поведения разделялись на право послушных, ситуативно-криминогенных и последовательно-криминогенных лиц. Результаты свидетельствуют о негативном влиянии криминогенности на самореализацию личности – повышение криминогенности статистически значимо снижает устойчивость в стремлении к ее осуществлению и повышает количество субъективно переживаемых трудностей (Рис. 1). В результате, криминогенность не только затрудняет самореализацию, приводя к отказу от воплощения личностно-значимых целей, но и размывает представление о самореализации, исключая или ограничивая выбор целей для осуществления. Таким образом, криминализация негативно сказывается на позиции личности как субъекте собственной жизнедеятельности.

В результате исследования было расширено представление о значении отношений к социальному окружению в самореализации криминогенных лиц. В частности, установлено, что у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения направленность самореализа-

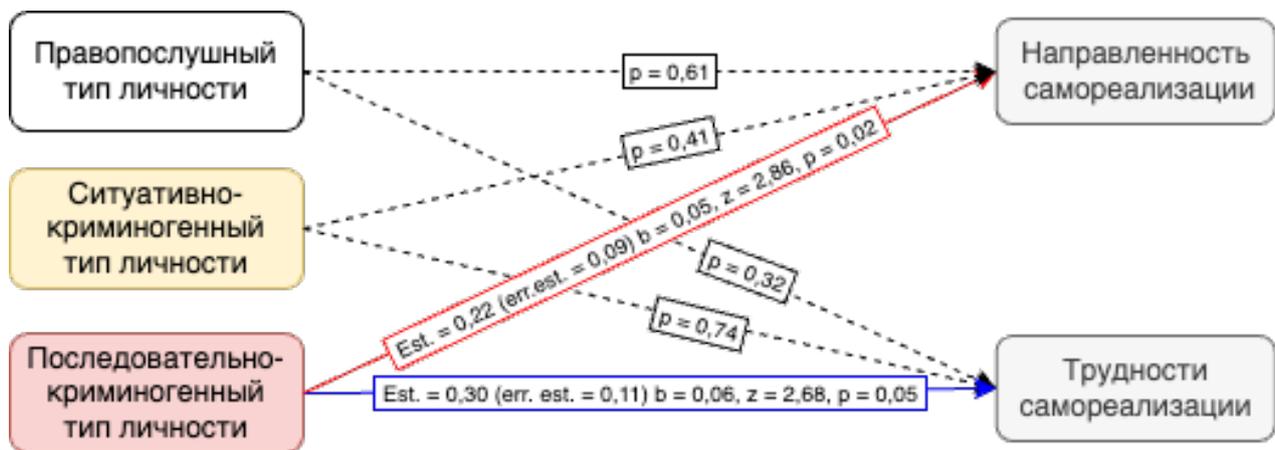

Рис. 1. Влияние криминогенности личности на направленность и трудности самореализации

Fig. 1. The influence of personality criminogenicity on the direction and difficulties of self-realization

Примечание: представлены результаты построения обобщенной линейной модели. Статистически незначимые результаты приведены в значениях коэффициентов p .

ции и трудности в ее осуществлении опосредованы отношениями к социальному окружению (коэффициенты показателя обобщенной линейной модели «Направленность самореализации» $\beta = 0,06$, $z = 2,86$, $p = 0,02$; «Трудности самореализации» $\beta = 0,06$, $z = 2,68$, $p = 0,05$). Таким образом, для личности последовательно-криминогенного типа, характеризующейся устойчивой антиобщественной позицией и соответствующим образом жизни, социальное окружение выступает необходимым условием самореализации. Данный факт свидетельствует о более весомом значении окружения, чем можно было бы предполагать, исходя из классического представления об отношениях между криминогенной личностью и обществом. Следуя ему, общество выступает средством удовлетворения бытийных и социальных потребностей жизнедеятельности криминогенной личности, которые не могут быть получены правопослушным способом. В такой трактовке социальное окружение выступает частью общества, максимально близкой криминогенной личности и поэтому подвергающейся риску криминальных посягательств.

Однако полученные результаты расширяют представление о значении социального окружения (Рис. 2). Во-первых, для функционирования внутриличностных механизмов самореализации криминогенной личности. Результаты показывают, что и направленность самореализации и трудности в ее осуществлении опосредованы представлением криминогенной личности о себе как субъекте взаимодействия. Отношение к себе как субъекту взаимодействия с социальным окружением, по-видимому, предваряет реальное взаимодействие и выступает его регулятором. Схожий результат ранее уже был описан в исследованиях несовершеннолетних правонарушителей (например, в изучении несовершеннолетних осужденных) (Волоткевич, Романов, 2020; Кундозерова и др., 2019), однако нами он получен на выборке зрелых преступников. Его значение в том, что самоотношение выступает медиатором для оценки трудностей самореализации. Как следствие, негативное самоотношение усиливает представление о трудностях реализации личностно-значимых целей и может приводить к отказу от их воплощения.

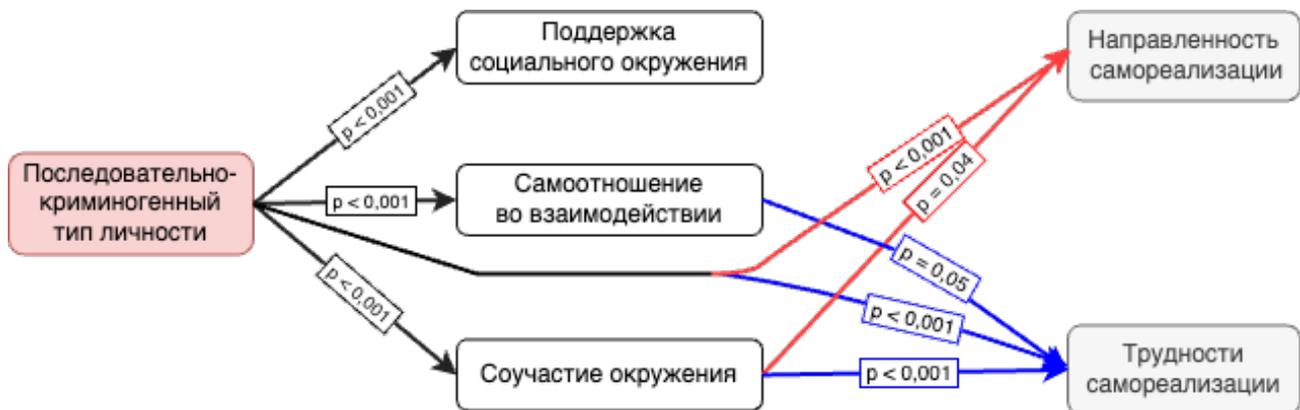

Рис. 2. Значение отношений к социальному окружению в самореализации последовательно-криминогенного типа личности

Fig. 2. The importance of relationships to the social environment in the self-realization of a consistently criminogenic personality type

Примечание: результаты обобщенной линейной модели приведены в значениях статистической значимости (p).

В свою очередь, позитивное самоотношение снижает оценку трудностей, облегчая самореализацию. Можно заключить, что самоотношение во взаимодействии с социальным окружением регулирует процессы самореализации криминогенной личности, что не свойственно право-послушным лицам. Учитывая, что у право-послушных лиц и лиц ситуативно-криминогенного типа значение окружающих выявлено не было, можно заключить, что их механизм самореализации отличается от последовательно-криминогенных лиц.

Во-вторых, полученные результаты указывают, что направленность самореализации и преодоление трудностей у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения опосредованы соучастием социального окружения. Соучастие лиц, составляющих социальное окружение, является необходимым условием для достижения личностно-значимых целей криминогенной личности. Как следствие, недостатки взаимодействия с социальным окружением размывают представление о цели, нарушают последовательность действий по ее достижению, завышая субъективную оценку трудностей в самореализации. Таким образом, самореализация лиц последовательно-криминогенного типа зависит от вовлеченности других людей, составляющих их социальное окружение. Данные выводы согласуются с исследованием жизненных предназначений осужденных, осуществленных Ю. Хотинец с соавторами. Ими было показано, что формирование жизненных предназначений тесно сопряжено с индивидуальными и культурными факторами интеграции в социальные отношения (Хотинец, Вяткин, Калинин, 2012).

Данные выводы подтверждаются результатами сопоставления характеристик самореализации и параметров социального окружения. Выявленные различия указывают на то, что лица с последовательно-криминогенным типом поведения, во-первых, обладают наихудшими показателями направленности самореализации и высокими значениями трудностей, в сравнении с право-послушными и ситуативно-криминогенными лицами. Наилучшими показателями в части самореализации обладают право-послушные лица. Направленность на достижение личностно-значимых целей, равно как и трудности в их достижении у них не имеют статистически значимых связей с социальным окружением, что, на наш взгляд, свидетельствует об определенной независимости от окружения при определении целей самореализации и их достижении.

Полученные выводы в целом согласуются с существующими научными представлениями о жизнедеятельности и социальном функционировании криминогенных лиц. Существующие в криминальной психологии и криминологии объяснения причин преступлений во многом исходят из парадигмы социального отчуждения криминогенных лиц. Наиболее очевидными его последствиями выступают низкий уровень образования, способность выполнять только неквалифицированные виды деятельности, отсутствие постоянного источника дохода, побуждающие к совершению преступлений. Таким образом, в терминах социального отчуждения, социально-экономические, социально-культурные и социально-правовые проявления отчуждения криминогенной личности обуславливают проблемы самореализации криминогенных лиц.

Вместе с тем, на наш взгляд, результаты указывают на психологические особенности криминогенных лиц, которые усугубляют социальное отчуждение, а не позволяют его преодолеть на этапе пенитенциарной и постпенитенциарной профилактики. В рамках исследования они выявлены на примере субъектной позиции криминогенной личности в отношении к самореализации. Она характеризуется зависимостью от социального окружения в определении личностно-значимых целей, поддержании стремления к их достижению и преодоления затруднений. Специфика самоотношения лиц с последовательно-криминогенным типом поведения подтверждается работами исследователей, занимающихся изучением неоднократно судимых лиц (Русаков, 2023; Зауторова, Соболев, 2022). С учетом изложенного можно заключить, что проблематика самореализации криминогенных лиц является одним из актуальных вопросов их декриминализации, ресоциализации и реинтеграции. Несмотря на осуществляемую

ФСИН России пенитенциарную и постпенитенциарную работу с осужденными лицами, выражающуюся в предоставлении им возможности получения образования, повышения квалификации, осуществление мер социально-правовой, психологической, экономической и иных видов помощи, вопросы криминализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, являются актуальными. Выполненное исследование показывает, что причинами рецидива преступлений данной категории лиц могут выступать недостатки субъектности криминогенной личности, проявляющиеся в пассивном, попустительском и безынициативном отношении к собственной жизни. Через призму полученных результатов видится обоснованным совершенствование психологического сопровождения криминогенных лиц, нацеленное на развитие субъектной позиции личности, формирование способностей к выстраиванию отношений с социальным окружением, позволяющие получать необходимые ресурсы социального функционирования, корректировать самоотношение на посткриминальном (пенитенциарном и постпенитенциарном) этапах жизнедеятельности как условия профилактики рецидивной преступности неоднократно судимых лиц.

Заключение

В статье рассматривались предпосылки, основания, процедура и результаты исследования самореализации криминогенных лиц в зависимости от отношений к социальному окружению. Актуальность исследования заключается в изучении самореализации как одного из проявлений субъектности криминогенной личности, которая может носить антиобщественный характер и проявляться в противоправном поведении, а может иметь общественно-полезное значение и характеризоваться правопослушным поведением. Результаты показывают, что:

а) криминогенность негативно влияет на самореализацию криминогенной личности, затрудняя выбор личностно-значимой цели, ее удержание и достижение;

б) необходимым условием для поддержания направленности и преодоления трудностей в самореализации криминогенной личности выступает наличие отношений с социальным окружением;

в) самореализация криминогенной личности зависит от отношения к себе как субъекту взаимодействия с окружающими и соучастия других людей в достижении личностно-значимых целей.

Полученные результаты, на наш взгляд, имеют несколько значений. Теоретическое значение заключается в расширении представлений о негативной роли криминогенности в реализации субъектности личности. Дальнейшим направлением исследований выступает детализация этого влияния на субъектность в части различных характеристик жизнедеятельности – планирования жизненного пути, выбора и поддержания определенного образа жизни, иерархии жизненных целей. Методическое значение заключается в расширении возможностей диагностики криминогенности личности и общественной опасности поведения через изучение видов и форм самореализации. В целом полученные результаты демонстрируют эвристический потенциал исследований сферы самореализации криминогенной личности как в интересах изучения личностных особенностей, позволяющих снижать риск криминального поведения, ускорять и повышать эффективность декриминализации, социальной реадaptации и реинтеграции ранее судимых лиц в общество.

Список литературы

- Абульханова-Славская, К. А. (1991). *Стратегия жизни*. Москва: Мысль.
- Бусыгин, Н. И., Вербина, Г. Г. (2017). Социально-психологические аспекты адаптации осужденных после освобождения из мест лишения свободы. *Современные тенденции развития науки и технологий*, 2-10, 35–38.

- Вилкова, А. В., Литвишков, В. М. (2018). Несовершеннолетние осужденные: воспитание устойчивости личности. *Образование и наука в России и за рубежом*, 7 (42), 28–32.
- Волоткевич, О. В., Романов, А. А. (2020). К вопросу о необходимости развития антиципационных способностей у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. *Прикладная юридическая психология*, 4 (53), 40–44.
- Денисов, А. Д. (2019). Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве. *Уголовно-исполнительное право*, 14 (1–4), 3, 269–273.
- Дерманова, И. Б. (2004). К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте. В Л. А. Коростылев (ред.), *Психологические проблемы самореализации личности* (вып. 8, стр. 89–101). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Забелина, А. В. (2013). Проблема самоактуализации личности. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 3 (7), 26–32.
- Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. (2022). Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания. *Пенитенциарная наука*, 16 (3 (59)), 320–326.
- Злоказов, К. В. (2024). *Адаптация лиц, находящихся под административным надзором: социально-психологическая концепция, методы и средства*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Ипполитова, Е. А., Вологодина, П. Е. (2019). Субъективная картина жизненного пути женщин, осужденных к лишению свободы. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8 (4 (29)), 299–302.
- Кохман, Д. В., Добров, Д. А. (2021). Некоторые особенности трудоустройства осужденных к наказанию в виде исправительных работ: опыт России и стран СНГ. *Вестник Воронежского института ФСИИ России*, 1, 172–179.
- Кротова, Д. Н., Цветкова, Н. А. (2023). Самоактуализация осужденного как один из психологических критериев его исправления. *Человек: преступление и наказание*, 4, 592–609. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.592-609](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609)
- Кудинов, С. И. (2007). Полисистемный подход исследования самореализации личности. *Сибирский педагогический журнал*, 11, 335–344.
- Кундозерова, Л. И., Чириков, А. Г., Бабушкин, М. М. (2019). Формирование профессионального самоопределения осужденных подростков в воспитательных колониях. *Вестник Самарского юридического института*, 1 (32), 120–126.
- Наприс, А. В. (1997). *Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима*: дис. ... канд. психол. наук. Рязань.
- Овчаренко, Н. В. (2015). Сравнительный анализ понятий "самореализация" и "самоактуализация" как составляющих категориального аппарата философии образования. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3-3 (53), 141–144.
- Овчарова, Е. В. (2021). Алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного. *Прикладная юридическая психология*, 4 (57), 46–52.
- Ольховик, Н. В., Прозументов, Л. М. (2009). *Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение*. Томск: Издательство Томского университета.
- Коноплева, И. Н., Князева, С. О., Дебольский, М. Г., Красненкова, С. А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12 (2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>

- Пивоварова, Т. В. (2014). Духовно-нравственное воспитание как ценностная обусловленность самореализации личности несовершеннолетних осужденных. В Н. А. Коваль (отв. ред.), *Психологические проблемы самореализации современной молодежи: материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов* (Тамбов, 23 апреля 2014 года, стр. 58–62). Тамбов: ТРОО "Бизнес-Наука-Общество".
- Писарев, О. М. (2018). Изучение жизнестойкости личности на этапе постпенитенциарной реабилитации как социально-психологическая проблема. *Прикладная юридическая психология*, 1 (42), 60–66.
- Распопин, Е. В. (2020). Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 7, 90–94.
- Русаков, С. В. (2023). Сравнительный анализ жизненных планов осужденных различных режимов в местах лишения свободы. *Виктимология*, 10 (4), 525–537. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-525-537>
- Сердюкова, Е. Ф. (2016). Ресоциализация осужденных посредством психологического сопровождения. *Мир науки, культуры, образования*, 5 (60), 258–261.
- Филиппова, О. В., Смирнов, А. В., Чернышева, Е. В. (2022). Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период. *Всероссийский криминологический журнал*, 16 (2), 207–216.
- Хотинец, В. Ю., Вяткин, Б. А., Калинин, А. А. (2012). Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (49), 7–11.
- Цветкова, О. А., Волкова, О. В. (2022). Особенности самореализации лиц, осужденных за тяжкие преступления. *Живая психология*, 9 (5 (37)), 11–18. https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_5_11
- Шамионов, Р. М. (2012). Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 1 (4), 3–8.
- Эльханова, И. М., Беленкова, Л. Ю. (2023). Адаптационные технологии как средство формирования психологической самореализации несовершеннолетних осужденных. В А. И. Вострецов (ред.), *Наука и образование в современном мире: вопросы теории и практики: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции* (Нефтекамск, 31 января 2023 года, стр. 307–314). Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки».

References

- Abul'hanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni*. Moscow: Mysl'.
- Busygin, N. I., Verbina, G. G. (2017). Social'no-psihologicheskie aspekty adaptacii osuzhdyonnyh posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2-10, 35–38.
- Vilkova, A. V., Litvishkov, V. M. (2018). Nesovershennoletnie osuzhdennye: vospitanie ustojchivosti lichnosti. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 7 (42), 28–32.
- Volotkevich, O. V., Romanov, A. A. (2020). K voprosu o neobhodimosti razvitiya anticipacionnyh sposobnostej u nesovershennoletnih osuzhdennyh bez lisheniya svobody. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (53), 40–44.
- Denisov, A. D. (2019). Social'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya harakteristika osuzhdennyh, sovershivshih prestuplenie pri recidive. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 14 (1–4), 3, 269–273.

- Dermanova, I. B. (2004). K voprosu o samoaktualizacii i samorealizacii v yunosheskom vozraste. V L. A. Korostylev (red.), *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti* (vyp. 8, str. 89–101). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Zabelina, A. V. (2013). Problema samoaktualizacii lichnosti. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 3 (7), 26–32.
- Zautorova E. V., Sobolev N. G. (2022). Osobennosti osmyslennosti zhizni u osuzhdennyh s dlitel'nymi srokami otbyvaniya nakazaniya. *Penitenciarnaya nauka*, 16 (3 (59)), 320–326.
- Zlokazov, K. V. (2024). *Adaptaciya lic, nahodyashchih'sya pod administrativnym nadzorom: social'no-psihologicheskaya koncepciya, metody i sredstva*: monografiya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Ippolitova, E. A., Vologdina, P. E. (2019). Sub"ektivnaya kartina zhiznennogo puti zhenschin, osuzhdennyh k lisheniyu svobody. *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 8 (4 (29)), 299–302.
- Kohman, D. V., Dobrov, D. A. (2021). Nekotorye osobennosti trudoustrojstva osuzhdennyh k nakazaniyu v vide ispravitel'nyh rabot: opyt Rossii i stran SNG. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 1, 172–179.
- Krotova, D. N., Cvetkova, N. A. (2023). Samoaktualizaciya osuzhdennogo kak odin iz psihologicheskikh kriteriev ego ispravleniya. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 4, 592–609. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.592-609](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609)
- Kudinov, S. I. (2007). Polisistemnyj podhod issledovaniya samorealizacii lichnosti. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 11, 335–344.
- Kundozerova, L. I., Chirikov, A. G., Babushkin, M. M. (2019). Formirovanie professional'nogo samoopredeleniya osuzhdennyh podrostkov v vospitatel'nyh koloniyah. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 1 (32), 120–126.
- Napris, A. V. (1997). *Psihologicheskaya harakteristika lichnostnyh zhiznennyh planov i ih vliyanie na povedenie osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta: na materialah ispravitel'nyh kolonij strogogo rezhima*: dis. ... kand. psihol. nauk. Ryazan'.
- Ovcharenko, N. V. (2015). Sravnitel'nyj analiz ponyatij "samorealizaciya" i "samoaktualizaciya" kak sostavlyayushchih kategorial'nogo apparata filosofii obrazovaniya. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 3-3 (53), 141–144.
- Ovcharova, E. V. (2021). Algoritm raboty psihologa po opredeleniyu stepeni ispravleniya osuzhdennogo. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (57), 46–52.
- Ol'hovik, N. V., Prozumentov, L. M. (2009). *Recidivnaya prestupnost' osuzhdennyh i eyo preduprezhdenie*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Konopleva, I. N., Knyazeva, S. O., Debol'skij, M. G., Krasnenkova, S. A. (2022). Osobennosti samoregulyacii u osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya pri recidive. *Psihologiya i pravo*, 12 (2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Pivovarova, T. V. (2014). Duhovno-nravstvennoe vospitanie kak cennostnaya obuslovlennost' samorealizacii lichnosti nesovershennoletnih osuzhdennyh. V N. A. Koval' (otv. red.), *Psihologicheskie problemy samorealizacii sovremennoj molodezhi*: materialy VI Mezhdunarodnogo seminar molodyh uchenykh i aspirantov (Tambov, 23 aprelya 2014 goda, str. 58–62). Tambov: TROO "Biznes-Nauka-Obshchestvo".
- Pisarev, O. M. (2018). Izuchenie zhiznestojkosti lichnosti na etape postpenitenciarnej rehabilitacii kak social'no-psihologicheskaya problema. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1 (42), 60–66.

- Raspopin, E. V. (2020). Izuchenie prichin, prepyatstvuyushchih uspehnoj resotsializatsii lic, osvobodivshisya iz mest lisheniya svobody. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 7, 90–94.
- Rusakov, S. V. (2023). Sravnitel'nyj analiz zhiznennyh planov osuzhdennyh razlichnyh rezhimov v mestah lisheniya svobody. *Viktimologiya*, 10 (4), 525–537. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-525-537>
- Serdyukova, E. F. (2016). Resotsializatsiya osuzhdyonnyh posredstvom psihologicheskogo soprovozhdeniya. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 5 (60), 258–261.
- Filippova, O. V., Smirnov, A. V., Chernysheva, E. V. (2022). Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista v Rossii: osnovnye tendentsii izmeneniya parametrov v sovremennyj period. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16 (2), 207–216.
- Hotinec, V. Yu., Vyatkin, B. A., Kalinenko, A. A. (2012). Cennostno-motivatsionnye faktory zhiznennyh prednaznachenij osuzhdennyh penitentsiarnyh uchrezhdenij. *Psihopedagogika v pravoohrannitel'nyh organah*, 2 (49), 7–11.
- Cvetkova, O. A., Volkova, O. V. (2022). Osobennosti samorealizatsii lic, osuzhdyonnyh za tyazhkie prestupleniya. *Zhivaya psihologiya*, 9 (5 (37)), 11–18. https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_5_11
- Shamionov, R. M. (2012). Socializatsiya i resotsializatsiya lichnosti: normativnost' i processual'nost'. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, 1 (4), 3–8.
- El'hanova, I. M., Belenkova, L. Yu. (2023). Adaptatsionnye tekhnologii kak sredstvo formirovaniya psihologicheskoy samorealizatsii nesovershennoletnih osuzhdennyh. V A. I. Vostrecov (red.), *Nauka i obrazovanie v sovremennoy mire: voprosy teorii i praktiki: materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoy konferentsii (Neftekamsk, 31 yanvarya 2023 goda, str. 307–314)*. Neftekamsk: Nauchno-izdatel'skij centr «Mir nauki».

Информация об авторе

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 19.02.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted February 19, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-223-236

Психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов

Татьяна Васильевна КирилловаНаучно-исследовательский институт ФСИН России
(Москва, Россия)

tatiana-kirillova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8394-897X

Анастасия Дмитриевна ПашуковаАкадемия ФСИН России
(Рязань, Россия)

pashukova_21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6198-4929

Аннотация

Введение. Статья посвящена проблемным вопросам и особенностям ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. Предмет исследования – психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных. Цель исследования – совершенствование процесса ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. **Методы.** Методологическую основу исследования составили статистический метод, анализ, синтез, индукция, системно-структурный, формально-логический методы. **В результате** проведенной работы рассмотрены различные подходы к понятию «ресоциализация». Изучены психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях. Авторами делается вывод о том, что ресоциализация является основным механизмом, который обеспечивает социальную адаптацию и возвращение к нормальной жизни человека. Описана психолого-педагогическая программа ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, которая состоит из трех блоков: информационно-образовательный блок; интерактивный блок; мультимедийный блок. Подчеркивается важность поэтапной реализации программы, четкое следование рекомендациям по осуществлению тех или иных психолого-педагогических методов и технологий, что позволит повысить эффективность исправления осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, сформировать у них адекватные способы реагирования на конфликтные ситуации, снизить уровень проявления агрессивного поведения. Данное исследование положительно отразится на психолого-педагогической подготовке осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов в системе исправительного учреждения.

Ключевые слова

социальная адаптация, ресоциализация, уголовно-исполнительная система, осужденные, работники судов, работники правоохранительных органов, исправление осужденных, психолого-педагогические методы

Для цитирования: Кириллова, Т. В., Пашукова, А. Д. (2024). Психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 223–236. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-223-236.

Original paper

Psychological and pedagogical aspects of resocialisation of convicts – former court and law enforcement officials

Tatyana V. Kirillova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Moscow, Russia)

tatiana-kirillova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8394-897X

Anastasia D. Pashukova

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Ryazan, Russia)

pashukova_21@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6198-4929

Abstract

Introduction. The article is devoted to problematic issues and features of resocialisation of convicts – former employees of courts and law enforcement agencies. The subject of the study is psychological and pedagogical aspects of resocialisation of convicts. The aim of the research is to improve the process of resocialisation of convicted former court and law enforcement officials. **Methods.** Statistical method, analysis, synthesis, induction, system-structural, formal-logical methods formed the methodological basis of the research. **Results.** In the course of the research various approaches to the concept of resocialisation were considered. Psychological and pedagogical aspects of resocialisation of convicts in specialised institutions were studied. The authors conclude that resocialisation is the main mechanism that ensures social adaptation and return to normal life. The article describes the psychological and pedagogical program of resocialisation of convicted former court and law enforcement officials consisting of three blocks: information and education block; interactive block; multimedia block. The importance of step-by-step implementation of the programme, strict adherence to the recommendations for the application of certain psychotherapeutic methods and technologies is emphasised, which will increase the effectiveness of the correction of convicted former court and law enforcement officials, shape in them adequate ways of responding to conflict situations, and reduce the level of aggressive behaviour. This study will have a positive impact on the psychological and pedagogical training of convicted former court and law enforcement officials at correctional institutions.

Keywords

social adaptation, resocialisation, penal enforcement system, convicts, employees of courts, employees of law enforcement agencies, correction of convicts, psychotherapeutic methods

For citation: Kirillova, T. V., Pashukova, A. D. (2024). Psychological and pedagogical aspects of resocialisation of convicts - former court and law enforcement officials. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 223–236. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-223-236.

В свете быстро меняющихся исторических событий, происходящих в окружающем мире и в нашей стране, особые задачи выдвигаются и перед правоохранительными органами, среди которых важнейшей является работа по исправлению осужденных. Соблюдение законов всеми членами общества, в том числе и бывшими осужденными, является основой для его нормального развития. Проблема состоит в том, что задачи, выдвигаемые современными условиями, связанные с гуманизацией и педагогизацией процесса исправления осужденных, перестают соответствовать традиционным, требующим ускоренного обновления формам и методам работы. Нуждается в обновлении и само содержание работы с различными категориями осужденных. В настоящее время в исправительной работе, проводимой в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), сложилась такая обстановка, когда происходящие в системе процессы оказывают положительное влияние на исправление осужденных, но при этом встречаются явления, явно тормозящие этот процесс, создающие препятствия. Работа по совершенствованию отдельных средств и направлений воспитательной работы в таком случае не будет эффективной, не принесет ожидаемых результатов и не разрешит сложившихся противоречий.

Отсюда следует, что назрела необходимость создать и ввести в действие такую комплексную психолого-педагогическую систему ресоциализации личности осужденного, которая смогла бы разрешить сложившиеся противоречия и справиться со стоящими задачами (Щукина, Кленова, 2020).

Многие специалисты, серьезно и глубоко занимающиеся исследованием этого вопроса, не без оснований считают, что ресоциализация – это тот фактор, условие и механизм, который сможет гарантировать социальную адаптацию бывших осужденных, а также поможет им вернуться к нормальной жизни в обществе (Миронов, Щербakov, 2019, с. 47). Многие специалисты справедливо полагают, что ресоциализация осужденных к специфическим условиям, характерным для жизни лиц при лишении свободы, невозможна без социальной адаптации, представляющей собой особый инструмент, состоящий из целого набора мер и средств, основная цель которых – подготовка лиц, подвергшихся наказанию в виде лишения свободы или иным мерам уголовно-правового характера, к жизни на свободе. Следовательно, таким образом последовательно проводится мысль о том, что необходимой составляющей ресоциализации является социальная адаптация (Борсученко, 2018, с. 77).

Существующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации точно устанавливает цели и задачи исправления осужденных, реализация которых обеспечивает в будущем отсутствие новых преступлений, исполнение лицами, прежде лишенными свободы, законов. Процесс ресоциализации при этом не вступает в противоречие с требованиями уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, строго соответствует ему и охраняет права, свободы, законные интересы лиц, лишенных свободы, помогая осужденным адаптироваться к социальным условиям. Неразрывная связь процесса ресоциализации с исправлением лиц, лишенных свободы, очевидна, так как именно в процессе исправления в пенитенциарных учреждениях происходит формирование у них уважительного отноше-

ния к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ст. 9 УИК РФ). В процессе отбывания уголовного наказания происходит восстановление нарушенных личностных качеств, переосмысление собственных ценностей, развиваются навыки социально положительного поведения. Все это находится в неразрывной связи с деятельностью по исправлению осужденных. Но здесь выявляется существенный пробел: в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации нет определения понятия ресоциализации.

Необходимо отметить, что ресоциализации осужденных не способствует та специфическая негативная среда, в которой они оказываются, с целым комплексом факторов, осложняющих процесс ресоциализации, с жесткой регламентацией поведения в условиях принудительной изоляции от общества (Борсученко, 2018, с. 75). Убедительно и точно выразил в связи с этим свою точку зрения, звучащую актуально и сейчас, Ф. Р. Сундуков: «Наказание выступает в отношении осужденного в качестве противоречивого явления, поскольку, с одной стороны, объективно связано с ущемлением его материальных и духовных благ, а с другой – в конечном итоге выступает в качестве средства воспитания таких свойств и качеств личности, формирования такого образа поведения, к которым по существу должен стремиться сам осужденный, если бы он осознал аморальность своего прежнего поведения. Поэтому воспитать у осужденного правильное отношение к наказанию – задача весьма важная и в той же степени нелегкая» (Сундуков, 1980, с. 16–17).

Проект концептуальных положений развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, рассчитанный до 2030 года и призванный обеспечить ресоциализацию осужденных, включает в себя совокупность следующих мер:

1) добиваться эффективности вследствие тесного сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний с органами государственной власти и местного самоуправления, с теми организациями, которые обеспечивают социальное обслуживание и службу занятости населения. При выделении необходимых для этого средств они в полной мере смогут результативно участвовать в организации постпенитенциарной реабилитации и ресоциализации бывших осужденных;

2) ввести в активное действие индивидуальные комплексные программы ресоциализации лиц, прежде лишенных свободы; составной частью этих программ должны стать средства, меры, способствующие восстановлению утраченных социально полезных связей осужденных и их развитию (Волховский, Смирнова, 2020, с.101);

3) вести работу по модификации, совершенствованию системы оценок результативности воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными (Бабурин, 2015);

4) заинтересовывать и активно побуждать к систематической работе социально ориентированные некоммерческие и иные организации, работающие в области социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными;

5) усилить меры по совершенствованию взаимодействия между учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, учреждениями и предприятиями социального обслуживания, занимающимися проблемами оказания адресной социальной помощи осужденным;

6) искать новые пути повышения эффективности работы и совершенствования мер по стимулированию позитивной деятельности осужденных, нацеленной на их исправление, на формирование устойчивых навыков к законопослушному образу жизни (Ковалев, 2019).

Представляется необходимым добиться ясности в определении самого понятия «ресоциализация». Т. Г. Предов, исследующий ресоциализацию в русле пенитенциарной системы, трактует данное понятие «как целенаправленную, управляемую, нравственно-психологическую подготовку осужденных к лишению свободы» (Предов, 1978). По его мнению, она является

составной частью профилактической работы. Ученый полагает, что «пенитенциарное воздействие на осужденных в местах лишения свободы имеет криминологический характер и осуществляется с целью предупреждения их преступного поведения в будущем».

Существует путаница и в разделении процессов адаптации и ресоциализации осужденных. Так, М. И. Коваль утверждает, что «они различаются только по объему» (Коваль, 1995).

По мнению М. Т. Дибирова, «под социальной адаптацией лиц, освобожденных из исправительного учреждения, понимается сложный процесс, состоящий из стадии нравственной, правовой, психологической и организационной подготовки осужденных в исправительном или воспитательном учреждении к жизни на свободе (исправление) и этапа взаимодействия личности с постоянно меняющейся ближайшей окружающей средой на свободе, включающий восприятие ею нравственных требований, установок, социальных позиций и системы ценностей микросреды в процессе социализации, а также изменение, преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности» (Дибиров, 2006).

Согласно А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко, ресоциализация выступает как «педагогически ориентированная и целесообразная комплексная система воздействия на осужденного с целью его исправления и включения в социальную жизнь» (Пищелко, Сочивко, 2003, с. 148).

Изучение и анализ исследования А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко приводит к следующим выводам.

Воспитательное воздействие на осужденных в уголовно-исполнительной системе нацелено на их исправление и подготовку к постпенитенциарному периоду; степень исправления и готовность успешно адаптироваться в этом периоде для каждого осужденного определяется с помощью социально-педагогических средств, которые предназначены для оценки глубины и устойчивости социально-нравственных ценностей, а также и установок личности; социально-педагогическим средством при этом выступает система воспитывающих ситуаций, развитие субъект-субъектных отношений с лицами, лишенными свободы, умелое, творческое, вносящее при необходимости в процесс коррективы управления процессом ресоциализации (Абибулаева, Куатов, 2019, с. 275). Данные выводы послужили опорой при разработке программы ресоциализации осужденных.

Важным этапом ресоциализации становится исследование личностных характеристик различных категорий осужденных (Ильиных, 2024). Это позволяет в значительной степени более эффективно осуществить практическую направленность работы, обеспечить результативность воспитательного процесса, а также реализовать требования гуманизации и либерализации уголовно-исполнительной системы (Гайдай, 2018). Особый смысл приобретает тщательное изучение и анализ личности осужденных, так как это дает возможность индивидуализировать воспитательную работу и повысить эффективность психолого-педагогического воздействия на каждого из осужденных во время отбывания наказания в виде лишения свободы (Чопик, Бутенко, 2021, с. 41–42). Итак, индивидуальный подход является ключевым элементом в эффективном исправлении осужденных. Различные категории осужденных включают специфические особенности, которые требуют специального внимания и подхода. Это позволяет разработать персонализированную программу ресоциализации, которая будет нацелена на решение конкретных проблем и помощь осужденным с учетом их особенностей.

Категория осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов составляет особую группу осужденных, которая недостаточно изучена. Сложилась такая ситуация, что по отношению именно к этой социальной группе почти не рассматривались вопросы, касающиеся психологии пенитенциарного поведения, психологические особенности ресоциализации представителей данной группы и другие вопросы пенитенциарной психологии и педагогики.

Статья 80 ч. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации гласит о том, что такая категория осужденных, как бывшие сотрудники судов и правоохранительных органов, отбывают уголовное наказание в отдельных исправительных учреждениях¹. Совместное содержание данной категории осужденных с общей массой может привести к межличностным конфликтам, агрессивным формам поведения, массовым беспорядкам. Указанные пенитенциарные явления могут создать реальную опасность, как для самих осужденных, так и для сотрудников исправительного учреждения.

Психолого-педагогические аспекты ресоциализации осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов будут иметь свою специфику (Кобозев, 2022), так как данная категория осужденных обладает следующими индивидуально-психологическими особенностями: его представители отличаются, как правило, высокоразвитым интеллектом; они ориентированы на успешное достижение поставленных жизненных целей; способны адекватно оценивать свои достижения, неудачи, корректировать собственную деятельность; они уверены в своих силах и в себе, достаточно легко адаптируются к изменяющимся условиям жизни, имеют обычно конструктивные планы на будущее; обладают развитой способностью контролировать свои эмоции, поведение и т. д. (Ласкорийчук, 2016, с. 47).

С учетом вышеизложенного поднимается проблематика необходимости разработки психолого-педагогической программы ресоциализации личности, формирования адекватных способов реагирования на сложные жизненные ситуации и ситуации конфликта, снижения уровня неконтролируемой агрессии и профилактики рецидива преступления у данной категории осужденных. Имеющиеся сегодня программы коррекции не основываются на специфических особенностях осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях для бывших работников судов и правоохранительных органов.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, впервые осужденных и осужденных той же категории, которые отбывают уголовное наказание повторно. В целом сравнительный анализ поможет лучше понять причины рецидива, определить эффективность программ ресоциализации и разработать индивидуальные подходы, что будет способствовать более успешному исправлению осужденных.

Эмпирическую базу исследования составили осужденные – бывшие сотрудники, содержащиеся в исправительной колонии № 3 Рязанской области. Исследование проводилось с помощью методики «16-факторный личностный опросник Кеттелла» и «Методики изучения смысложизненных ориентаций – СЖО» (Д. А. Леонтьева). Весь объем данных был разделен на две группы: в первую группу вошли обследования осужденных, которые отбывают наказание впервые (40 чел.), во вторую группу – обследования осужденных, которые отбывают наказание повторно (40 чел.). Общее количество испытуемых составило 80 чел.

Методика «16-факторный личностный опросник Кеттелла» фиксирует индивидуально-психологические особенности личности. Полученные в ходе сравнения двух выделенных групп данные представлены на рисунке 1.

Анализ результатов диагностики свидетельствует о том, что и в первой, и во второй группах имеются сильные различия по шкалам «С» (степень эмоциональной устойчивости), «Е» (степень доминантности личности, ее потребность в автономии) и «Q3» (уровень внутреннего контроля поведения).

Высокие показатели по шкале «С» (степень эмоциональной устойчивости) в первой и во второй группах говорят о том, что испытуемые эмоционально устойчивы, способны к соблюдению групповых моральных норм.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (1997). *Собрание законодательства Российской Федерации*, № 2, Ст. 198.

Довольно низкие значения по шкале «Е» (степень доминантности личности, ее потребность в автономии) говорят о том, что осужденные не стремятся занять лидерское положение в группе, не склонны отстаивать и продвигать свою точку зрения, а также учитывать мнение группы при принятии решений.

Высокие показатели по шкале «Q3» говорят о том, что осужденные, обладающие высокой социальной активностью, способны строго контролировать свое поведение и нести за него ответственность, они проявляют заботу о своей репутации, о своем месте в обществе, уважительно относятся к себе, для них характерны устойчивые интересы. Свой образ-Я такие осужденные строят самостоятельно, предъявляя требования к себе, соответствующие требованиям общества. Они обладают развитой силой воли, уверенностью в своих силах и возможностях, успешно работают в группе, позитивны, сдержанны, уравновешенны, объективно относятся к себе и окружающим. На их надежность можно рассчитывать.

С помощью методики изучения смысложизненных ориентаций личности необходимо было выявить показатели, которые существенно отличаются в двух группах (рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, отличия по группам есть, и можно говорить, что они значительны по всем шкалам, кроме шкалы «локус контроля – жизнь или управляемость жизни». Данные свидетельствуют о том, что в первой и во второй группах имеются высокие баллы по шкале «Цели в жизни», что говорит о временной перспективе, наличии целей, связанных с будущим. Низкие баллы по шкале «Лocus контроля-Я» (Я – хозяин жизни) в двух группах свидетельствует о том, что испытуемые не верят в собственные силы, не могут контролировать события собственной жизни.

Мы не можем со всей уверенностью утверждать, что различия в группах обусловлены количеством отбывания наказаний осужденными, но данные различия стоит учесть при разработке и проведении психолого-педагогической программы ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов.

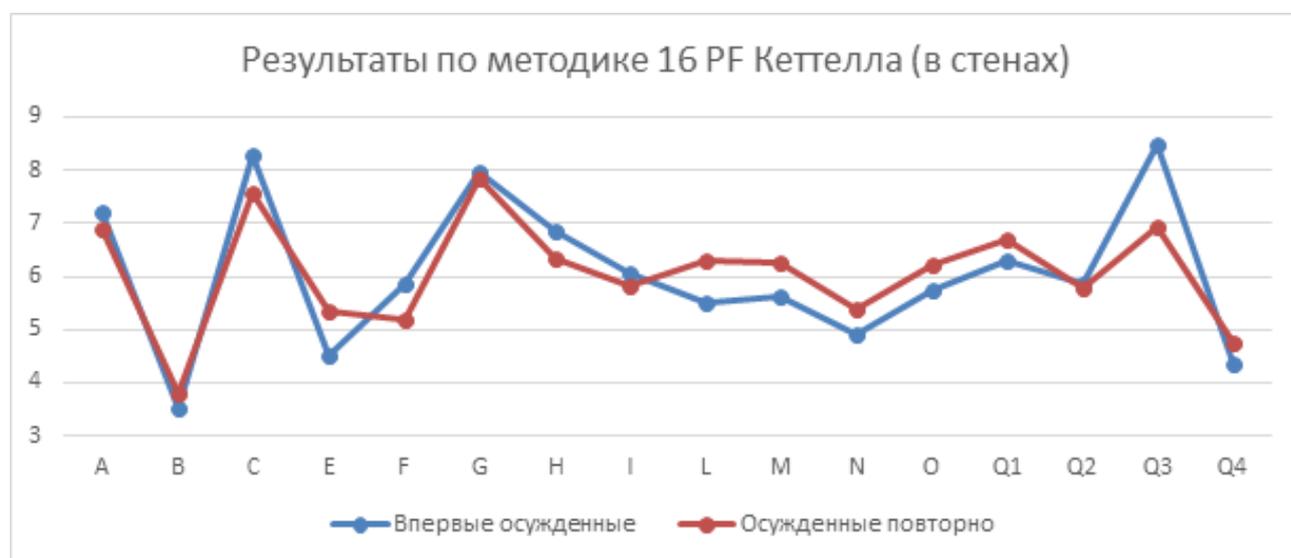

Рис. 1. Сравнительный анализ значений в первой и во второй группах по методике «16-факторный личностный опросник Кеттелла»

Fig. 1. Comparative analysis of values in the first and second groups according to the "16-factor Cattell personality questionnaire" method

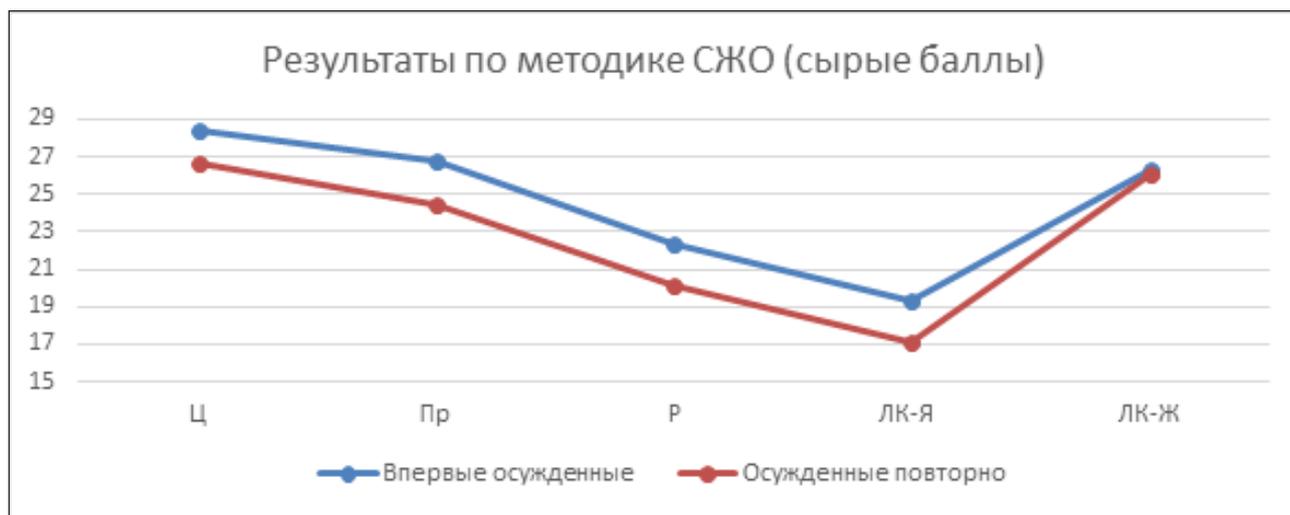

Рис. 2. Сравнительный анализ значений в первой и во второй группах по методике СЖО Д. А. Леонтьева

Fig. 2. Comparative analysis of values in the first and second groups using the LSS method by D. A. Leontyev

Преследуя основную цель исправления указанной категории осужденных, учитывая полученные эмпирические данные, а также индивидуальные особенности осужденных данной категории, была разработана комплексная программа ресоциализации осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов. Приоритетными задачами программы явились: обучение приемам распознавания эмоций и чувств, саморефлексии; развитие навыков нравственной и эмоциональной устойчивости и формирование навыков адекватного реагирования в сложных жизненных обстоятельствах; снижение уровня криминальной (неконтролируемой) агрессии; развитие волевого самоконтроля; формирование конструктивных способов взаимодействия; развитие жизненных умений устанавливать психологический контакт с людьми, разрешать конфликтные ситуации; формирование стереотипов социально-приемлемого поведения; профилактика рецидива преступлений (Моторова, 2019).

Программа включает в себя модульный конструкт, главным достоинством которого является обеспечение отработки специального материала различными формами, всевозможными методами и средствами. Предложенный модульный конструкт предназначен для реализации систематических занятий с осужденными в пенитенциарном учреждении.

Содержание программы ресоциализации осужденных включает в себя четыре этапа: 1. *Психодиагностический* (набор психодиагностического инструментария). 2. *Психопросветительский и психопрофилактический* (информационно-образовательный блок: лекции, беседы, дискуссии; интерактивный блок (тренинги); мультимедийный блок (просмотр художественных фильмов по заявленной тематике). 3. *Психокоррекционный* (социально-психологический тренинг, личностно-ориентированный тренинг). 4. *Психодиагностический* (динамика изменений) (рисунок 3).

По сложившейся традиции методами ресоциализации принято считать культурно-просветительские мероприятия, труд, занятия спортом, стимулирование, убеждение, приучение, упражнение и другие, широко используемые в учреждениях УИС. В настоящее время все большее распространение получают методы индивидуальной и групповой психокоррекции

Рис. 3. Программа ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов

Fig. 3. Resocialisation programme for convicts – former employees of courts and law enforcement agencies

и психотерапии. Хорошо зарекомендовали себя психологический тренинг, ролевая игра, релаксация, аутогенная тренировка, терапевтическая беседа (Фомин, Лукьянова, 2023).

Система принципов и правил, которую мы разработали, предполагает применение определенного комплекса методов, позволяющих сделать данную программу действенной. Она включает в себя социально-психологический тренинг; личностно-ориентированный тренинг; методы коллективной мыследеятельности (мозговой штурм, имитационные игры, кинотерапию – просмотр художественных и документальных фильмов с последующим обсуждением в группе и т. д.). Их применение в значительной степени позволяет успешно реализовать содержание программы.

Программа действует в течение 6 месяцев, завершающих период лишения свободы, перед освобождением осужденных. Она имеет следующую структуру и продолжительность:

- психодиагностическая работа – 2 раза в течение полугодия, предшествующего освобождению осужденных (перед самой реализацией программы и по завершению реализации);
- психопросветительская и психопрофилактическая работа – 10 часов (1 раз в месяц, по 1,5–2 часа);
- психокоррекционная работа – 48 часов (2 раза в месяц по 3–4 часа);
- консультативная работа – по запросам осужденных или по мере возникновения проблем.

Поэтапная реализация программы, четкое следование рекомендациям по осуществлению тех или иных психолого-педагогических методов и технологий позволит повысить эффективность исправления осужденных данной категории, сформировать у них адекватные способности реагирования на конфликтные ситуации, снизить уровень проявления агрессивного поведения.

Подводя итог, следует отметить, что результаты данного исследования расширяют научное представление об особенностях ресоциализации специфической категории осужденных, состоящей из работников судов и правоохранительных органов. В этом состоит теоретическая значимость исследования. Результаты исследования дают возможность на теоретической основе выявить психолого-педагогические условия, которые смогут обеспечить ресоциализацию осужденных данной категории в условиях исправительного учреждения; создают предпосылки, способствующие разработке психолого-педагогического содержания и методов, которые смогут эффективно подготовить осужденных к условиям жизни на свободе, учитывая при этом их индивидуально-психологические особенности.

Результаты, полученные в ходе исследования, нацелены на повышение эффективности и совершенствование психолого-педагогической деятельности по ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. Данная программа открывает возможности новых подходов к совершенствованию работы по ресоциализации этой специфической категории осужденных и может стать основой для выработки этих подходов.

Подведем итоги. Специфика данной категории осужденных такова, что накладывает на сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с ними, повышенные требования. Это, прежде всего, особое внимание и наличие специальных знаний (Кириллова, Пашукова, 2023). Без наличия этих факторов невозможно организовать успешную, целенаправленную, результативную воспитательную работу с осужденными. Действительное, стабильное, прочное, обязательное и надежное исправление достигается только при условии индивидуального подхода к каждому из осужденных в ходе воспитательного процесса. Часть осужденных обладает криминогенной устойчивостью, затрудняющей процесс исправления и ресоциализации личности. Только опираясь на положительный потенциал осужденных, их позитивную ориентацию, устремленность, можно добиться положительных результатов.

Таким образом, реализация в пенитенциарных условиях данной психолого-педагогической программы в сочетании с использованием иных средств исправления осужденных будет способствовать эффективной ресоциализации осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов.

Список литературы

- Абибулаева, А. Б., Куатов, А. К. (2019). Социально-педагогические аспекты ресоциализации осужденных. *Вестник Казахского национального женского педагогического университета*, 3, 273–279.
- Бабурин, С. В. (2015). Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе: интеграция теории и практики. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, 4 (32), 67–72.
- Борсученко, С. А. (2018). Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование. *Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University*, 4 (2), 74–79. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-74-79>
- Волховский, Р. А., Смирнова, И. Н. (2020). К вопросу об обеспечении ресоциализации осужденных в контексте реализации концептуальных положений развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года. *Вестник Российского университета кооперации*, 3 (41), 99–102.
- Гайдай, М. К. (2018). Осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов как особая социальная группа. *Правовое государство: теория и практика*, 1 (51), 124–133.
- Дибиров, М. Т. (2006). *Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений: По материалам Республики Дагестан*: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань.
- Ильиных, Н. А. (2024). Ценностные ориентации осужденных, инфицированных туберкулезом, отбывающих наказание в колонии строгого режима. *Векторы психолого-педагогических исследований*, 1 (02), 97–107.
- Кириллова, Т. В., Пашукова, А. Д. (2023). Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными – бывшими работниками судов и правоохранительных органов. *Психология и право*, 13 (1), 64–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130105>
- Кобозев, И. Ю. (2022). Ценностные ориентации бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 181–192. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-181-192>
- Ковалев, М. В. (2019). Поощрение как действенное средство стимулирования право-покорного поведения осужденных. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 3 (202), 13–19.
- Коваль, М. И. (1995). *Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы*: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань.
- Ласкорийчук, А. Ю. (2016). Отличительные особенности психологической работы в исправительной колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов, суда и прокуратуры. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 1 (164), 46–48.
- Миронов, Р. Г., Щербаков, А. В. (2019). Ресоциализация осужденных как важный фактор в обеспечении безопасности уголовно-исполнительной системы. *Вестник ВЭГУ*, 1 (99), 44–55.

- Моторова, Н. В. (2019). Новые положения законодательства в сфере подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 4 (203), 45–49.
- Пищелко, А. В., Сочивко, Д. В. (2003). *Реадаптация и ресоциализация*. Москва: Пер сэ.
- Предов, Т. Г. (1978). *Ресоциализация преступников-рецидивистов (Криминол. исслед. по материалам НРБ)*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Сундууров, Ф. Р. (1980). *Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности*: монография. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Фомин, В. В., Лукьянова, Е. А. (2023). О некоторых стадиях ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях и принимаемых мерах по повышению ее эффективности. *Человек: преступление и наказание*, 31 (1), 160–166. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).1.160-166](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).1.160-166)
- Чопик, О. А., Бутенко, А. С. (2021). Изучение воспитательного воздействия на осужденных через организацию их кружковой работы в исправительных учреждениях. *Теория и практика социогуманитарных наук*, 3 (15), 37–47.
- Щукина, Н. П., Кленова, Т. В. (2020). Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, как теоретическая проблема. *Вестник Самарского муниципального института управления*, 3, 119–126.

References

- Abibulaeva, A. B., Kuvatov, A. K. (2019). Social'no-pedagogicheskie aspekty resocializacii osuzhdennyh. *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 273–279.
- Baburin, S. V. (2015). Sovershenstvovanie vospitatel'noj, social'noj i psihologicheskoy raboty v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: integraciya teorii i praktiki. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 4 (32), 67–72.
- Borsuchenko, S. A. (2018). Resocializaciya i social'naya adaptaciya osuzhdennyh k lisheniyu svobody: ponyatie, sodержanie, pravovoe regulirovanie. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 4 (2), 74–79. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-74-79>
- Volhovskij, R. A., Smirnova, I. N. (2020). K voprosu ob obespechenii resocializacii osuzhdennyh v kontekste realizacii konceptual'nyh polozhenij razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy do 2030 goda. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, 3 (41), 99–102.
- Gajdaj, M. K. (2018). Osuzhdennye – byvschie работники судов i правоохранitel'nyh organov kak osobaya social'naya gruppya. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 1 (51), 124–133.
- Dibirov, M. T. (2006). *Problemy social'noj adaptacii lic, osvobozhdennyh iz ispravitel'nyh uchrezhdenij: Po materialam Respubliki Dagestan*: дис. ... канд. юрид. наук. Ryazan'.
- Il'inyh, N. A. (2024). Cennostnye orientacii osuzhdennyh, inficirovannyh tuberkulezom, otbyvayushchih nakazanie v kolonii strogogo rezhima. *Vektory psihologo-pedagogicheskikh issledovanij*, 1 (02), 97–107.
- Kirillova, T. V., Pashukova, A. D. (2023). Professional'naya kompetentnost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, rabotayushchih s osuzhdennymi – byvshimi работниками судов i правоохранitel'nyh organov. *Psihologiya i pravo*, 13 (1), 64–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130105>
- Kobozev, I. Yu. (2022). Cennostnye orientacii byvshih sotrudnikov organov vnutrennih del, osuzhdennyh za sovershenie korrupcionnyh prestuplenij. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 181–192. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-181-192>
- Kovalev, M. V. (2019). Pooshchrenie kak dejstvennoe sredstvo stimulirovaniya pravoposlusnogo povedeniya osuzhdennyh. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 3 (202), 13–19.

- Koval', M. I. (1995). *Social'no-pravovaya adaptaciya lic, otbyvshih dlitel'nye sroki lisheniya svobody*: dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan'.
- Laskorijchuk, A. Yu. (2016). Otlichitel'nye osobennosti psihologicheskoy raboty v ispravitel'noj kolonii dlya byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, suda i prokuratury. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*, 1 (164), 46–48.
- Mironov, R. G., Shcherbakov, A. V. (2019). Resocializaciya osuzhdennykh kak vazhnyj faktor v obezpechenii bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. *Vestnik VEGU*, 1 (99), 44–55.
- Motorova, N. V. (2019). Novye polozheniya zakonodatel'stva v sfere podgotovki kadrov dlya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*, 4 (203), 45–49.
- Pishchelko, A. V., Sochivko, D. V. (2003). *Readaptaciya i resocializaciya*. Moscow: Per se.
- Predov, T. G. (1978). *Resocializaciya prestupnikov-recidivistov (Kriminol. issled. po materialam NRB)*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow.
- Sundurov, F. R. (1980). *Lishenie svobody i social'no-psihologicheskie predposylki ego effektivnosti*: monografiya. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta.
- Fomin, V. V., Luk'yanova, E. A. (2023). O nekotorykh stadiyah resocializacii osuzhdennykh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i prinimaemykh merakh po povysheniyu ee effektivnosti. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 31 (1), 160–166. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).1.160-166](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).1.160-166)
- Chopik, O. A., Butenko, A. S. (2021). Izuchenie vospitatel'nogo vozdejstviya na osuzhdennykh cherez organizaciyu ih kruzhkovoj raboty v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. *Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk*, 3 (15), 37–47.
- Shchukina, N. P., Klenova, T. V. (2020). Resocializaciya lic, otbyvshih ugovolnoe nakazanie i osvobozhdennykh ot nego, kak teoreticheskaya problema. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya*, 3, 119–126.

Информация об авторах

Татьяна Васильевна Кириллова – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор.

Анастасия Дмитриевна Пашукова – старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук.

About the authors

Tatyana V. Kirillova – Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology and Probation, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dr. Sci. (Ped.), Professor.

Anastasia D. Pashukova – Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology and Probation, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand.Sci. (Ped.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.05.2024

Одобрена после рецензирования 24.06.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted May 27, 2024

Approved after reviewing June 24, 2024

Accepted July 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-237-249

Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве

Лариса Юрьевна Нежкина

Восточно-Сибирский институт МВД России

(Иркутск, Россия)

n.l.y@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7838-0539

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Аннотация

Введение. Современному человеку сложно представить мир без интернет-коммуникаций, которые, с одной стороны, предлагают новые возможности проведения досуга, общения, развития, с другой – имеют огромный потенциал воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Одни такое влияние воспринимают негативно, поскольку связывают его с манипуляциями, другие попадают в сети манипулятивного воздействия, становятся его жертвами. Особое беспокойство вызывают фейки, представляющие угрозу распространения недостоверной информации, подрывающие репутацию средств массовой информации, повышающие уровень тревожности и страха в обществе. Эта проблема осознается на государственном уровне, поскольку распространение искаженной информации достигло уровня угрозы государственной безопасности. На законодательном уровне принимаются меры, в том числе предусмотрены административная и уголовная ответственность, однако специалисты прогнозируют рост фейковой информации. Поэтому крайне важно анализировать фейковые материалы, работать над методами и способами их распознавания, информировать и обучать граждан критически оценивать информационные потоки, распознавать их манипулятивный характер. Цель исследования – изучение отношения граждан к фейковой информации, ее распространению в интернет-пространстве как способа манипулирования общественным сознанием. **Методы исследования.** Анализ научной литературы и результатов социологических исследований, в частности, предложенных АНО «Диалог регионы», о фейковой информации, посредством которой происходит манипулирование общественным сознанием. В статье представлены результаты изучения отношения жителей г. Иркутска к фейкам, распространяемым в интернет-пространстве. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетирования, проведенного в октябре 2023 года в г. Иркутске. В исследовании приняли участие

100 человек. **Результаты.** Изучение вопроса о распространении фейков в интернет-пространстве, проведенное анкетирование позволили утверждать, что фейки стали частью информационного потока в интернет-пространстве, а значит, частью реальной жизни современного общества, в котором люди постоянно сталкиваются с недостоверной информацией. И несмотря ни на что, они отмечают негативное влияние фейковой информации, которую представляют как манипулятивный контент, однако обращают на нее внимание и распространяют. Очевидно, что поток фейковой информации будет расти. Будет усиливаться и ее негативное влияние на все сферы жизни общества. Возможны риски материальных и физических потерь, поскольку фейк является в том числе опасным информационно-психологическим оружием. Данное оружие, в частности, используют недружественные страны, в том числе путем прямого информационно-психологического воздействия на население России. Основной задачей в современных условиях является противостояние информационному нападению, манипулированию общественным сознанием граждан.

Ключевые слова

манипулирование, информационно-психологическое воздействие, социальные сети, интернет, общественное сознание, фейк, мессенджеры

Для цитирования: Нежкина, Л. Ю., Душкин, А. С. (2024). Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 237–249. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-237-249.

Original paper

Dissemination of fakes as a way of manipulating public consciousness in the Internet space

Larisa Y. Nezhkina

East Siberian Institute of the MIA of Russia
(Irkutsk, Russia)
n.l.y@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7838-0539

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Abstract

Introduction. It is difficult for modern people to imagine a world without Internet communications, which, on the one hand, offer new opportunities for leisure, interaction, and development, on the other hand, have a huge potential for influencing individual and public consciousness. Some people perceive such influence negatively, as they associate it with manipulation, while others fall into the net of manipulative influence and become its victims. Of particular concern are fakes, which pose a threat of spreading inaccurate information, compromising the reputation of the media, increasing the level of anxiety and fear in society. This problem is recognised at the state level, as the dissemination of distorted information reached the level of a threat to state security. Measures are being taken at

the legislative level, including administrative and criminal liability, but experts predict the growth of fake information. Therefore, it is extremely important to analyse fake materials, to work on methods and ways of their recognition, to inform and train citizens to critically assess information flows, to recognise their manipulative nature. The aim of the research is to study the attitude of citizens to fake information, its dissemination in the Internet space as a way of manipulating public consciousness. **Research methods.** The authors reviewed the scientific literature and the results of sociological research, in particular, those proposed by the autonomous non-commercial organisation “Dialogue Regions”, on fake information, by means of which public consciousness is manipulated. The article presents the results of the research on the attitude of Irkutsk residents to fakes disseminated in the Internet space. The empirical basis of the research was the results of the questionnaire survey conducted in October 2023 in Irkutsk. 100 people took part in the survey. **Results.** The examination of the issue of the dissemination of fakes in the Internet space, the conducted questionnaire survey made it possible to assert that fakes have become a part of the information flow in the Internet space, and therefore, a part of the real life of modern society, where people are constantly faced with misinformation. Regardless of the negative impact of fake information considered as manipulative content, it is obvious that its flow will grow. Its negative impact on all spheres of society will increase. Risks of material and physical losses are possible, as fake information represents a dangerous information-psychological weapon. This weapon, in particular, is used by unfriendly countries as an indirect information-psychological impact on the Russian population. The main task in modern conditions is to counter the information attack, manipulation of public consciousness of citizens.

Keywords

manipulation, information-psychological influence, social networks, Internet, public consciousness, fake, messengers

Для цитирования: Nezhkina, L. Y., Dushkin, A. S. (2024). Dissemination of fakes as a way of manipulating public consciousness in the Internet space. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 237–249. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-237-249.

Введение

В быстро расширяющемся глобальном информационном пространстве задача выявления истины и установления доверия к достоверности информации все усложняется, что потенциально может привести к серьезным последствиям (Girgis, Amer, & Gadallah, 2018). Дезинформация способна нанести серьезный ущерб: манипулирование выборами, создание ситуаций, разжигающих войну, порочащих любого человека и т. д. Манипулирование общественным сознанием представляет собой скрытое, мягкое, гибкое навязывание посредством идеологических, психологических, других форм и способов давления на большие аудитории, разные группы людей. Манипулирование общественным сознанием содержит алгоритмы программирования, направленные на трансформацию мышления и поведения как отдельного человека, так и группы людей, в целом общества, с целью обесценивания истины, морали, нравственности. Заинтересованные в таком манипулировании создают в интернет-пространстве среду, в которой игнорируются, ставятся под сомнение правдивость и объективность информации или исключается возможность критического осмысления человеком получаемого информационного потока.

Манипулятивные приемы воздействия на массовую аудиторию в деталях описывал еще Аристотель в своей работе «О софистических опровержениях»¹. Говоря о паралогизмах как

¹ «О софистических опровержениях» (1978). В Аристотель, *Собрание сочинений в 4-х томах*. Том 2 (стр. 533–593). Мысль.

способе риторического воздействия на слушателя, он посвящал своих учеников в тайнства разоблачения ложной аргументации и прочих манипуляций оратора, работающего с аудиторией» (Корнилова, 2020). Пристальное внимание ученых приемам манипулирования массовым сознанием начали привлекать во второй половине прошлого века на Западе и в начале XXI в России (Нежкина, 2023). Г. Шиллер в 70-е гг. XX в. указывал, что манипуляция массовым сознанием угнетает целые народы и нации, а конкретного гражданина, не владеющего пониманием приемов и техник манипуляции сознанием, делает беззащитным перед мощной машиной лжи и обмана. Об этом ученый писал в своих работах, раскрывая техники манипулятивной игры США с собственным населением, а также со всем миром, входившим в сферу их влияния после Второй мировой войны. Скрывая свои истинные намерения, манипуляторы общественным сознанием создают искусственную реальность, фальшивую действительность (Иссерс, 2014).

Так, страны, входящие в Организацию Североатлантического договора (НАТО), активно используют такой мощный инструмент, как масс-медиа, для достижения собственных военно-политических целей. Очевидно, что современные информационно-коммуникационные технологии рассматриваются странами НАТО с целью раскачки военно-политической ситуации в отдельной стране или целом регионе.

В. В. Путин подчеркивал: «Против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве. Серьезные атаки были нанесены по официальным сайтам органов власти. Значительно чаще фиксируются и попытки незаконного проникновения в корпоративные сети ведущих российских компаний. Атаки наносятся из разных государств, и при этом они четко скоординированы. В большинстве случаев используется следующая тактика атак: доступ к российским интернет-ресурсам блокируется, информация становится недоступной или подменяется фейками, фальшивками. Мы были готовы к этой атаке, и это результат той системной работы, которая велась все последние годы. Наши специалисты серьезно занимались вопросами защиты информационной инфраструктуры, обеспечением устойчивой работы и безопасности сетей и каналов связи, и, повторю, многое удалось сделать, в том числе создать собственные уникальные технологии»².

Подробное описание информационно-психологического воздействия посредством социальных сетей было представлено в 2016 году американскими специалистами по информационной безопасности Facebook³. Они сообщили о том, как именно проводили подобные операции. «В первую очередь, создавали целенаправленный архив данных (Targeted data collection), другими словами, похищали и разглашали непубличные сведения, которые могли способствовать извлечению выгоды в политическом дискурсе. Создавали контент (Content creation), “фейковый” или настоящий, через информационного оператора либо путем распространения историй журналистами и другими третьими лицам, в том числе “фейковыми пользователями”. Скоординированной деятельностью фейковых аккаунтов усиливали ложь (False amplification) с целью манипуляций общественным сознанием» (Виловатых, Михеев, 2018).

Слово «фейк» определяется как подделка, фальшивка. В обычной жизни используется определение «липовый», а в средствах массовой информации стало актуальным такое понятие, как фейковые новости (Брусенская, Куликова, 2018). Е. А. Литинская характеризует фейк как «разновидность информационного оружия, которое имеет точечную направленность. Специфика фейковых новостей определяется их направленностью на определенные,

² *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

конкретные группы людей и на внедрение конкретных психологических установок для манипуляции общественным мнением и настроением» (Литинская, 2021). Другими словами, под фейком понимаются сфабрикованные, специально созданные журналистские материалы, в том числе новостные, с помощью которых формируется информационное пространство ложных представлений, отвлекающих внимание аудитории от значимых и важных вопросов. Фейки являются созданием информационной среды, это то, что появилось в шоу-цивилизации, где имитируется действительность, конструируется виртуальная реальность, происходят маски-шоу (Анистратенко, 2020).

Распространение фейковых новостей – один из методов, используемых в информационной войне (Paterson & Hanley, 2020). Дж. Х. Фетцер говорит, что фейковые новости – это «утверждения, которые являются ложными, о которых известно, что они ложные, и которые утверждаются с намерением ввести в заблуждение, обольстить или запутать» (Fetzer, 2004). Он выделяет пять типов дезинформации:

- распространение информации, которая была намеренно искажена с целью ввести в заблуждение;
- формирование предвзятого впечатления о конкретном событии, игнорирование его очевидных преимуществ, с целью введения окружающих в заблуждение относительно действительной сути мероприятия;
- предоставление оскорбительной информации путем нападок на автора или редактора публикации, использования аргументов, которые не имеют отношения к делу или вводят в заблуждение и не имеют ничего общего с мнением автора или редактора;
- игнорирование и отклонение важных доказательств, выводов или гипотез, относящихся к определенному событию;
- искажение информации из-за некомпетентности ее источника, поскольку делаются неверные выводы без знания фактов (Fetzer, 2004).

Фейки маскируются подо что-то законное, выдавая себя за достоверные новости. Авторы фальсификаций и манипуляций с самого начала стремятся полностью ввести аудиторию в заблуждение (Tandoc, Lim, & Ling, 2018). Х. Олкотт, М. Генцков определяют фейковые новости как новости, намеренно сфабрикованные с целью ввести читателей в заблуждение (Allcott & Gentzkow, 2017). Эта концепция соответствует выводам, сделанным Дж. Х. Фетцером.

Исследования показали, что отсутствие доверия к основным средствам массовой информации, выбор различных средств массовой информации и доступность социальных сетей в качестве источников новостей являются основными факторами, ответственными за широкое распространение фейковых новостей (Bowman & Willis, 2003). Некоторые участники исследования признались, что предпочитают получать информацию онлайн, потому что больше не доверяют основным средствам массовой информации (далее – СМИ), которые они обвиняют в публикации предвзятых, непроверенных новостных сообщений. Добавим, что с увеличением числа СМИ, в том числе на платформах социальных сетей, стало сложнее отличать реальные новости от поддельных. Рост социальных сетей привел к увеличению разнообразия новостных сюжетов и стиранию грани между фактической информацией и поддельными новостями в традиционных СМИ.

Примеры фейков представлены на рисунках 1⁴ и 2⁵.

⁴ *Фальшивые скелеты гигантов*. URL: <https://allworld4us.livejournal.com/19862.html> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ *Фото в рубке. До и после 10 лет оказалось одним целым снимком*. URL: <https://fishki.net/3460688-mifynbsplegndy-i-mistifikacii-razoblachaem-populjarnye-istoricheskie-foto-inbspfakty/gallery-8269076-foto-v-rubke-do-i-posle-10-let-okazalosy-odnim-celym-snimkom-hotja-vyrubka-lesov-na-lico-photo.html> (дата обращения: 01.06.2024).

Гигантский скелет человека

До сих пор ученые спорят насчет происхождения человека. Откуда же взялся человек: от обезьян, бог сотворил или инопланетные мы все? Не последнюю роль здесь играют археологи. Любое необычное открытие моментально подхватывают СМИ. Такое было с раскопками, где нашли большой скелет человека. Что это? Неужто были гиганты раньше? На самом деле нет. Это фальшивка. Никто еще не нашел доказательств в каких-либо музеях науки и естествознания о гигантах.

Рис. 1. Фальшивые скелеты гигантов

Fig. 1. False skeletons of giants

Сегодня в информационной сфере в рамках провокационной информации фейки занимают лидирующие позиции (Долгина, 2020). Их создатели стремятся таким образом повысить популярность масс-медиа для усиления влияния на массовое сознание с целью дискредитации основных институтов государственности, нагнетания социальной напряженности, трансформации социокультурных и духовно-нравственных ценностей, нивелирования моральных устоев. С. А. Буткевич отмечает: «Фейки формируются сознательно и злонамеренно, их используют для отщипывания или подрыва доверия к власти и персоналиям, инициативам, организациям, странам и их союзам (альянсам, блокам), а также увеличения интереса к социальным медиа, на которых эта «сенсационная», «инсайдерская» информация размещается с последующей монетизацией такой заинтересованности» (Буткевич, 2021, с. 75).

Методы исследования

Анализ научной литературы и результатов социологических исследований, в частности, предложенных АНО «Диалог регионы», о фейковой информации, посредством которой происходит манипулирование общественным сознанием. Анкетирование, проведенное в октябре 2023 года в г. Иркутске. В исследовании приняли участие 100 человек.

Результаты

Анализ сведений медиа-ресурсов, специализирующихся на противодействии распространению недостоверной информации, позволил установить, что специалисты стран НАТО активно проводят операции на российском информационном пространстве, вбрасывая

Десять лет вырубki лесов. До и после

Недавно был популярен челлендж #10yearchallenge, где люди показывали изменения в своей внешности за последние 10 лет. Экоактивисты тоже не остались в стороне. Они решили показать экологические проблемы за 10 лет. В сети распространилась фотография с вырубкой лесов. Странно, что не нашли реальную фотку. Это же проще простого. Вместо этого сняли один кадр и разрезали на два. Фэйк готов.

Рис. 2. Десять лет вырубki лесов. До и после

Fig. 2. Ten years of deforestation. Before and after

различные фейки. Большинство подобных фейков касаются политических тем, специальной военной операции, общественно значимых происшествий, дефицита товаров, роста цен и т. д. (Арчакова, 2023). Дезинформаторы «выпускают продолжения» тем фейков, которые в свое время вызвали наибольшую реакцию у пользователей с целью криминализации информационного пространства (Злоказов, Ворошилова, Злоказова, 2021). Таким способом они пытаются повысить уровень тревожности у россиян. Например, фейк о конфетах, содержащих наркотические вещества. Миф о распространении среди школьников конфет с «клубничным / земляничным наркотиком» появился в США еще в 2007 году. Реальных доказательств этим слухам полицейские не нашли. В 2014 году в Якутии был впервые зафиксирован фейк об объявлении, предлагающем взять конфету. С небольшими изменениями этот фейк фиксировался в апреле 2021 года, дважды в октябре 2022 года, а также весной 2023 года. Или отравление мальчика «Тархуном». Появился фейк в 2010 году, после чего фиксировался повторно в 2022 году и в июне 2023 года.

Основными площадками распространения фейковой информации являются мессенджеры и социальные сети. Так, к форуму «Диалог о фейках» (<https://fakes.dialog.info>), который состоялся 22 ноября 2023 года, команда АНО «Диалог регионы» подготовила специальную версию исследований по распространению фейковой информации, где были представлены данные социологического опроса, который проводился с 24 по 29 октября 2023 года методом River Sampling среди пользователей социальных сетей. Всего квотированная выборка составила 3600 респондентов, возраст от 18 до 65 лет.

По данным исследований по распространению фейковой информации АНО «Диалог регионы» отмечается, что в 2023 году количество копий фейков увеличилось на 25 % по сравнению с 2022 годом⁶. Было зафиксировано значительное увеличение фейковых инфоповодов во всех федеральных округах Российской Федерации. Основная информационная повестка фейков отражает следующие социально-экономические направления:

- дефицит товаров;
- дефицит медикаментов;
- рост цен на потребительские товары;
- проблемы в сфере автомобильной промышленности;
- информация о критическом состоянии гражданской авиации.

Топ сфер, где распространены фейки:

- политическая сфера;
- уровень благосостояния граждан;
- специальная военная операция.

Суммарно количество региональных фейков составило 51 % от общего количества новостей, по сравнению с 2022 годом прирост составил 78 %. Значительный рост количества уникальных фейков в федеральных округах зафиксирован в категориях:

- «Социально значимые происшествия».
- «Экология».
- «Дорожно-транспортная сфера».
- «Здравоохранение».

– «Политическая сфера» составила значительную часть (более трети от всех фейков) в четырех округах: Центральный федеральный округ (ЦФО), Сибирский федеральный округ (СФО), Южный федеральный округ (ЮФО) и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Самыми охватываемыми региональными кейсами стали события вокруг Крымского полуострова

⁶ Число уникальных фейков в сети в 2023 году может достичь 4 тыс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19351319?ysclid=ly9izzmnm2268104784> (дата обращения: 02.06.2024).

(ложные сообщения об атаке Севастополя, Крымского моста, дефицит товаров первой необходимости, топлива и пр.), фейки о вторжениях ДРГ в приграничные регионы, фейки о событиях в регионах СКФО, а также о дефиците товаров.

Специалисты отмечают, что в 2023 году наблюдался относительно постепенный рост числа фейковых сообщений, созданных при помощи средств синтеза контента искусственного интеллекта (Дипфейк). Технология Deepfake сама по себе нейтральна и может применяться для благих целей во многих областях (Ramos-Zaga, 2024). Однако злонамеренное использование в основном преобладает над позитивным. Фейки, поддерживаемые передовыми технологиями, представляют серьезную угрозу, поскольку способствуют распространению фейковых новостей в Интернете (Gambín et al., 2024). Дипфейк (Deepfake) – это технология создания синтезированного контента при помощи алгоритмов машинного обучения, искусственный интеллект (ИИ). Расцвет применения данной технологии пришелся на последние несколько лет и включает в себя множество жанров: от развлекательных видео- и аудиоматериалов до применения данной технологии в целях политических провокаций.

Угрозы от дипфейков: политическая сфера, национальная безопасность, бизнес, судебная система и правоохранительные органы, банковские и финансовые системы, потеря доверия к информации, цифровые платформы и социальные сети.

Аудитория фейковых сообщений имеет выраженную социально-демографическую специфику. Чаще всего с фейковым контентом взаимодействуют мужчины (55 %) или женщины (45 %) от 40 лет.

При этом распространяют фейковый контент преимущественно женщины старше 60 лет. Мужчины чаще встречают фейки как читатели и на 24% менее, чем женщины, склонны к распространению фейкового контента, в то время как женская аудитория чаще их распространяет.

Ключевые сферы, интересующие мужскую аудиторию: специальная военная операция и мобилизация; политическая сфера, спорт.

Женщины больше распространяют ложные сообщения в категориях: здравоохранение, социально значимые происшествия, информационные технологии, экология и социальная защита.

Сфера информационных технологий, как и сфера социальной защиты, больше интересует граждан старше 60 лет, что объясняется высоким уровнем зависимости от мер поддержки государства и недостаточным количеством знаний в сфере информационных технологий.

В связи с этим немаловажный интерес представляют данные, раскрывающие особенности отношения населения к фейкам. Предлагаемые результаты отражают понимание и отношение иркутян к фейковой информации и ее распространению.

В анкетировании приняли участие 100 человек, проживающих в г. Иркутске. Из них мужчины (39 %) и женщины (61 %) от 25 до 40 лет, 45% из них имеют высшее образование, у 33 % респондентов неоконченное высшее и среднее профессиональное образование, остальные 22 % находятся в процессе обучения. Кроме того, практически все респонденты имеют семьи и детей, которые видят отношение своих родителей к массовой коммуникации, в частности, к фейкам. Большинство респондентов имеют высшее образование, семьи. Они владеют коммуникативными навыками и свободно ориентируются в интернет-пространстве.

Участники анкетирования отметили, что являются активными пользователями интернет-коммуникаций (в день «примерно четыре» и более часов), общаются в социальных сетях, имеют аккаунты (91 %), знают о фейках и понимают опасность недостоверной информации. 15 % респондентов заявили о том, что «попадались» на фейковую информацию («Слава Богу, без последствий») и знают людей, которые стали жертвами фейков («...искал работу, нашел в интернете, оказалось ловушкой, в результате был осужден...», «нашла целительницу

по интернету, перевела ей 900 тыс. руб., помощи не получила, лечиться в пограничном отделении...» и т. д.). 78 % респондентов (в том числе их дети) сталкивались с фейковой информацией разного характера («звонки / сообщения банковских работников», звонки / сообщения «сотрудников правоохранительных органов» и т. д.). Респонденты сообщили, что читают сообщения на разные темы, смотрят короткие видео, в том числе распространяя их, а вот изучать информацию на предмет ее достоверности «нет времени», «не знаю, где искать такую информацию». При этом 67 % опрошенных респондентов считают, что распространение фейков опасно. К причинам опасности распространения фейков отнесли «материальный и психологический ущерб», «повышение чувства страха», «ухудшение самочувствия, здоровья у пожилых людей», «втягивание детей в опасные группы» и т. д. 83 % опрошенных иркутян отметили необходимость борьбы с фейками.

Заключение

Очевидно, что фейки представляют собой огромную разрушительную силу, в разной степени воздействующую на все категории граждан. Создатели фейков искусственно наращивают уровень психологической напряженности в российском обществе с помощью постоянных вбросов на одни и те же темы. Своевременное реагирование, размещение опровержений и достоверной информации необходимо для снижения уровня тревожности в обществе и пресечения распространения фейковых нарративов. Важно активно противостоять манипулятивному воздействию фейковой информации, изучать и анализировать ее, просвещать граждан, разрабатывать методы предотвращения, обнаружения и прекращения распространения фейкового контента.

В ходе исследования установлены следующие способы верификации (проверки) фейков: важно проверить источник (ресурс, веб-адрес) информации и дату созданного материала (возможно, предлагаемый материал был ранее опубликован); найти первоисточник данного материала; оценить личность автора сообщения и его мотив; проверить данную информацию на подобную в других источниках (единичная информация должна вызвать подозрение); обращать внимание на множество репостов и отсутствие обсуждений читателей: возможно, это массовый вброс нужной кому-то информации; подвергать сомнению информацию: обобщенного характера (все, многие, ученые, военные, врачи и т. д.), без конкретных имен («политик сказал...», профессор доказал...», «журналист показал...» и т. д.), навязчивого характера («необходимый для вас», «то, что вам нужно», «без этого не обойтись», «лучше всех» и т. д.), агрессивные и ярко выраженные эмоциональные высказывания, а также такие высказывания, как «гарантирую», «всегда», «никогда», «только так» и многие другие.

В целом необходимо адекватно оценивать информацию в интернет-пространстве, тренировать критическое мышление, поскольку развитие информационных технологий набирает обороты, и связанные с ними негативные тенденции – такие, как применение фейков – усиливают манипулятивное влияние на общество, становятся угрозой безопасности личности, общества, государства.

Список литературы

- Анистратенко, Т. Г. (2020). Место Fake news в современных коммуникационных практиках. *Гуманитарий Юга России*, 9 (5), 75–81. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.5>
- Арчакова, М. А. (2023). Специфика распространения политических фейков. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 8 (1), 53–62.

- Брусенская, Л. А., Куликова Э. Г. (2018). Фейк как элемент манипулирования общественным сознанием. *Гуманитарные и социальные науки*, 5, 101–112. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-70-5-101-112>
- Буткевич, С. А. (2021). Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации. *Юристы-Правоведы*, 2, 74–79.
- Виловатых, А. В., Михеев, Е. А. (2018). Стратегические установки США и НАТО по организации и проведению операций информационно-психологического воздействия. *Наука. Культура. Общество*, 2-3, 131–142.
- Долгина, Е. С. (2021). Роль манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации. *Культура в фокусе научных парадигм*, 10-11, 330–334.
- Злоказов, К. В., Ворошилова, М. Б., Злоказова, Ю. В. (2021). Информация или дезинформация? Читатель и fake-news. *Политическая лингвистика*, 6 (90), 168–175. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_19
- Иссерс, О. С. (2014). Медиафейки: между правдой и мистификацией. *Коммуникативные исследования*, 2 (2), 112–123.
- Корнилова, Е. Н. (2020). Манипуляции сознанием в процессе реформирования образования и науки в России. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 26 (4), 48–75. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-48-75>
- Литинская, Е. А. (2021). Фейковые новости как явление информационного общества. *Гуманитарные проблемы военного дела*, 1 (26), 123–126.
- Нежкина, Л. Ю. (2023). К вопросу о манипулировании общественным сознанием в информационную эпоху. В Н. Ю. Куценко и др. (ред.), *Феномены медиа: социокультурная и философская реальность: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 01 декабря 2022 года, стр. 82–85)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации.
- Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social Media and Fake News in the 2016 Election. *The Journal of Economic Perspectives*, 31 (2), 211–235.
- Bowman, S., & Willis, C. (2003). *We Media: How Audiences Are Shaping the Future of News and Information* Reston: The Media Center at the American Press Institute, 1-65.
- Fetzer, J. H. (2004). Disinformation: The Use of False Information. *Minds and Machines. Journal for Artificial Intelligence, Philosophy, and Cognitive Science*, 14 (2), 231–240.
- Gambín, Á. F., Yazidi, A., Vasilakos, A. et al. (2024). Deepfakes: current and future trends. *Artif Intell Rev*, 57, 64. <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10679-x>
- Girgis, S, Amer, E, & Gadallah, M. (2018). Deep learning algorithms for detecting fake news in on-line text. *In: 2018 13th international conference on computer engineering and systems (ICCES)*. Cairo, Egypt. IEEE, 93–97.
- Paterson, T., & Hanley, L. (2020). Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and ‘deep fakes’. *Australian Journal of International Affairs*, 74: 4, 439–454. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1734772>
- Ramos-Zaga, F. (2024). Deepfake: Análisis de sus implicancias tecnológicas y jurídicas en la era de la Inteligencia Artificial. *Derecho Global. Estudios Sobre Derecho Y Justicia*, 9 (27:Julio-Octubre), 359–387. <https://doi.org/10.32870/dgedj.v9i27.754>
- Tandoc, E., Lim, Z. W., & Ling, R. (2018). Defining “Fake News”. *Digital Journalism*, 6:2: 137–153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>

References

- Anistratenko, T. G. (2020). Mesto Fake news v sovremennyh kommunikacionnyh praktikah. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 9 (5), 75–81. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.5>
- Archakova, M. A. (2023). Specifika rasprostraneniya politicheskikh fejkov. *Kommunikologiya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 8 (1), 53–62.
- Brusenskaya, L. A., Kulikova E. G. (2018). Fejk kak element manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 5, 101–112. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-70-5-101-112>
- Butkevich, S. A. (2021). Fejk-n'yus i media: problemy differenciacii i penalizacii. *Yurist'-Pravoved'*, 2, 74–79.
- Vilovatyh, A. V., Miheev, E. A. (2018). Strategicheskie ustanovki SSHA i NATO po organizacii i provedeniyu operacij informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2-3, 131–142.
- Dolgina, E. S. (2021). Rol' manipulirovaniya massovym soznaniem v sovremennyh sredstvakh massovoj informacii. *Kul'tura v fokuse nauchnyh paradigim*, 10-11, 330–334.
- Zlokazov, K. V., Voroshilova, M. B., Zlokazova, YU. V. (2021). Informaciya ili dezinformaciya? Chitatel' i fake-news. *Politicheskaya lingvistika*, 6 (90), 168–175. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_19
- Issers, O. S. (2014). Mediafejki: mezhdou pravdoj i mistifikaciej. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2 (2), 112–123.
- Kornilova, E. N. (2020). Manipulyacii soznaniem v processe reformirovaniya obrazovaniya i nauki v Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 26 (4), 48–75. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-48-75>
- Litinskaya, E. A. (2021). Fejkovyje novosti kak yavlenie informacionnogo obshchestva. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 1 (26), 123–126.
- Nezhkina, L. Yu. (2023). K voprosu o manipulirovanii obshchestvennym soznaniem v informacionnuyu epohu. V N. Yu. Kucenko i dr. (red.), *Fenomeny media: sociokul'turnaya i filosofskaya real'nost'*: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Sankt-Peterburg, 01 dekabrya 2022 goda, str. 82–85). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet grazhdanskoj aviacii.
- Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social Media and Fake News in the 2016 Election. *The Journal of Economic Perspectives*, 31 (2), 211–235.
- Bowman, S., & Willis, C. (2003). *We Media: How Audiences Are Shaping the Future of News and Information* Reston: The Media Center at the American Press Institute, 1-65.
- Fetzer, J. H. (2004). Disinformation: The Use of False Information. *Minds and Machines. Journal for Artificial Intelligence, Philosophy, and Cognitive Science*, 14 (2), 231–240.
- Gambín, Á. F., Yazidi, A., Vasilakos, A. et al. (2024). Deepfakes: current and future trends. *Artif Intell Rev*, 57, 64. <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10679-x>
- Girgis, S, Amer, E, & Gadallah, M. (2018). Deep learning algorithms for detecting fake news in online text. In: *2018 13th international conference on computer engineering and systems (ICCES)*. Cairo, Egypt. IEEE, 93–97.
- Paterson, T., & Hanley, L. (2020). Political warfare in the digital age: cyber subversion, information operations and 'deep fakes'. *Australian Journal of International Affairs*, 74: 4, 439–454. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1734772>
- Ramos-Zaga, F. (2024). Deepfake: Análisis de sus implicancias tecnológicas y jurídicas en la era de la Inteligencia Artificial. *Derecho Global. Estudios Sobre Derecho Y Justicia*, 9 (27:Julio-Octubre), 359–387. <https://doi.org/10.32870/dgedj.v9i27.754>

Tandoc, E., Lim, Z. W., & Ling, R. (2018). Defining “Fake News”. *Digital Journalism*, 6:2: 137–153.
<https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>

Информация об авторах

Лариса Юрьевна Нежкина – доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук.

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors

Larisa Y. Nezhkina – Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia, Cand. of Sci. (Ped.).

Anton S. Dushkin – Head of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.02.2024

Одобрена после рецензирования 24.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted February 13, 2024

Approved after reviewing May 24, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-250-261

Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление

Ирина Сергеевна Сабитова

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
(Калуга, Россия)

sedenkova.ir@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0667-7410

Аннотация

Введение. Одной из ведущих проблем обеспечения безопасности личности является исследование насилия, осуществляемого в близких отношениях, в юридическом контексте. В данной статье впервые ситуация насилия в интимно-личностных отношениях рассмотрена как юридически значимая, основанная на квалифицирующих признаках преступления по делам о половой неприкосновенности. **Методы исследования и результаты.** В ходе теоретического анализа были определены возможные типы поведения жертвы в ситуации насилия в интимно-личностных отношениях, а также отличительные особенности преступления, совершаемого в этих отношениях, в сравнении с половыми преступлениями. Определены основные выявляемые признаки способности понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать сопротивление у жертвы насилия в интимно-личностных отношениях, а именно: способность идентифицировать происходящее как насилие, адекватно оценивать насильственные действия, прогнозировать последствия таких отношений и действий, регулировать собственное поведение в юридически значимой ситуации; личный опыт (в детстве и в собственных отношениях); уровень психического развития, особенность субъективной переработки информации; индивидуально-психологические особенности; психическое и эмоциональное состояние в юридически значимый период, субъективная значимость события. Подчеркивается необходимость определения законодательно закрепленного квалифицирующего признака состава преступления по делам о насилии в интимно-личностных отношениях.

Ключевые слова

жертва, насилие, интимно-личностные отношения, совершаемые действия, сопротивление, готовность к сопротивлению

Для цитирования: Сабитова, И. С. (2024). Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 250–261. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-250-261.

Original paper

The ability of a victim of intimate partner violence to realise the nature of the actions committed against her/him and to resist them

Irina S. Sabitova

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

(Kaluga, Russia)

sedenkova.ir@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0667-7410

Abstract

Introduction. One of the main problems of ensuring personal safety is studying intimate partner violence in a legal context. This article for the first time deals with the situation of intimate partner violence as legally significant, based on the qualifying features of the offence of sexual inviolability.

Research methods and results. In the course of theoretical analysis, possible types of behaviour of the victim in a situation of intimate partner violence were identified, as well as distinctive features of the crime committed in partner relationships in comparison with sexual offences. The main identifiable features of the ability of a victim of intimate partner violence to realise the nature of the actions committed against her/him and to resist them were determined, including the ability to identify what happens as violence, to adequately assess the violent actions, to predict the consequences of such relationships and actions, to regulate her/his own behaviour in a legally significant situation; personal experience (in childhood and in her/his own relationships); the level of mental development, the peculiarity of subjective processing of information; individual and personal characteristics of a victim of intimate partner violence. The necessity of determining a legally defined qualifying feature of the corpus delicti in cases of intimate partner violence is emphasised.

Keywords

victim, violence, intimate-personal relationships, actions taken, resistance, readiness to resist

For citation: Sabitova, I. S. (2024). The ability of a victim of intimate partner violence to realise the nature of the actions committed against her/him and to resist them. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 250–261. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-250-261.

Введение

Выявление способности лица, ставшего жертвой в результате насилия, понимать характер и значение совершаемых с ним действий и / или оказывать сопротивление является основополагающей задачей эксперта-психолога при производстве судебно-психологической или комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизы. Данная задача обусловлена квалифицирующим признаком состава преступления по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – ч. 1. ст. 131 «Изнасилование» и ч. 1. ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера».

Согласно данным статьям УК РФ, при квалификации деяния и установлении меры наказания значимым для суда признаком является наличие / отсутствие беспомощного состояния жертвы, психологические аспекты которого относятся к сфере деятельности эксперта-психолога.

Беспомощное состояние жертвы определяется рядом причин, среди которых есть причины физического (соматические заболевания), психиатрического (патологии или отклонения в психическом развитии, хронические или временные психические расстройства и т. п.) характера. Однако если такие явления отсутствуют, рабочей версией становится наличие психологических причин, обусловивших беспомощное состояние потерпевшего.

Психологическими компонентами беспомощного состояния являются:

- процессы осознания юридически значимых событий;
- психологические механизмы произвольной регуляции собственного поведения в юридически значимой ситуации.

Экспертная практика показывает, что насилие достаточно часто проявляется по отношению к близким людям (сожители, супруги, родственники), и более 30–40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается именно в быту (Золотухин, 2019). Однако в исследованиях зарубежных и российских ученых отсутствует практика изучения беспомощного состояния жертв насилия, совершаемого в интимно-личностных отношениях. Это обусловлено рядом причин, среди которых основополагающим, методологическим, на наш взгляд, является то, что насилие в интимно-личностных отношениях до сих пор не рассматривается как юридически значимая ситуация, как преступление, требующее законодательно закрепленного квалифицирующего признака его состава в ситуациях причинения различной степени вреда психическому и физическому здоровью.

Основная часть

Как зарубежные, так и российские авторы выделяют разнообразные виды насилия, опираясь на причины и условия его возникновения, его внутренние механизмы и детерминанты: домашнее, семейное, супружеское, брачное, бытовое, гендерное, криминальное и т. д., а также, основываясь на содержании и результатах наносимого ущерба: физическое, психологическое, комбинированное (комплексное)¹ (Ениколопов, Хвостова 2011; Даренских, 2013; Gondolf & Fisher, 1991; Coker et al., 2000 и др.).

В данной статье рассматривается насилие в определенных условиях – интимно-личностных отношениях.

Интимно-личностные отношения представляют собой межличностное взаимодействие мужчины и женщины, основанное на взаимной симпатии, заинтересованности, не обязательно сопровождающееся сексуальным опытом и существующее в разных формах: нечастые встречи, не оформленные романтические отношения, сожительство, зарегистрированный брак (Бодалев, 2015). При этом партнеры могут проживать совместно или раздельно, иметь или не иметь совместных детей или имущество.

Однако построить такие отношения удается далеко не всем, более того, в условиях конфликтно-стрессового взаимодействия данная специфика отношений нарушается и возникает противоречие, состоящее в том, что интимно-личностные отношения, предполагающие самоактуализацию партнеров в условиях психологической безопасности, в один момент могут стать опасными не только для психики, но и физического здоровья, перспектив самой совместной жизни партнеров (Седенкова, 2021).

Насилие в интимно-личностных отношениях – это запрещенное законом деструктивное поведение, реализующееся, как правило, в закрытых от общего внимания условиях, причиняющее физический вред и моральный ущерб, нарушающее психологическую безопасность личности².

¹ Столяренко, А. М. (2001). *Прикладная юридическая психология*: учебное пособие для вузов. Юнити-Дана; Ярская-Смирнова, Е. Р. (ред.) (2004). *Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты*: учебное пособие для студентов вузов. РОССПЭН

² Столяренко, А. М. (2001). *Прикладная юридическая психология*: учебное пособие для вузов. Юнити-Дана.

При этом, независимо от того, в каких условиях проявляются действия насильственного характера, в брачных или небрачных отношениях, в совместном быту или в ситуациях раздельного проживания, они всегда имеют не только безнравственный, но и прямо криминальный характер – асоциальный или даже антисоциальный, противоправный, и потому относятся к области уголовной ответственности. Данная характеристика позволяет идентифицировать происходящее именно как насилие, проявляющееся в интимно-личностных отношениях, как правонарушение и / или преступное деяние³ (Павлова, Корякина, 2014; Нигматуллин, 2023).

По одной из существующих классификаций в криминалистике и, соответственно, в юридической психологии, насильственные преступления подразделяют на бытовые и досуговые (Алимов, Антонов-Романовский, Дашков, Резник, 1980). Досуговое – это насилие, происходящее при отсутствии бытового конфликта в процессе свободного времяпрепровождения. При этом бытовое всегда основано на мотиве, возникшем в сфере бытовой жизнедеятельности, на основе неприязненных отношений в течение длительного времени (Лукиных, 2009).

Отсюда следует, что досуговые преступления могут возникнуть еще в добрачный период развития отношений, когда у партнеров нет совместного быта и их чувства формируются в ходе совместного времяпрепровождения. Бытовые преступления в своей основе содержат компоненты домашнего, бытового или супружеского насилия, когда при совместном проживании и взаимодействии в быту возникают конфликтные ситуации, партнер неоднократно проявляет различные действия психологического, физического, сексуального и иного характера, причиняя другому партнеру боль и страдания (Алимов и др., 1980; Кудрявцев, 1968; Старков, 1992).

Любая юридически значимая ситуация основывается на конфликте. Н. В. Гришина определяет конфликт как активное противостояние двух сторон, направленное на преодоление противоречия. Юридическая ситуация, как правило, определяется как случайно сложившиеся обстоятельства с определенными условиями, местом и временем, характеризующаяся повторяемостью и конфликтностью. И еще одной важной составляющей юридически значимой ситуации являются психологические последствия для участвующих в ней лиц (Богданович, Делибалт, Дягтерев, 2015).

Насилие в интимно-личностных отношениях имеет сходство с указанными признаками юридически значимой ситуации по всем параметрам: тоже проявляется на основе конфликтной ситуации, в определенном месте и в определенное время, может повторяться и влечет за собой психологические последствия как для партнеров, так и для их детей.

Рассматривая насилие в интимно-личностных отношениях как юридически значимую ситуацию по аналогии с преступлениями насильственного характера, половой неприкосновенности, основополагающим квалифицирующим признаком может стать наличие / отсутствие беспомощного состояния, имеющее схожие психологические закономерности развития и особенности исследования.

Спецификой исследования кейсов по делам о насилии в интимно-личностных отношениях является то, что, в отличие от насилия по половым преступлениям, оно имеет более продолжительный характер и итоговой целью обвиняемого является не получение сексуального удовлетворения, а иной комплекс причин, до сих пор не имеющих своего научного решения. Более того, уровень рецидивов среди лиц, злоупотребляющих насилием в интимно-личностных отношениях (даже среди мужчин, принимавших участие в лечении), выше, чем среди других насильственных преступников (Dutton & Kropp, 2000).

Так, партнер, выступающий в роли агрессора в интимно-личностных отношениях, может применять и более «мягкие», латентные для восприятия жертвы формы насилия, таящие в себе множество глубинных психологических причин.

³ Скворцов, Л. И. (под общ. ред.), Ожегов, С. И. (2015). *Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание]* (28-е изд., перераб.). Мир и Образование.

Например, распространенная и считающаяся «нормой» ревность является признаком негармоничных, неверно выстроенных отношений и сигнализирует о возможных психологических последствиях, среди которых и проявление психологического насилия, применение таких неправомерных⁴ психологических методов воздействия как угроза, шантаж, манипулирование, различных эмоционально-аффективных проявлений, например, унижений, оскорблений, эскалация конфликтов, скандалов, истерик, влияние на социальное окружение – ограничения в социальных контактах, влияние на формы поведения и взаимодействия жертвы с окружающими и т. п.

За психологическим видом, как правило, появляется и более серьезная форма насилия – физическое, при котором агрессор может наносить телесные повреждения разной степени тяжести и даже причинить смертельные увечья жертве. Наряду с физическим часто проявляется и сексуальное насилие, характеризующееся принуждениями к половой связи или неприемлемым для жертвы формам сексуальной активности.

Насилие в интимно-личностных отношениях может происходить регулярно, иногда даже ежедневно (Sullivan et al., 2012) и / или длиться десятилетиями. Кроме того, тяжесть и / или частота жестокого обращения могут увеличиваться по мере того, как продолжаются эти отношения (Cavanaugh & Gelles, 2005; Nicholls et al., 2013).

Именно длительное психотравмирующее воздействие, связанное с систематическими противоправными действиями одного из партнеров, способствует росту эмоциональной напряженности, которая проявляется в виде криминальной внутрисемейной агрессии, приводящей к тяжким преступлениям. Особенности психотравмирующего влияния и дефицит личностных ресурсов приводят к той или иной реакции. Так, если для обвиняемого характерна антиагрессивная личностная особенность, то ситуация постоянного напряжения в стрессовом и конфликтном взаимодействии партнеров способствует разрядке в виде поступков, тождественных аффективному взрыву или резкому росту эмоционального напряжения. При этом у обвиняемых со слабосформированной антиагрессией личности в схожих ситуациях преобладает эмоциональное возбуждение на реальные или незначительные психотравмирующие воздействия (Сафуанов, 2022).

Специфика выявления беспомощного состояния по каждому из видов проявления насилия в отношениях заключается в их разной условной степени влияния, ущерба и восприятия этих категорий отдельно взятой личностью, в связи с чем и вопрос о понимании характера и значения совершаемых действий у жертв насилия в интимно-личностных отношениях позволяет определить следующий ряд экспертных психологических задач, которые можно разделить на две подгруппы:

1) выявление способности правильно воспринимать и воспроизводить отдельные факты или внешнюю сторону событий в пределах чувственного отражения действительности, т. е. время, место, последовательность действий агрессора или жертвы и т. п.;

2) установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий (способность к осмысленному восприятию и пониманию, субъективная сторона перцептивной деятельности).

При установлении данных способностей необходимо:

– определить специфику представлений жертвы, ее осведомленность о насилии в отношениях (выявление особенности смыслового восприятия и субъективной оценки ситуации (как нейтральной, угрожающей, опасной);

⁴ Енгальчев, В. Ф. (2001). Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности. В И. И. Аминов, А. И. Афиногенов, А. Г. Гельманов и др. (ред.), *Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов* (стр. 378–384). Издательство "Юнити-Дана"; Дмитриева, Т. Б., Сафуанов, Ф. С. (ред.) (2009). *Медицинская и судебная психология: курс лекций: учебное пособие* (3-е издание). Генезис.

- определить специфику субъективной значимости ситуации (ценностно-смысловые образования личности);
- исследовать особенности восприятия действий насильственного характера в специфических условиях – в интимно-личностных отношениях;
- выявить способности жертвы по совокупности «сигнальных» признаков идентифицировать угрожающий характер таких действий, их насильственную направленность уже на ранних стадиях развития насильственных отношений, разграничивать «нормальные, приемлемые действия в отношениях» и «угрожающие, нарушающие психологическую и физическую безопасность»;
- выявить способности жертвы определять социальное значение насильственных действий в интимно-личностных отношениях;
- определить способность оценить и спрогнозировать дальнейшее развитие таких отношений и в соответствии с этим регулировать свои действия.

Отсюда следует, что основными диагностическими параметрами для психолога являются: способность идентифицировать, оценивать, прогнозировать, регулировать.

Исследование способности жертвы оказывать сопротивление своему партнеру определяет два направления деятельности психолога, а именно, выявление:

- 1) внешних условий (социального окружения, статуса, материального положения, наличия детей, возраста партнеров, образования);
- 2) внутренних условий:
 - личного опыта (в детстве и в собственных отношениях);
 - уровня психического развития, особенностей субъективной переработки информации;
 - психического и эмоционального состояния во время совершения насильственных действий, субъективной значимости события;
 - индивидуально-психологических особенностей (далее – ИПО).

При выявлении уровня психического развития для начала следует определить наличие / отсутствие педагогической запущенности, отставания или задержки психического развития в анамнезе, затем путем очного психологического обследования выявить особенности интеллектуального развития, уровень сформированности познавательных процессов, особенности развития высших психических функций.

Решающее значение при исследовании уровня психического развития играет возраст жертвы. В делах по половым преступлениям законом предусмотрено, что малолетние потерпевшие в возрасте 9–10 лет понимают только внешнюю сторону юридически значимых событий, без осознания биологического и социального их смысла. При этом у несовершеннолетних потерпевших, начиная уже с 10–11 лет, экспертами-психологами принято исследовать индивидуальную структуру познавательной деятельности и уровень личностного созревания. Также исследуются знания в области вопросов пола и уровень сексуального сознания и самосознания подэкспертного.

Однако законодательных возрастных рамок в ситуациях насилия в интимно-личностных отношениях в настоящее время не установлено.

По аналогии с делами по половым преступлениям, говоря о насилии в паре (начиная с подросткового возраста), можно взять за основу такой же возрастной диапазон понимания характера и значения совершаемых насильственных действий в отношениях. При этом, вероятно, физическое насилие будет осознаваться и в более раннем возрасте, а вот психологическое (в зависимости от конкретного проявления) будет осознаваться слабо или не идентифицироваться как проявление насилия в целом, а порой и приниматься за «норму».

Предполагается, что совершеннолетние, в том числе и студенческая молодежь, как правило, при вступлении в интимно-личностные отношения способны в полной мере осознавать характер насильственных действий различных видов, однако важно выявить наличие специфических знаний в этой области, позволяющих жертве отличить временные эмоциональные проявления в конфликтных ситуациях от насилия.

Отсюда следует, что сохранность интеллектуальных способностей еще не свидетельствует о понимании характера и значения совершаемых насильственных действий в отношениях, так как это требует особых специальных знаний и понимания.

Следующим шагом при выявлении способности понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать сопротивление, является исследование ИПО.

Известно, что на формирование личностных особенностей большое влияние оказывает мировоззрение человека, его ценности, нравственные ориентиры, установки. В данном случае необходимо также выявить потребности и мотивы человека, вступающего в интимно-личностные отношения и не прекращающего их даже при проявлении насилия.

При очном обследовании выявляются индивидуально-типологические особенности, которые можно разделить на подгруппы:

- формирующие восприятие мира, отношение к жизни и окружающим, к определенным ситуациям и событиям (например, акцентуации характера, аномалий личностного развития);
- влияющие на особенности взаимоотношений в межличностных и интимно-личностных отношениях (например, внушаемость, подчиняемость, комфортность, зависимость от авторитетной или социально значимой личности, подверженность влиянию извне, зависимость от оценки и мнения окружающих);
- отражающие сформированные поведенческие модели и реакции в экстремальных, эмоционально значимых, стрессовых или фрустрационных ситуациях (например, копинг-стратегии, фрустрационные реакции);
- свидетельствующие о превалирующем эмоциональном состоянии (например, психофизиологическое состояние, стрессоустойчивость, тревожность);
- защитные (например, механизмы психологической защиты или механизмы отчуждения моральной ответственности);
- волевые (волевая регуляция поведения), предполагающие выявление способности человека сознательно регулировать психическую активность, принимать волевые усилия, сохранять волевое напряжение, которое в свою очередь обусловлено силой, подвижностью и уравновешенностью нервных процессов. При этом волевые качества личности как социально опосредованный механизм регуляции поведения основаны на сформированных в процессе социализации понятиях и представлениях, которые влияют на ее способность понимать необходимость определенного поведения, руководствоваться чувством, мерой и нормами социальной ответственности⁵ и тем самым определяют способность осознавать характер и значение собственных или чужих действий.

Комплексный анализ данных подгрупп индивидуально-психологических особенностей позволит прийти к всестороннему выводу о специфике развития мотивационно-волевой сферы жертвы, влияющей на способность оказывать сопротивление.

На основе теоретического анализа выделенных в судебно-экспертной практике типологий поведения потерпевших несовершеннолетних (не имеющих психических расстройств)

⁵ Еникеев, М. И. (2005). *Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов*. Издательство «Норма».

по делам о сексуальном насилии, были сформулированы возможные типы поведения жертвы, в ситуации насилия в интимно-личностных отношениях⁶:

Можно также выделить непоследовательный тип, характеризующийся отсутствием четкой линии поведения: действия жертвы противоречивы, поступки и высказывания изменчивы, пассивно-подчиняемый тип поведения меняется на псевдо-провоцирующий.

Таблица 1. Типы поведения жертвы насилия в интимно-личностных отношениях

Table 1. Types of behavior of a victim of violence in intimate and personal relationships

Тип поведения	Характеристика	ИПО	Психическое состояние в ситуации насилия
Пассивно-подчиняемый	Без сопротивления беспрекословно терпят, выполняют все требования, подчиняются указаниям.	Внушаемость, подчиняемость, нерешительность, мнительность, доверчивость, эмоциональная неустойчивость, восприятие ситуации как безвыходной, чаще сознательный отказ противостоять агрессивно-насильственным действиям.	Острая аффективная реакция, нарастание эмоционального напряжения, страха, тревоги, растерянности, аффективного сужения сознания с концентрацией внимания на узком круге психотравмирующих переживаний. Аффективные реакции могут привести к психомоторной заторможенности, вплоть до полной неспособности оказать сопротивление.
Псевдо-провоцирующий	Повышенно активны, стремятся к взаимодействию с агрессором, используют поведенческие и эмоциональные провокации, активно содействуют разгоранию конфликта, проявляют ответную вербальную и невербальную агрессию, совместно употребляют алкогольные напитки и т. п.	Вспыльчивость, агрессивность, эмоциональная неустойчивость, восприятие ситуации как безвыходной.	Острая аффективная реакция, нарастание эмоционального напряжения, страха, тревоги, аффективного сужения сознания с концентрацией внимания на узком круге психотравмирующих переживаний. Аффективные реакции могут привести к двигательным возбуждениям с недостаточным учетом ситуации, совершением действий, опасных для здоровья и собственной жизни и жизни партнера.

Нами был предложен еще один тип поведения, специфический для ситуации насилия в интимно-личностных отношениях – псевдо-защитный, характеризующийся сменой ролей партнеров с «агрессора» на «жертву» и наоборот, при котором оба партнера используют в отношении друг друга различные виды насилия как псевдозащитный поведенческий паттерн.

Итак, в процессе проведенного исследования было выявлено, что общей характеристикой поведения партнеров, переживающих насилие в интимно-личностных отношениях, является

⁶ Сафуанов, Ф. С. (1998). Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. Смысл, фирма «Гардарика».

опосредованная возрастными и личностными особенностями, а также спецификой конфликтно-стрессового взаимодействия аффективная дезорганизация психической деятельности, нарушение произвольной регуляции поведения, реализация неэффективных, деструктивных поведенческих стратегий.

На основе вышеизложенного следует заключить, что способность оказывать сопротивление у жертвы насилия в интимно-личностных отношениях – это возможность эффективно преодолевать принуждение со стороны агрессора, действуя с пониманием ситуации, руководствуясь собственными интересами, целенаправленно, с сохранением самоконтроля, прогноза возможных последствий собственных действий/бездействий, устойчивость к внешним воздействиям (Коннышева, 1988).

Заключение

Таким образом, на основании проведенного теоретического анализа, установлено, что насилие в интимно-личностных отношениях относится к категории юридически значимых ситуаций, для которой в данном случае квалифицирующим признаком состава преступления, как и в уголовных делах по половым преступлениям, может быть беспомощное состояние жертвы, выявляющееся посредством психологического исследования способности жертвы понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать сопротивление.

Преступление, совершаемое в интимно-личностных отношениях, имеет продолжительный латентный характер, длительное психотравмирующее воздействие, тенденцию к увеличению частоты жестокого обращения, высокий уровень рецидивов.

Установление способности жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать сопротивление происходит посредством выявления следующих основных психологических факторов: способность идентифицировать происходящее как насилие, адекватно оценивать насильственные действия, прогнозировать последствия таких отношений и действий, регулировать собственное поведение в юридически значимой ситуации; личный опыт (в детстве и в собственных отношениях); уровень психического развития, особенность субъективной переработки информации; индивидуально-психологические особенности; психическое и эмоциональное состояние в юридически значимый период, субъективная значимость события.

Список источников

- Алимов, С. Б., Антонов-Романовский, Г. В., Резник, Г. М. (1980). Насильственная преступность в сферах быта и досуга (проблемы криминологической типологии). *Вопросы борьбы с преступностью*, 33, 12–21.
- Богданович Н. В., Делибалт В. В., Дягтерев А. В. (2015). К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации». *Психология и право*, 5 (3), 29–36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050303>
- Бодалев, А. А. (под общ. ред.) (2015). *Психология общения: энциклопедический словарь* (2-е изд., испр. и доп.) Москва: Когито-Центр.
- Даренских, С. С. (2013). Семейное насилие в отношении женщин. *Известия Алтайского государственного университета*, 2-2 (78), 52–55.
- Ениколопов, С. Н., Хвостова, Е. С. (2011). Социально-психологические представления о сексуальном насилии в семье. *Психология и право*, 1 (1), 1–12.

- Золотухин, С. Н. (2019). *Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений*: монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера.
- Конышева, Л. Н. (1988). *Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования*: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Москва.
- Кудрявцев, В. Н. (1968). *Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения)*. Москва: Юридическая литература.
- Лукиных, И. Д. (2009). Понятие и характеристика уличной преступности. *Российский следователь*, 14, 20–22.
- Нигматуллин, М. Р. (2023). Деятельность органов внутренних дел по предупреждению семейно-бытовых преступлений. *Виктимология*, 10 (3), 368–376.
- Павлова, А. А., Корякина, З. И. (2014). Психическое насилие как способ совершения преступления. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*, 6 (11), 164–167.
- Сафуанов, Ф. С. (2022). Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога. *Психология и право*, 12 (3), 3–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301>
- Седенкова, И. С. (2021). Гендерное насилие как фактор нарушения безопасности личности. *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки*, 4 (4 (13)), 62–68.
- Старков, А. В. (1992). *Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание)*: монография. Рязань: Издательство: "Рязанская высшая школа МВД РФ".
- Ульянова, Н. Э. (2019). Манипуляция в отношении жертв преступлений и иных правонарушений. *Виктимология*, 2 (20), 73–78.
- Cavanaugh, M. M., & Gelles, R. J. (2005). The Utility of Male Domestic Violence Offender Typologies: New Directions for Research, Policy, and Practice. *Journal of Interpersonal Violence*, 20 (2), 155–166. <https://doi.org/10.1177/0886260504268763>
- Coker, A. L., Smith, P. H., Bethea, L., King, M. R., & McKeown, R. E. (2000). Physical health consequences of physical and psychological intimate partner violence. *Archives of Family Medicine*, 9 (5), 451–457. <https://doi.org/10.1001/archfami.9.5.451>
- Dutton, D. G., & Kropp, P. R. (2000). A Review of Domestic Violence Risk Instruments. *Trauma, Violence, & Abuse*, 1 (2), 171–181. <https://doi.org/10.1177/1524838000001002004>
- Gondolf, E., & Fisher, E. (1991). *Wife battering. Case Studies in family violence*. In: R. T. Ammerman, M. Hersen (eds), *Case Studies in Family Violence*. New York, London: Plenum Press
- Nicholls, T. L., Pritchard, M. M., Reeves, K. A., & Hilterman, E. (2013). Risk Assessment in Intimate Partner Violence: A Systematic Review of Contemporary Approaches. *Partner Abuse*, 4 (1), 76–168. <https://doi.org/10.1891/1946-6560.4.1.76>
- Sullivan, T. P., McPartland, T. S., Armeli, S., Jaquier, V., & Tennen, H. (2012). Is it the exception or the rule? Daily co-occurrence of physical, sexual and psychological partner violence in a 90-day study of substance-using, community women. *Psychology of Violence*, 2 (2), 154–164. <https://doi.org/10.1037/a0027106>

References

- Alimov, S. B., Antonov-Romanovskij, G. V., Reznik, G. M. (1980). Nasil'stvennaya prestupnost' v sferah byta i dosuga (problemy kriminologicheskoy tipologii). *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*, 33, 12–21.

- Bogdanovich N. V., Delibalt V. V., Dyagterev A. V. (2015). K probleme psihologicheskogo opredeleniya ponyatiya «Yuridicheski znachimye situacii». *Psihologiya i pravo*, 5 (3), 29–36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050303>
- Bodalev, A. A. (pod obshch. red.) (2015). *Psihologiya obshcheniya: enciklopedicheskij slovar'* (2-e izd., ispr. i dop.) Moscow: Kogito-Centr.
- Darenskih, S. S. (2013). Semejnoe nasilie v otnoshenii zhenshchin. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-2 (78), 52–55.
- Enikolopov, S. N., Hvistova, E. S. (2011). Social'no-psihologicheskie predstavleniya o seksual'nom nasilii v sem'e. *Psihologiya i pravo*, 1 (1), 1–12.
- Zolotuhin, S. N. (2019). *Kriminal'noe nasilie v sfere semejno-bytovyh otnoshenij*: monografiya. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera.
- Konysheva, L. N. (1988). *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza psihicheskogo sostoyaniya nesovershennoletnej zhertvy iznasilovaniya*: avtoref. dis. ... kand. psiholog. nauk. Moscow.
- Kudryavcev, V. N. (1968). *Prichinnost' v kriminologii (o strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- Lukinyh, I. D. (2009). Ponyatie i harakteristika ulichnoj prestupnosti. *Rossijskij sledovatel'*, 14, 20–22.
- Nigmatullin, M. R. (2023). Deyatel'nost' organov vnutrennih del po preduprezhdeniyu semejno-bytovyh prestuplenij. *Viktimologiya*, 10 (3), 368–376.
- Pavlova, A. A., Koryakina, Z. I. (2014). Psihicheskoe nasilie kak sposob soversheniya prestupleniya. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 6 (11), 164–167.
- Safuanov, F. S. (2022). Vnutrisemejnaya kriminal'naya agressiya: glazami sudebnogo eksperta-psihologa. *Psihologiya i pravo*, 12 (3), 3–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301>
- Sedenkova, I. S. (2021). Gendernoe nasilie kak faktor narusheniya bezopasnosti lichnosti. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1. Psihologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki*, 4 (4 (13)), 62–68.
- Starkov, A. V. (1992). *Bytovye nasil'stvennye prestupleniya (prichinnost', gruppovaya profilaktika, nakanazanie)*: monografiya. Ryazan': Izdatel'stvo: "Ryazanskaya vysshaya shkola MVD RF".
- Ul'yanova, N. E. (2019). Manipulyaciya v otnoshenii zhertv prestuplenij i inyh pravonarushenij. *Viktimologiya*, 2 (20), 73–78.
- Cavanaugh, M. M., & Gelles, R. J. (2005). The Utility of Male Domestic Violence Offender Typologies: New Directions for Research, Policy, and Practice. *Journal of Interpersonal Violence*, 20 (2), 155–166. <https://doi.org/10.1177/0886260504268763>
- Coker, A. L., Smith, P. H., Bethea, L., King, M. R., & McKeown, R. E. (2000). Physical health consequences of physical and psychological intimate partner violence. *Archives of Family Medicine*, 9 (5), 451–457. <https://doi.org/10.1001/archfami.9.5.451>
- Dutton, D. G., & Kropp, P. R. (2000). A Review of Domestic Violence Risk Instruments. *Trauma, Violence, & Abuse*, 1 (2), 171–181. <https://doi.org/10.1177/1524838000001002004>
- Gondolf, E., & Fisher, E. (1991). *Wife battering. Case Studies in family violence*. In: R. T. Ammerman, M. Hersen (eds), *Case Studies in Family Violence*. New York, London: Plenum Press
- Nicholls, T. L., Pritchard, M. M., Reeves, K. A., & Hilterman, E. (2013). Risk Assessment in Intimate Partner Violence: A Systematic Review of Contemporary Approaches. *Partner Abuse*, 4 (1), 76–168. <https://doi.org/10.1891/1946-6560.4.1.76>
- Sullivan, T. P., McPartland, T. S., Armeli, S., Jaquier, V., & Tennen, H. (2012). Is it the exception or the rule? Daily co-occurrence of physical, sexual and psychological partner violence in a 90-day study of substance-using, community women. *Psychology of Violence*, 2 (2), 154–164. <https://doi.org/10.1037/a0027106>

Информация об авторе

Ирина Сергеевна Сабитова – эксперт-психолог Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

About the author

Irina S. Sabitova – expert-psychologist at the Research Centre for Forensic Expertise and Criministics, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.03.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted March 22, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-262-272

Constructing a Mental Health Support System for Law Enforcement Officers: An Exploration of the 'Three Circles, Three Layers' and 'Four Dimensions, Four Wholes' Frameworks

Yan Qing

Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Tao Ye

Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Abstract

With the development of a law-based society, the psychological pressure on law enforcement personnel has increased, making the construction of an effective psychological health support system of great significance. This paper, focusing on police officers as representatives, mainly discusses the development of psychological health services for police forces in various countries and the practices and explorations in the construction of psychological health services and support systems for the Chinese police force. Based on practical work in Shanghai, China, this paper proposes the construction of a "three circles, three layers" psychological health work framework centered on police officers, with police-community cooperation and family-team connectivity. It also introduces an integrated "four dimensions, four wholes" psychological health work system and model that includes psychological selection, psychological education, psychological service, and crisis intervention, aiming to provide a reference for the construction of psychological health support systems for law enforcement personnel.

Keywords

law enforcement mental health, psychological support systems, crisis intervention in policing, police psychological training

For citation: Yan Qing, Tao Ye (2024). Constructing a Mental Health Support System for Law Enforcement Officers: An Exploration of the 'Three Circles, Three Layers' and 'Four Dimensions, Four Wholes' Frameworks. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 262–272. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-262-272.

Оригинальная статья

Поддержание психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов. Разработка программ «Три круга – три уровня», «Четыре измерения – четыре целостные структуры»

Янь Цин

Шанхайское высшее училище полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики
(Шанхай, Китай)

Тао Е

Шанхайское высшее училище полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики
(Шанхай, Китай)

Аннотация

С развитием правового общества усилилось психологическое воздействие на сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим большое значение приобретает создание эффективной системы поддержания психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов. В данной статье, в фокусе внимания которой находятся сотрудники полиции, рассматривается развитие служб поддержания психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов разных стран, а также практический опыт и исследования в области создания таких служб для полиции Китая. Авторы статьи, на основании результатов практической работы в Шанхае (Китай), предлагают создать программу поддержки психологического здоровья «Три круга - три уровня» (“three circles, three layers”), ориентированную на сотрудников полиции и предполагающую взаимодействие полиции и граждан, а также взаимодействие в формате «семья – коллектив». Кроме того, в работе представлена интегрированная модель по поддержанию психологического здоровья «Четыре измерения - четыре целостные структуры» (“four dimensions, four wholes”), включающая психологический отбор, психологическое образование, психологическую службу и кризисную интервенцию. Цель данной модели – дать рекомендации для разработки методик по поддержанию психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова

психологическое здоровье сотрудников правоохранительных органов, модели психологической поддержки, кризисная интервенция в полиции, психологическая подготовка сотрудников полиции

Для цитирования: Янь Цин, Тао Е (2024). Поддержание психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов. Разработка программ «Три круга – три уровня», «Четыре измерения – четыре целостные структуры» *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 262–272. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-262-272.

Introduction

Law enforcement officers are subjected to a myriad of pressures stemming from their professional duties, work environment, and personal emotions. Given these challenges, the establishment of a comprehensive psychological support system is both crucial and imperative for their well-being.

1. The increasing psychological burden on law enforcement personnel necessitates the development of an effective mental health support system – a requirement propelled by the evolving demands of social progress.

1.1. The Complexity of Public Security Conditions and the Increasing Difficulty of Law Enforcement Work.

With societal advancement, the dynamics of public security and law enforcement have become increasingly intricate and unpredictable. This evolution poses significant challenges for law enforcement officers.

On the one hand, the rapid emergence of new crime forms such as cybercrime, financial fraud, and terrorism – characterized by their stealth and cross-border nature – complicates the investigative and enforcement efforts required. These crimes demand not only a robust legal framework but also a sophisticated understanding and innovative strategies from law enforcement agencies.

On the other hand, the increase in social conflicts and the heightened security demands of the public impose new requirements on the work of law enforcement officers. With rapid social development, the public's aspirations for a better life are growing, and so are their demands for safety. In addition to combating crime, law enforcement officers need to pay more attention to changes in social conflicts and the safety needs of the public, actively resolve these conflicts, and maintain social harmony and stability.

1.2. The Evolution of a Law-Based Society and Its Implications for Law Enforcement Personnel.

As the rule of law society gradually evolves and develops, the expectations and demands placed upon law enforcement officers by the public have become increasingly stringent and exacting. Law enforcement officers are no longer merely executors of the law; they have become guardians of justice, fairness, and transparency. Every decision they make and every action they take has a direct and profound impact on the public's faith in the rule of law and their trust in the societal framework.

On the one hand, the continual evolution and sophistication of criminal methodologies have posed significant challenges to the investigative and enforcement efforts of law enforcement personnel. In today's landscape, an array of emerging forms of crime, such as cybercrime, financial fraud, and terrorist attacks, proliferate at an alarming rate. These criminal activities often exhibit a high degree of concealment and transnational characteristics, presenting new challenges that test the capabilities of law enforcement officers in combating crime effectively.

On the other hand, the increase in societal conflicts and the escalating demands for public safety have introduced new requirements for the work of law enforcement personnel. As society progresses rapidly, the public's aspirations for a better quality of life are increasingly elevated, and correspondingly, their demands for security are also rising. Beyond their primary role of combating crime, law enforcement officers must now pay greater attention to the shifts in social conflicts and the safety needs of the community. They are tasked with actively resolving these conflicts and upholding social harmony and stability, thereby ensuring a safe and secure environment for all.

1.3. The Dual Role of Enforcement and Service: Increasing Psychological Challenges for Law Enforcement Personnel.

As society continues to evolve and develop, the roles and responsibilities shouldered by law enforcement agencies are also undergoing a gradual transformation. These departments are tasked not only with combating crime but also with placing a significant emphasis on serving the public and maintaining social stability. This shift in functional responsibilities undoubtedly represents

a substantial psychological challenge for law enforcement personnel. The adaptation to these expanding duties requires a multifaceted approach that balances stringent law enforcement with compassionate community service, all while ensuring the overarching goal of societal harmony and security.

Firstly, law enforcement officers, when engaging in crime-fighting activities, typically adopt a tough and stringent demeanor towards suspects involved in criminal activities. However, under the additional role of serving the public, these officers are required to adopt a more gentle and patient approach in their interactions with the community. They must engage in meaningful communication with the public to understand their needs and concerns and assist them in resolving their issues. This transition in attitude necessitates significant psychological effort from law enforcement personnel. It demands that they continuously adjust their mindset and manage their emotions to effectively bridge the gap between being stern law enforcers and compassionate public servants. This dual role challenges them to balance authoritativeness with empathy, ensuring they fulfill their duties while fostering trust and cooperation within the community.

Furthermore, when executing their crime-fighting duties, law enforcement officers typically operate in a solitary and closed manner. They are required to make swift decisions and take immediate actions within a limited timeframe to uphold societal safety and stability. However, under the role of serving the public, these officers need to place a greater emphasis on interaction and collaboration with the community. They must adopt a more open and inclusive approach to accepting the opinions and suggestions of the public. This shift towards cooperative and interactive engagement demands law enforcement personnel to possess a higher level of psychological resilience and coping capabilities. It challenges them to balance the urgency of law enforcement with the thoughtful consideration of community input, fostering a more integrated and trustful relationship between the public and the police.

Finally, when executing their crime-fighting functions, law enforcement officers typically rely on their professional knowledge and experience to make decisions and judgments. However, in their role of serving the public, these officers must focus more on communication and interaction with the community. They need to understand the cognitive differences and specific needs of various groups in order to gain their understanding and support. This requires law enforcement personnel to not only possess the ability to adjust their own psychological state but also to have the capacity to employ psychological knowledge in their work and in their communications with the public. This dual necessity underscores the importance of empathy, active listening, and the ability to adapt communication strategies to diverse audiences, all of which are essential for building trust and fostering cooperative relationships between law enforcement and the community they serve.

To sum up, the development of modern society demands that law enforcement officers continually adjust their attitudes and emotions, enhance their psychological resilience and coping capabilities, in order to better adapt to new requirements and provide higher quality services to the public. Law enforcement agencies need to establish effective psychological support systems to help officers better handle these psychological challenges. Such support systems are crucial for enabling them to perform their duties more effectively and maintain the stability and safety of society. This comprehensive approach not only aids in the personal well-being of the officers but also reinforces their capacity to act as both enforcers of the law and compassionate community servants, thus fostering a more harmonious and secure environment for all citizens.

2. The Practice and Development of Mental Health Support Systems for Police and Law Enforcement Personnel.

2.1. Global Developments in Police Mental Health Services.

As society progresses and the pressures of police work intensify, the issue of mental health within the police force has increasingly come to the forefront, becoming a significant factor that influences

both the efficiency of police work and the stability of the force. Consequently, countries around the world have been taking measures to enhance the mental health services and support systems for police officers. These initiatives are aimed at addressing the psychological needs of law enforcement personnel, recognizing that their well-being is crucial not only for their personal health but also for the effective functioning and operational success of the police services. This global trend underscores the importance of integrating psychological care into the framework of law enforcement to ensure that officers are supported in managing the unique challenges and stresses of their roles.

In the United States, police mental health services have received widespread attention and support. Police departments have established specialized psychological counseling institutions that provide officers with psychological assessments, counseling, and therapy services. In addition, U.S. police departments also emphasize training and awareness campaigns regarding mental health, aiming to enhance officers' understanding of mental health issues and their ability to cope with them. These measures have effectively alleviated the work-related stress experienced by police officers and have improved their psychological well-being.

In Europe, several countries are also actively promoting the development of mental health services for police officers. For instance, in the United Kingdom, police departments have established mental health support groups that provide psychological support and counseling services to officers. These groups serve as a crucial resource, offering interventions and ongoing support tailored to the unique stresses faced by law enforcement personnel. In Germany, police departments place a strong emphasis on the training and prevention of mental health issues among officers. This is achieved through organizing mental health seminars and providing psychological assessments. Such initiatives help officers to promptly identify and address psychological issues, fostering a proactive approach to mental health that prioritizes early intervention and ongoing mental wellness.

In Asia, the awareness and development of police mental health services are also on the rise. The Japanese police department, for example, has established mental health guidance centers that provide psychological assessments, counseling, and treatment services. There is also a significant push towards improving mental health awareness among officers through education and publicity.

In conclusion, the global trend towards enhancing mental health services within national police forces is a positive and necessary development. By strengthening these services, we can improve the mental well-being of police officers, reduce work-related stress, enhance operational efficiency, and contribute more effectively to social harmony and stability.

2.2. Practice and Exploration of Mental Health Services for Chinese Police Officers.

As Chinese society rapidly develops and the public security environment continues to evolve, the work-related stress and psychological burdens borne by police officers are progressively increasing. In order to provide better care and support for the mental health of these officers, Chinese law enforcement agencies and relevant departments are actively involved in the practical implementation and exploration of mental health services. They are diligently working to establish a mental health service system for police officers that is well-suited to the specific conditions and circumstances of China.

One crucial approach is the establishment and refinement of a mental health service mechanism. The Chinese police force places a high priority on the mental health of its officers, strengthening the standardization and guidance of mental health services at the institutional level. In 2003, the Ministry of Public Security of China incorporated police mental health work as an essential part of the regularization and development of its forces in official documents. This led to the creation of the National Public Security Officers' Mental Health Service Center, and the establishment of a master's program focusing on police psychology at the People's Public Security University of China. Subsequently, provincial-level public security organs across the nation established their own local

mental health service centers, staffed with professional psychological counselors and personnel. These centers organize psychological assessments, conduct psychological education, and provide counseling services. Additionally, comprehensive mental health records are maintained, regular mental health screenings are conducted, and prompt identification and resolution of police officers' psychological issues are ensured. These measures aim to support the mental well-being of officers, facilitating their ability to cope with the demands of their roles effectively.

The second approach involves enhancing mental health training and awareness campaigns. To improve police officers' awareness of mental health care and their self-regulation abilities, Chinese law enforcement actively conducts mental health training and promotional activities. By offering psychological courses, organizing specialized lectures, and conducting psychological training exercises, these initiatives help police officers gain knowledge about mental health and acquire skills for psychological adjustment. Additionally, awareness of mental health is further promoted through the creation of informational bulletin boards, distribution of educational materials, and the execution of online campaigns. These efforts aim to disseminate knowledge about mental health more broadly and increase police officers' awareness and appreciation of their own mental health issues, thereby fostering a more supportive environment for their psychological well-being.

The third approach is the exploration of new models for mental health services. In order to better meet the psychological health needs of police officers, Chinese law enforcement continuously explores new models of mental health services. For example, the establishment of a psychological crisis intervention mechanism allows for timely and professional intervention and treatment for officers experiencing significant psychological crises. Furthermore, the expansion of channels and methods for mental health services promotes the integration of these services with societal resources, providing professional mental health services to address the psychological issues of police officers. Additionally, the development of remote psychological counseling services, including internet-based online counseling and telephone consultations, offers convenient and efficient psychological support to officers. These innovative approaches are designed to enhance accessibility and effectiveness of mental health care for police officers, ensuring they receive the necessary support in a timely and flexible manner.

3. Exploration of Psychological Services Practices in Shanghai Public Security Organs: Building a Mental Health Support System with "Three Circles, Three Layers" and "Four Dimensions, Four Wholes".

Over the past 20 years, China has made significant progress in the field of police mental health services, achieving nationwide coverage of psychological services for law enforcement officers. However, there are still several challenges and issues that need to be addressed. These include how public security organs can integrate various resources to provide more timely and effective mental health services to police officers, how to seamlessly integrate different aspects of mental health services, and how to shift the focus from reacting to psychological issues to preventing them.

In 2006, the Shanghai Police, leveraging the resources of the Shanghai Police College, established the Shanghai Police Mental Health Service Center (also known as the Shanghai Experimental Center for National Public Security Officers' Psychological Training and the Psychological Service Center of the General Education Department at Shanghai Police College). This initiative has gradually explored and established a comprehensive psychological support system. This system includes a "three circles, three layers" model that fosters collaboration between the police force, the community, and families, as well as a "four-dimensional, four fulls" model that encompasses psychological selection, education, services, and crisis intervention. This integrated approach aims to provide a multi-layered and thorough support network for the psychological well-being of police officers, enhancing their ability to effectively handle the stresses associated with their duties.

3.1. Establishing a "Three Circles, Three Layers" Psychological Health Framework Centered on Individual Police Officers, Emphasizing Police-Community Collaboration and Family-Team Connectivity.

In this framework, the police officer stands at the core, around which the support for their psychological health is structured into three concentric circles of objectives and three operational layers.

3.1.1. The Police Psychological Health Support System is Structured into Three Concentric Circles Centered Around the Objectives.

The police psychological health service forms the first and core layer of the police psychological health support system. Given the considerable work-related stress and the complexity of their working environments, the services provided within this innermost circle are primarily focused on addressing the psychological health of police officers. This is achieved through a structured approach that includes regular psychological evaluations, counseling sessions, and psychological training programs – all designed to assist police officers in maintaining a robust and healthy mental state amidst the rigors of their duties.

The construction of a social support system constitutes the second circle of the police psychological health support system. The psychological well-being of police officers is not only linked to their personal circumstances but also deeply intertwined with their family and social interactions. The services offered in this middle circle mainly concentrate on the familial and social relationships of the officers. By establishing linkage mechanisms between the families and the police organization, and by providing family counseling and social skills training, these efforts aim to foster harmonious family and social environments for the officers. This, in turn, significantly contributes to the preservation and enhancement of their mental health.

The third circle pertains to the societal environment in which police officers operate. This societal context significantly influences the psychological health of police officers, affected by factors such as public expectations and media coverage. Services in this outer circle primarily focus on how the societal environment impacts the psychological health of police officers. By developing public relations for the police and strengthening communication and cooperation between the police force and various sectors of society, these initiatives aim to enhance public understanding and support for police officers. Ultimately, these efforts are instrumental in maintaining and promoting the psychological well-being of police officers by fostering a supportive societal atmosphere.

3.1.2. The Police Psychological Health Support System is Structured Around Functions into Strategic, Professional, and Foundational Layers.

The Shanghai Police have established a three-tier psychological health service system at three levels, specifically at the Shanghai Municipal Public Security Bureau, the various district public security bureaus throughout Shanghai, and the grassroots units and teams.

The strategic layer primarily denotes the establishment of the Shanghai Police Officer Psychological Health Service Center, which is orchestrated at the level of the Shanghai Municipal Bureau of Public Security. This center is strategically positioned within the Shanghai Police College and operates by formulating comprehensive psychological health strategies, establishing a robust psychological health services system, developing educational programs in psychology, and providing guidance to various affiliated centers on their operational endeavors. These measures collectively ensure a thorough provision of psychological health support for the police officers in Shanghai. Presently, the center employs ten full-time psychology instructors and staff members, each of whom possesses either a specialized academic background in psychology or a certification as a National Second-Level Psychological Counselor, thereby underscoring their profound qualifications essential for addressing the intricate psychological needs of the police personnel.

The professional layer primarily involves the establishment of psychological health service sub-centers within various district public security bureaus. These sub-centers aim to integrate societal resources to provide more in-depth psychological consultations and therapy services, specifically tailored to address serious psychological issues that police officers might encounter, offering professional solutions. Typically, each psychological health service sub-center is staffed by one full-time mental health professional who is required to possess qualifications as a psychological counselor. Additionally, the district public security bureaus adopt flexible approaches, such as Employee Assistance Programs (EAP) and other methodologies, collaborating with professional psychological institutions and universities to provide specialized psychological services to police officers. This collaborative effort ensures that the psychological support is both comprehensive and accessible, tailored to meet the specific needs of the officers within their respective jurisdictions.

The foundational layer is established at the grassroots units and teams, where its primary functions are to identify psychological issues, provide psychological assessments, and offer basic counseling services. This layer plays a crucial role in assisting police officers in understanding their own psychological health status and, under the guidance of the professional layer, resolving common psychological problems. The main workforce in this layer consists of internal police staff who, after undergoing training and obtaining certain qualifications as psychological counselors, carry out these responsibilities on a part-time basis. This arrangement ensures that psychological support is deeply embedded within the daily operations of the police force, facilitating immediate and accessible care for officers in need of psychological assistance.

In summary, the "Three Circles, Three Layers" psychological health service framework centered on police officers not only focuses on the officers' own mental well-being but also takes into consideration the impact of their familial and social environments, as well as the broader societal context. This framework provides comprehensive and multi-level support for the psychological health of police officers. Such a structure not only helps in enhancing the mental health levels of the police but also contributes to improving their work efficiency and quality of life. Consequently, this enables them to serve the public more effectively.

3.2. With the aim of delivering comprehensive mental health support, the "four dimensions and four wholes" system has been developed, encompassing psychological selection, psychological education, psychological service, and crisis intervention.

The integrated and comprehensive psychological health work system, which encompasses psychological selection, psychological education, psychological services, and crisis intervention, is designed with the purpose of enhancing the mental resilience and coping capabilities of law enforcement personnel through the synergistic effects of these four dimensions. This system aims to thoroughly elevate the psychological readiness of the officers, enabling them to better adapt to the complex and ever-changing social environments and work scenarios they encounter.

3.2.1. "Whole coverage" psychological selection.

As the starting point of the entire police recruitment process, its importance is self-evident. Since 2007, the Ministry of Public Security of China has established a unified police recruitment psychological test, achieving "whole coverage" of psychological selection for police officers. This initiative has undoubtedly enhanced the overall psychological quality and combat effectiveness of the police force. Through scientific and standardized psychological tests, we are able to filter and identify law enforcement personnel who possess healthy psychological conditions, laying a solid foundation for subsequent training and real-world operations. Additionally, the psychological conditions of law enforcement personnel in special positions are regularly assessed and screened. For instance, the Shanghai police have in recent years routinely conducted psychological evaluations for armed officers, providing necessary psychological support and also serving as a reference for the management of the police force.

3.2.2. "Whole career" psychological education.

Psychological education is a crucial element in enhancing the psychological quality and the efficacy of psychological health support for law enforcement personnel. To meet the varied needs of different police types and positions at different stages of their careers, a comprehensive matrix of police psychological education courses has been established. These courses are designed to help police officers develop correct psychological concepts, enhance self-awareness and emotional management skills, improve their ability to handle psychological stress in law enforcement scenarios, and increase their capacity to deal with setbacks and stress throughout their careers. The content of these courses primarily includes self-awareness, stress training, interpersonal communication training, and psychological adjustment skills training. From the perspective of career development, the curriculum is divided into two main stages: pre-employment and post-employment. Pre-employment focuses on preparing for the psychological aspects of the profession, with courses such as "Psychological Health and Career Planning for Students in Police Colleges" and "Psychological Preparation for Police Careers." Post-employment education focuses on work adaptation and professional development, including courses like "Young Police Officers' Psychological Stress Adjustment," "Stress Management for Leadership," and "Training for Grassroots Psychological Health Workers." These courses emphasize practical application, serving both the development of police careers and the needs of frontline law enforcement work. In addition to systematic classroom teaching, these educational contents are also delivered through flexible formats such as special lectures, on-site physical and mental relaxation training, online micro-courses, and new media outreach.

3.2.3. "Whole day" psychological services.

Traditional psychological services often face constraints related to time, location, and resources. However, for law enforcement personnel, our goal is to offer around-the-clock support, enabling officers to access more humane, personalized, and timely professional help and services whenever and wherever needed. On one hand, we have established a comprehensive service channel that includes face-to-face counseling, online consultations, telephone consultations, and AI-driven interactive consultations. There is a complete system for appointment scheduling, assessments, and referrals. Additionally, an online consultation platform and a 24-hour telephone hotline have been launched to ensure that police officers can proactively access services at any time of the day. On the other hand, the psychological health service center sets up periodic psychological assessments and proactively intervenes based on the results of these assessments. This allows for the provision of individual psychological services or group psychological training tailored to the needs of the police.

3.2.4. "Whole process" crisis intervention.

When law enforcement officers face severe psychological crises, timely crisis intervention can effectively prevent the further deterioration of psychological issues and protect the mental health of the officers. The efficacy of crisis intervention is influenced by several factors: the level of trust between the work team and the law enforcement officer, the accurate expression of the officer's crisis situation, the emotional support perceived by the officer in crisis, strategies that align with the true state of law enforcement, and regular follow-ups and assessments. On one hand, we have devised a crisis intervention work plan that, relying on the three-tier psychological health framework, moves the psychological warning system forward. This enables the early identification of potential psychological crises and the rapid activation of intervention mechanisms. Furthermore, the conclusion of crisis intervention does not signify the cessation of support for the law enforcement officer. Rather, it should be seen as a continuous process that transitions from managing the acute phase of the psychological crisis to entering the realm of psychological services, with regular follow-ups and assessments to ensure the officer's mental health continues to receive ongoing attention and care. Through this approach, crisis intervention not only addresses the immediate crisis but also promotes the long-term psychological

health development of the law enforcement officers. On the other hand, we place significant emphasis on psychological support for critical tasks, actively preventing and managing psychological crises at the frontline. For instance, during the annual China International Import Expo psychological health workers went to the frontline to provide police officers with psychological counseling and relaxation training, enhancing their psychological resilience.

Conclusion

In future endeavors, we attempt to promote and apply this model, providing comprehensive and professional psychological health support to a broader range of law enforcement personnel.

References

- Chen, Y. P., Ding, J. Y., & Peng, L. (2014). A Brief Discussion on the Current State of Research on Police Work Stress Domestically and Internationally. *Gong An Jiao Yu*, 10, 24–28.
- Dong, H. R., & Wang, S. H. (2023). Construction of Psychological Crisis Intervention Models for Police Officers During Major Public Emergencies. *Journal of Chifeng University (Natural Science Edition)*, 39 (1), 51–55. <https://doi.org/10.13398/j.cnki.issn1673-260x.2023.01.013>
- Hubbeling, D., & Bertram, R. (2012). Crisis resolution teams in the UK and elsewhere. *Journal of Mental Health*, 21. <https://doi.org/10.3109/09638237.2011.637999>
- Li, Y. Q., Ren, Z. H., & Jiang, G. R. (2016). Meta-analysis on the mental health of the Chinese policemen of public security organization. *Advances in Psychological Science*, 24 (5), 692–706.
- Ma, J. C., Zhang, H., & He, Y. T. (2023). Construction of Pre-Combat Psychological Training Courses for Police Officers: Challenges, Positioning, and Prospects. *The Journal of Yunnan Police College*, 3, 86–92.
- Shi, G. N., Zhou, F. Z., Wang, Y. F., & Qin, D. Z. (2016). The Impact of Psychological Intervention on the Mental Health and Quality of Life of Prison Police Officers. *Guangxi Medical Journal*, 38 (3), 419–420, 423.
- Stogner, J., Miller, B. L., & McLean, K. (2020). Police Stress, Mental Health, and Resiliency during the COVID-19 Pandemic. *American Journal of Criminal Justice*, 45 (4), 718–730. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09548-y>
- Tang, F. R., Li, O., & Zhang, J. J. (2022). Construction of a Psychological Crisis Intervention System for Police Officers During Major Epidemics: Based on the CISM Model. *Journal of Zhejiang Police College*, 2, 103–108.
- Watson, A. C., & Fulambarker, A. J. (2013). The Crisis Intervention Team model of police response to mental health crises: A primer for mental health practitioners. *Best Pract Ment Health*, 8.
- Yuan, XiaoShan. (2024). Research Progress and Analysis of Police Mental Health in China. *Journal of People's Police University*, 40 (3), 19–24.

Информация об авторах:

Янь Цин – сотрудник Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики.

Тао Е – сотрудник Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики.

About the authors:

Yan Qing – Employee of the Shanghai Police College of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, Shanghai.

Tao Ye – Employee of the Shanghai Police College of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, Shanghai.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.04.2024

Одобрена после рецензирования 29.06.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted April 27, 2024

Approved after reviewing June 29, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-273-286

Чему учить участковых уполномоченных полиции, занимающихся административным надзором?

Александр Сергеевич Шевляков

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

aleksandrshvliakov@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-2361-1222

Аннотация

Введение. В Российской Федерации рецидив преступлений является серьезной проблемой еще и потому, что более половины всех преступлений совершаются рецидивистами, в том числе и лицами, в отношении которых установлен административный надзор. Анализ законодательства и практики профилактического воздействия определил проблемы адаптации поднадзорных лиц и недостатки в деятельности субъектов системы предупреждения рецидивной преступности – участковых уполномоченных полиции. В статье рассматривается одно из возможных решений проблемы – совершенствование подготовки участковых к индивидуальной профилактической работе с поднадзорными лицами. Целью исследования является определение содержания индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор. **Методы и методики исследования.** Методология педагогической науки применяется для изучения представлений специалистов и обучающихся о сущности индивидуальной профилактической работы, знаниях, умениях и навыках, необходимых для ее осуществления. В качестве методов исследования были использованы опросник и анализ полученных данных. Экспертам было предложено ответить на вопросы, касающиеся их опыта и подходов к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с целью выявления общих тенденций и особенностей. Выборка: 10 экспертов – действующих сотрудников органов внутренних дел, замещающих должности участковых уполномоченных полиции и проходящих службу в пяти регионах Российской Федерации; 88 курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России и Краснодарского университета МВД России. Эмпирическое исследование нацелено на определение содержания индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, путем опроса экспертов – действующих сотрудников органов внутренних дел, замещающих должности участковых уполномоченных полиции и проходящих службу в пяти регионах Российской Федерации. **Результаты исследования.** Анализ результатов исследования показывает, что для повышения эффективности индивидуальной профилактической работы необходимо совершенствовать содержание подготовки участковых уполномоченных полиции. Участковый должен понимать социальные и психологические закономерности криминализации поднадзорных лиц, уметь оценивать факторы риска рецидивного поведения и выстраивать систему мер воспитательного противодействия. Данный аспект работы будущих участковых уполномоченных полиции недостаточно представлен в содержании профессиональной подготовки в образовательных организациях высшего образования МВД России.

Ключевые слова

профессиональная подготовка, индивидуальная профилактическая работа, дополнительное профессиональное образование, административный надзор, компетенция

Для цитирования: Шевляков, А. С. (2024). Чему учить участковых уполномоченных полиции, занимающихся административным надзором? *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 273–286. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-273-286.

Original paper

What to teach divisional police officers responsible for administrative supervision?

Alexander S. Shevlyakov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

aleksandrshvliakov@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-2361-1222**Abstract**

Introduction. In the Russian Federation, recidivism is a serious problem, especially due to the fact that more than half of all crimes are committed by repeat offenders, including persons under administrative supervision. The analysis of legislation and practice of preventive impact identified the problems of adaptation of supervised persons and shortcomings in the activities of the subjects of the system of prevention of recidivist crime – divisional police officers. The article deals with one of the possible solutions of the problem – improving the training of divisional police officers for individual preventive work with supervised persons. **The purpose of the research** is to determine the content of individual preventive work of divisional police officers with persons under administrative supervision. *Research methods and techniques:* the methodology of pedagogical science is used to study the perceptions of specialists and trainees on the nature of individual prevention work, knowledge, skills and abilities necessary for its implementation. A questionnaire and analysis of the obtained data were used as research methods. The experts were asked to answer questions regarding their experience and approaches to individual preventive work with persons under administrative supervision. The obtained data were analysed statistically in order to identify general tendencies and peculiarities. The sample: 10 experts – current employees of internal affairs bodies, occupying the posts of divisional police officers and serving in 5 regions of the Russian Federation; 88 cadets of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The empirical research is aimed at determining the content of individual preventive work of divisional police officers with persons under administrative supervision by interviewing experts – current employees of internal affairs bodies, occupying the posts of divisional police officers and serving in 5 regions of the Russian Federation. **Results of the research.** The analysis of the research results demonstrates that in order to increase the effectiveness of individual preventive work it is necessary to improve the content of training of divisional police officers. The police officer should understand the social and psychological patterns of criminalisation of supervised persons, be able to assess the risk factors of recidivism and build a system of educational measures. This aspect of the work of future divisional police officers is not sufficiently represented in the content of professional training in institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords

professional training, individual preventive work, additional professional education, administrative supervision, competence

For citation: Shevlyakov, A. S. (2024). What to teach divisional police officers responsible for administrative supervision? *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 273–286. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-273-286.

Введение

В связи с развитием действующего законодательства в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации не теряют своей актуальности вопросы административного надзора, который осуществляют органы внутренних дел в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы¹. В России рецидив преступлений является серьезной проблемой, так как более половины всех преступлений совершаются рецидивистами, в том числе и лицами, в отношении которых установлен административный надзор (далее – поднадзорные лица).

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»² определяет порядок работы субъектов профилактики правонарушений, включая федеральные органы исполнительной власти, в т. ч. органы внутренних дел России. Закон предусматривает различные виды профилактики правонарушений, такие как общая и индивидуальная, и устанавливает организационные основы и формы профилактики.

Согласно ст. 17 указанного закона, профилактическое воздействие может осуществляться в следующих формах: правовое просвещение и информирование; профилактические беседы; вынесение официального предостережения о недопустимости противоправного поведения; профилактический учет; внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих правонарушениям; профилактический надзор; социальная адаптация и реабилитация; ресоциализация и оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или находящимся в группе риска (Яковлева, 2018).

Одной из проблем, определенных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года³, является то, что люди, освободившиеся из мест лишения свободы, в т. ч. и те, в отношении которых судом установлены ограничения, не адаптированы к жизни в обществе. Отсутствие системы постпенитенциарной probation приводит к потере социальных связей, жилья и средств к существованию, а также к неостребованности профессиональных навыков, что способствует увеличению рецидива преступлений. J. Khokhar с соавторами, изучавший различия в оценках лиц, отбывавших наказание, связанное с лишением свободы без применения института probation, и лиц, подвергавшихся ей, схожим образом характеризуют проблемы пенитенциарной системы Пакистана (Khokhar et al., 2019).

В отношении лиц, за которыми судом установлен административный надзор, исполнительная и постпенитенциарная probation применяется с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»⁴.

¹ Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (2011). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/

² Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2016). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 27.05.2023) (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/

⁴ Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/

А. С. Душкин справедливо отмечает, что в рамках постпенитенциарной пробации важно проводить своевременную диагностику интересов и жизненных планов лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений (Душкин, 2024).

Практика зарубежных стран в области пробации показывает разнообразие подходов к рассмотрению данной проблемы.

Как условно-досрочное, так и пробационное наблюдение являются формами обращения с правонарушителями на уровне общины. Пробация – это назначенная судом мера, которая ставит правонарушителя или несовершеннолетнего правонарушителя под надзор и помощь службы пробации, позволяя ему оставаться в обществе или реинтегрироваться в общество (Душкин, Клишков, Нериков, 2023).

Современная служба пробации в Англии и Уэльсе попала под более пристальный политический и организационный контроль со стороны Министерства внутренних дел, став более централизованной организацией (Национальная служба пробации была открыта в 2001 году) и начала применять более систематизированные подходы под влиянием движения «*Что работает*». В нем с академической строгостью были изучены эффективные способы работы с теми, кто находится под надзором, с целью снижения уровня рецидивов, содействия воздержанию и лучшей реинтеграции (Guilfoyle, 2013).

Пробация в США децентрализована, и это приводит к сильно фрагментированной системе. Во многих штатах США, например, в Аризоне, Джорджии и Иллинойсе, лица, находящиеся под надзором пробации и условно-досрочного освобождения, должны платить за надзор. В докладе Хьюман Райтс Вотч за 2014 г. отмечается, что в некоторых районах сотрудники службы пробации действуют как «*злоупотребляющие коллекторы*», навязывая бизнес-модель частного сектора, основанную на условном осуждении, финансируемом правонарушителями⁵.

Результаты онлайн-опроса, проведенного среди сотрудников пенитенциарных учреждений ряда европейских стран, свидетельствуют о том, что обучение и профессиональное развитие оказывают положительное влияние на мотивацию сотрудников пенитенциарных учреждений продолжать свою карьеру. Респонденты, которые положительно отзывались о полученном обучении, также демонстрировали положительное отношение к другим аспектам своей работы. Это свидетельствует о тесной связи между подготовкой, мотивацией и общей удовлетворенностью работой среди сотрудников пенитенциарных учреждений⁶.

Согласно структурно-функциональному подходу, адаптация поднадзорных лиц направлена на восстановление их функционирования путем внесения социально-структурных изменений. Последствия уголовного наказания снижают возможности этой категории лиц в достижении желаемого уровня жизни и удовлетворении потребностей, что усиливает их маргинализацию. Проблемы с трудоустройством, в т. ч. связанные с ограничениями в доступе к определенным видам деятельности, являются следствием этого. Кроме того, пребывание в исправительных учреждениях приводит к нарушению социальных связей, разрыву семейных связей и дружеских отношений, что влечет за собой ряд негативных последствий. Количество лиц, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактическая работа, следует признать значительным. Так, в 2023 г. ей подвергся 114 221 человек, состоящий под административным надзором (Злоказов, 2023).

⁵ Feilzer, M., & Deering, J. (July 16, 2015). Fears for offender rehabilitation as Britain embraces US-style probation. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/fears-for-offender-rehabilitation-as-britain-embraces-us-style-probation-42726> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Prison officers: research reveals link between professional development and enhanced rehabilitation outcomes (July 14, 2023). *Innovative Criminal Justice Solutions Inc.* URL: <http://www.nir.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 03.06.2023).

В Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁷ основным субъектом профилактики законодатель определяет органы исполнительной власти. В приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»⁸ на первом месте среди служб, осуществляющих мероприятия по профилактике преступлений и правонарушений, в т. ч. и по количеству обязанностей, указана служба участковых уполномоченных полиции (далее – участковые). Поэтому особое внимание в службе участковых уделено индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, как с категорией лиц, являющейся наиболее криминогенной, несущей риски для общественной безопасности.

Проанализировав статистические сведения ГИАЦ МВД России о привлечении лиц, состоящих под административным надзором, к уголовной и административной ответственности с момента вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», необходимо отметить устойчивую тенденцию роста количества преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором⁹. В то же время непосредственный период после освобождения является наиболее критичным в отношении возникновения рецидива (Абуталипов, 2019; Сорока, 2021; Хван, 2020). Количество лиц, состоящих под административным надзором, привлеченных к уголовной ответственности с 2662 в 2012 году увеличилось до 28311 в 2023 году. Представленная информация указывает на недостатки в деятельности всех субъектов системы предупреждения рецидивной преступности, а также отражает недостаточный уровень профессиональной подготовленности участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор (Абатуров, 2023).

Предметное поле индивидуальной профилактической работы представлено в разных научных областях. В частности, вопросы профилактики в деятельности участковых уполномоченных полиции рассматривались С. А. Ваховым (профилактические функции участкового), А. Р. Косиковским (педагогическая направленность профилактической деятельности), В. Н. Прокопенко (правовые и организационные основы профилактической деятельности), О. В. Филимоновым (индивидуальная профилактика преступлений).

По мнению А. И. Щеглова, индивидуальная профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции – это систематическая деятельность, непосредственно направленная на отдельные категории лиц, состоящих на профучете, в отношении которых имеются достаточные данные о наличии предрасположенности к совершению в будущем противоправных деяний, с целью предупреждения, пресечения административных правонарушений и преступлений¹⁰.

⁷ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2016). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/

⁸ Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 29.09.2022) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (2006). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456395/

⁹ Состояние преступности в Российской Федерации за 2012 – 2023 годы (2024). *Официальный сайт МВД РФ*. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁰ Щеглов, А. И. (2021). *Система профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений, как форма профилактического воздействия в деятельности участкового уполномоченного полиции: учебно-методическое пособие*. Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В. И. Хальзов, А. Г. Ермаков, анализируя подготовку участковых уполномоченных полиции в образовательных организациях МВД России к профилактической работе с населением, определяют индивидуальную профилактическую работу как оказание упреждающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений и административных правонарушений, постановку этих лиц на профилактический учет по имеющимся на то основаниям, изолирование их от микросреды, оказывающей негативное влияние. В их представлении сущность процесса заключается в переориентации пресечения противоправных действий (вмешательства в момент их совершения) на профилактику этих действий (Хальзов, Ермаков, 2018).

Авторы, исследовавшие понятие индивидуальной профилактической работы, сходятся во мнении что ее суть заключается в профилактике рецидива преступлений и правонарушений, и отдают предпочтение контрольно-надзорной функции, забывая об индивидуально-психологических характеристиках личности поднадзорного лица и особенностях взаимоотношений в его окружении, в семье, на работе и т. д.

Законодатель же в нормативных правовых актах не закрепляет понятие «индивидуальная профилактическая работа».

Следует отметить, что в ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ приведен перечень форм профилактического воздействия¹¹:

- правовое просвещение и правовое информирование;
- профилактическая беседа;
- объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- профилактический учет;
- внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- профилактический надзор;
- социальная адаптация;
- ресоциализация;
- социальная реабилитация;
- помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Профессиональная подготовка участковых уполномоченных полиции осуществляется в образовательных организациях высшего образования МВД России. Ее содержание должно учитывать современные требования к их деятельности, в т. ч. в области проведения индивидуальной профилактической работы с населением (Мироненкова, 2021).

Подводя итоги анализа теоретических подходов и нормативных правовых актов для осуществления индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции, сделаем ряд выводов.

Во-первых, при высокой общественной значимости осуществления индивидуальной профилактической работы и наличии необходимых правовых условий ее проведения законодатель не определил ее содержание. Во-вторых, поскольку подготовка кадров для подразделений участковых уполномоченных полиции осуществляется не только в образовательных организациях, подведомственных МВД России, но и иными федеральными органами исполнительной власти, следует ставить вопрос о ее унификации. Решение этой задачи позволит создать единое пространство методических требований к подготовке участковых уполномоченных

¹¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2016). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/

полиции, что, как нам представляется, положительно скажется на качестве выполняемой ими профилактической работы.

В связи с этим считаем целесообразным проведение эмпирического исследования представлений участковых уполномоченных полиции и обучающихся о знаниях, умениях, навыках, необходимых для эффективного осуществления индивидуальной профилактической работы.

Эмпирическое исследование и интерпретация его результатов

Цель: определить содержание индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор.

Задачи:

- выявить и охарактеризовать представления участковых уполномоченных полиции о сущности административного надзора;
- изучить представления обучающихся о сущности административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Метод и методика: использование опросника и анализ полученных данных. Интервьюирование экспертов на предмет их опыта и подходов к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор.

Выборка соответствует задачам исследования и включает две подгруппы:

- участковые уполномоченные полиции – 10 человек. Критериями отбора опрашиваемых были стаж в должности участкового уполномоченного полиции (не менее 5 лет), гетерогенность по полу (6 мужчин, 4 женщины) и наличие высшего образования;
- обучающиеся Санкт-Петербургского университета МВД России и Краснодарского университета МВД России, прошедшие производственную практику в территориальных органах МВД России на районном уровне, в количестве 88 человек.

Результаты и их интерпретация

Результаты исследования описываются нами последовательно, в соответствии с его задачами.

Задача 1. Выявить и охарактеризовать представления участковых уполномоченных полиции о сущности административного надзора.

Решение задачи осуществлялось опросом сотрудников органов внутренних дел, замещающих должности участковых уполномоченных полиции и проходящих службу в пяти регионах Российской Федерации (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Кемеровская область, Курская область, Курганская область).

В результате опроса было установлено, что 50 % опрошенных индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, обучались самостоятельно. Как правило, это происходило на первых этапах деятельности. Также было установлено, что участковые уполномоченные полиции, осуществляющие административный надзор, не повышали квалификацию по этому направлению деятельности.

Отвечая на вопрос «...для чего нужен административный надзор?», 80 % опрошенных отмечали контрольно-надзорную функцию участкового уполномоченного. Она заключается в наблюдении за поднадзорными лицами и составлении отчетных документов о соблюдении ограничений, установленных судом. Вне внимания осталась сущность профилактической работы в ее воспитательном значении.

При оценке значимости функций, предписанных участковым уполномоченным полиции приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», опрошенные сотрудни-

ки дали согласующиеся между собой оценки. 80 % опрошенных ключевой считают функцию «наблюдения за поднадзорными лицами, ... соблюдения ими установленных судом административных ограничений и выполнения...обязанностей, возможности совершения ими преступлений и иных правонарушений...».

Следует отметить, что функция «*проводят с поднадзорными лицами индивидуальную профилактическую работу...*», которая непосредственно отражает деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений и преступлений, не является значимой для опрошенных.

Результат опроса показал, что участковые уполномоченные полиции выполняют обязанности по осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, в режиме острой нехватки служебного времени из-за высокой загруженности по дополнительным административным участкам, что приводит к использованию личного времени для выполнения обязанностей в полном объеме. Таким образом, индивидуальная профилактическая работа в представлении участковых уполномоченных полиции, во-первых, фокусируется на контрольно-надзорных функциях и исключает оказание воспитательного (по своей сущности) воздействия на поднадзорных лиц, во-вторых, является трудоемкой по критерию затрачиваемых усилий и объема служебного времени, требует специальной подготовки, в-третьих, осуществляется при непосредственном выполнении обязанностей по административному надзору в формах наставничества или самообучения.

Значимость обучения участковых уполномоченных полиции индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, недостаточное внимание к нему в системе высшего образования позволили 80 % респондентам утверждать, что проводить обучение участковых уполномоченных полиции по осуществлению работы с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, необходимо в рамках дополнительного профессионального образования.

Несмотря на актуальный характер индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции с данной категорией граждан, в системе подготовки кадров МВД России отсутствует программа повышения квалификации участковых уполномоченных полиции по работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор.

Анализ мнений опрошенных участковых уполномоченных полиции о дополнительном профессиональном образовании, с одной стороны, показал его высокую востребованность, с другой стороны, позволил определить ряд недостатков.

Зачастую содержание обучения спроектировано достаточно широко и не учитывает специфику психологии поднадзорных лиц, особенности их деятельности и криминальной направленности.

Преобладает традиционный подход к организации обучения, без использования методик и технологий, активизирующих передачу, усвоение и воспроизводство знаний, умений и навыков.

Вместе с тем организация обучения в рамках дополнительного профессионального образования видится опрошенным наиболее целесообразной поскольку оно предполагает опору на имеющийся опыт взаимодействия с представителями разных групп населения, на индивидуальную профессиональную практику, современные научные знания и методы самоорганизации и самообучения¹².

¹² Базулина, А. А. (2010). *Развитие профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел в процессе повышения квалификации: научно-методические рекомендации*. Новгородский институт развития образования.

Задача 2. Изучить представления обучающихся о сущности административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Для выявления представлений обучающихся об административном надзоре органов внутренних дел использовался толковый словарь В. И. Даля. «Надзор» определяется им как «наблюдение с целью проверки», «наблюдение за кем-, чем-либо с целью охраны, контроля и т. п.», «наблюдение, присмотр за кем-либо или за чем-либо с целью контроля, охраны»¹³.

Сконструированное таким образом определение соотносилось с ответами обучающихся. Результаты проведенного опроса отражены на рисунке 1.

Большинство опрошенных курсантов (44 %) ответили, что участвовали в реализации деятельности по осуществлению административного надзора во время прохождения производственной (преддипломной) практики. На рисунке 2 отражены результаты опроса курсантов об их представлениях, полученных в ходе деятельности по осуществлению административного надзора в период прохождения производственной практики в территориальных органах МВД России на районных уровнях.

Полученные результаты свидетельствуют о недостаточном внимании руководителей практики к формированию соответствующего опыта у части курсантов в данной области.

Большинство обучающихся (60 %) сходятся во мнении, что индивидуальная профилактическая работа с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, чрезвычайно важна и оказывает заметное влияние на формирование правопослушного поведения поднадзорных лиц, что будет способствовать их успешной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы (рисунок 3).

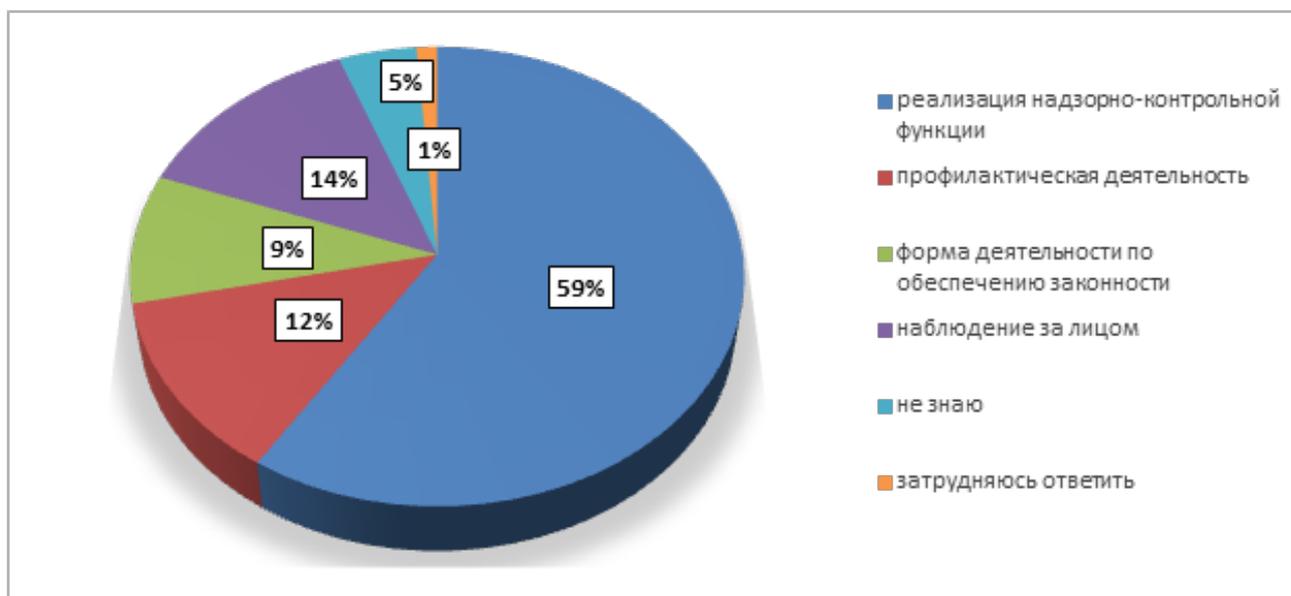

Рис. 1. Понимание курсантами деятельности по осуществлению административного надзора

Fig. 1. Cadets' understanding of administrative supervision activities

¹³ Толковый словарь Даля. Интернет-ресурс *Gufo.me*. URL: <https://gufo.me/dict/dal?ysclid=lu2ocnvouk665388814> (Дата обращения 01.05.2024).

Шевляков А. С. / Shevlyakov A. S.

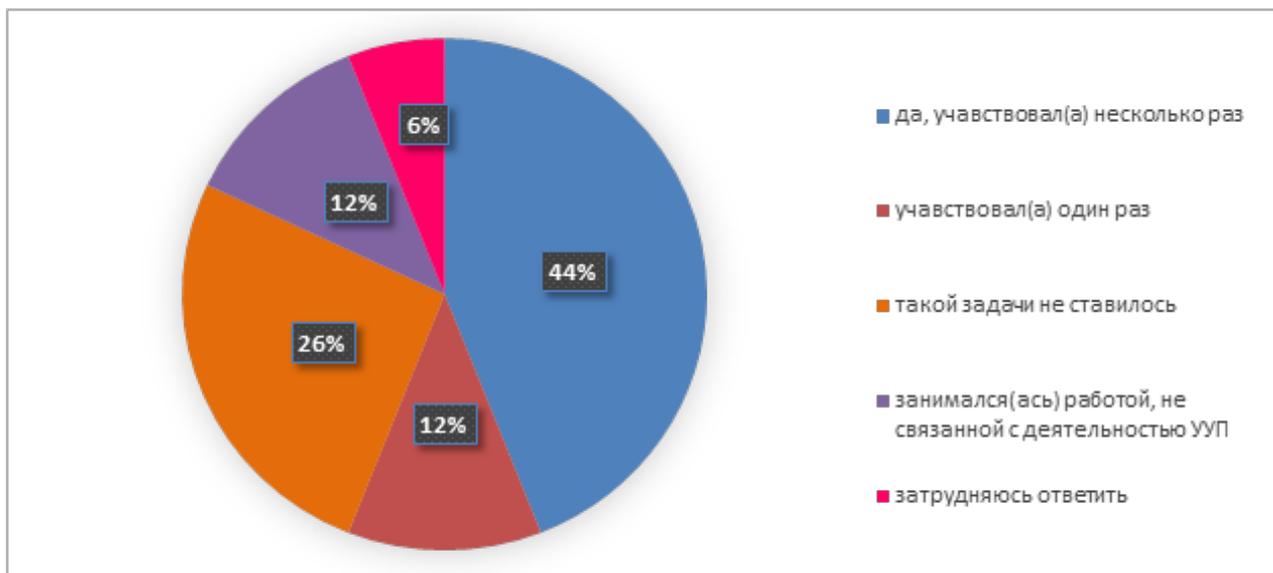

Рис. 2. Участие курсантов в деятельности по осуществлению административного надзора

Fig. 2. Cadets' participation in administrative supervision activities

Рис. 3. Влияние деятельности по осуществлению административного надзора на лиц, в отношении которых установлен административный надзор

Fig. 3. Impact of administrative supervision activities on persons under administrative supervision

Анализ рабочих учебных программ дисциплин Санкт-Петербургского университета МВД России по направлению подготовки «Обеспечение законности и правопорядка» позволил установить, что у будущих участковых уполномоченных полиции формируется только одна профессиональная компетенция – «способен осуществлять наблюдение за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими предусмотренных законодательными актами обязанностей», которая формируется только в двух дисциплинах. Первая дисциплина – «Административная деятельность полиции» – знакомит обучающихся с административным надзором в деятельности участковых в объеме 14 часов учебных занятий. Вторая дисциплина – «Организация деятельности участкового уполномоченного полиции» – рассматривает вопросы деятельности участкового уполномоченного полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в объеме 10 часов учебных занятий.

Результаты описанного выше анализа практики профилактики преступлений и правонарушений со стороны лиц, в отношении которых установлен административный надзор, стали основой для предложения следующих аспектов содержания образовательных программ дополнительного профессионального образования:

- реализация индивидуального подхода к поднадзорным лицам, с учетом их специфических потребностей и особенностей;
- развитие представлений о позитивной ресоциализации и социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором;
- понимание психологических особенностей и мотивации лиц, находящихся под административным надзором, для эффективного взаимодействия и поддержки в процессе их социальной реинтеграции.

Индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, должна быть организована в соответствии с принципами индивидуального подхода к поднадзорным лицам.

С учетом изложенного отметим, что участковый уполномоченный должен учитывать социальные и психологические особенности лица, находящегося под административным надзором, чтобы разработать эффективный план индивидуальной профилактической работы, который должен включать в себя социальную адаптацию поднадзорного лица и оценку риска повторного совершения им противоправных действий. Вместе с тем эти вопросы нуждаются в разработке, поскольку в Российской Федерации, в отличие от других стран, отсутствует психологическое изучение лиц, состоящих под административным надзором, нормативно не установлен инструмент оценки риска совершения преступлений среди данной категории лиц.

Заключение

Результатом исследования стало развитие представлений о содержании подготовки участковых уполномоченных полиции к работе с лицами, находящимися под административным надзором. На основе анализа теоретических представлений и выполненного эмпирического исследования установлены ключевые знания и умения, необходимые для эффективной индивидуальной профилактической работы. Можно заключить, что участковые уполномоченные полиции должны обладать высокой степенью подготовленности в области педагогических

технологий и методов социальной адаптации и ресоциализации лиц, находящихся под административным надзором.

С учетом изложенного следует констатировать, что перспективами исследования выступают задачи:

а) педагогического проектирования программ подготовки участковых к осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, в отношении которых установлен административный надзор;

б) разработки дидактики данных программ и методики их реализации в системе дополнительного профессионального образования;

в) конструирования средств измерения способностей (знаний, умений, навыков и опыта их использования) взаимодействия обучающихся с поднадзорными лицами.

Список литературы

- Абатуров, А. И. (2023). К вопросу о постпенитенциарном поведении лиц, в отношении которых установлен административный надзор. *Вопросы современной науки и практики*, 1 (8), 5-8.
- Абуталипов, А. Р. (2019). *Теоретико-методологические и ключевые проблемы исследования процесса ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в условиях современной России*: монография. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет.
- Душкин, А. С. (2024). Особенности постпенитенциарной ресоциализации: психолого-правовой аспект. *Прикладная юридическая психология*, 1 (66), 28–38.
- Душкин, А. С., Клишков, В. Б., Нериков, М. Ф. (2023). Зарубежный опыт постпенитенциарного (административного) надзора, за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. *Право и образование*, 7, 59–65.
- Злоказов, К. В. (2023). Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (97), 205–214. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-205-214>
- Мироненкова, О. Л. (2021). Развитие профессионально-педагогических компетенций сотрудников Центров временного содержания несовершеннолетних. *Человеческий капитал*, 6 (150), 162–172. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.06.17>
- Сорока, А. В. (2021). Возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период. *Психология и право*, 11 (2), 106–119. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110208>
- Хальзов, В. И., Ермаков, А. Г. (2018). *Подготовка участковых уполномоченных полиции в образовательных организациях МВД России к профилактической работе с населением*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Хван, И. И. (2020). Постпенитенциарный процесс ресоциализации осужденных: проблемы и пути их решения. *Бюллетень науки и практики*, 6 (7), 300–306.
- Яковлева, М. А. (2018). Психолого-педагогический подход участкового уполномоченного полиции в деятельности по профилактике преступности. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2018)*: материалы международной научно-практической

конференции (Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 года, стр. 445–448). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

- Khokhar, J., Qamar, J., Nadeem, A., Mazhar, B., Pir, M., & Ali, S. (2019). Probation, criminal justice system and rehabilitation of offenders: case of Punjab province. *Lahore*, 31 (3), 385–390.
- Guilfoyle, M. (2013). Transforming Rehabilitation: the end of the Probation Service? *Criminal Justice Matters*, 92 (1), 38–39. <https://doi.org/10.1080/09627251.2013.805378>

References

- Abaturov, A. I. (2023). K voprosu o postpenitenciarном povedenii lic, v otnoshenii kotoryh ustanovlen administrativnyj nadzor. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki*, 1 (8), 5–8.
- Abutalipov, A. R. (2019). *Teoretiko-metodologicheskie i klyuchevye problemy issledovaniya processa resocializacii lic, osvobozhdennyh iz mest lisheniya svobody, v usloviyah sovremennoj Rossii: monografiya*. Kazan': Kazanskij nacional'nyj issledovatel'skij tekhnologicheskij universitet.
- Dushkin, A. S. (2024). Osobennosti postpenitenciarной resocializacii: psihologo-pravovoj aspekt. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1 (66), 28–38.
- Dushkin, A. S., Klishkov, B. B., Nerikov, M. F. (2023). Zarubezhnyj opyt postpenitenciarного (administrativного) nadzora, za licami osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody. *Pravo i obrazovanie*, 7, 59–65.
- Zlokazov, K. V. (2023). Social'no-psihologicheskij podhod k adaptacii lic, nahodyashchihся pod administrativnym nadzorom: analiz zarubezhного opyta. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (97), 205–214. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-205-214>
- Mironenkova, O. L. (2021). Razvitie professional'no-pedagogicheskikh kompetencij sotrudnikov Centrov vremennogo soderzhaniya nesovershennoletnih. *Chelovecheskij kapital*, 6 (150), 162–172. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.06.17>
- Soroka, A. V. (2021). Vozrastnye osobennosti gotovnosti k resocializacii lichnosti v postpenitenciarный period. *Psihologiya i pravo*, 11 (2), 106–119. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110208>
- Hal'zov, V. I., Ermakov, A. G. (2018). *Podgotovka uchastkovykh upolnomochennykh policii v obrazovatel'nykh organizacijah MVD Rossii k profilakticheskoy rabote s naseleniem: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Hvan, I. I. (2020). Postpenitenciarный process resocializacii osuzhdennyh: problemy i puti ih resheniya. *Byulleten' nauki i praktiki*, 6 (7), 300–306.
- Yakovleva, M. A. (2018). Psihologo-pedagogicheskij podhod uchastkovogo upolnomochennogo policii v deyatel'nosti po profilaktike prestupnosti. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2018): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 29–30 marta 2018 goda, str. 445–448)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Khokhar, J., Qamar, J., Nadeem, A., Mazhar, B., Pir, M., & Ali, S. (2019). Probation, criminal justice system and rehabilitation of offenders: case of Punjab province. *Lahore*, 31 (3), 385–390.
- Guilfoyle, M. (2013). Transforming Rehabilitation: the end of the Probation Service? *Criminal Justice Matters*, 92 (1), 38–39. <https://doi.org/10.1080/09627251.2013.805378>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Шевляков – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Alexander S. Shevlyakov – post graduate of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.03.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted March 09, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024

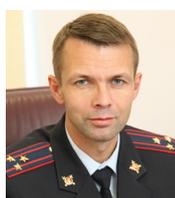
Оригинальная статья

УДК 343

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-287-300

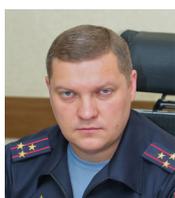

Проблемы профилактики, выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации (по материалам г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Максим Викторович Бавсун

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kafedramvd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1407-2609

Илья Сергеевич Ильин

ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
(Санкт-Петербург, Россия)
isilyin@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1362-0519

Аннотация

Введение. В статье представлен криминологический анализ преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации. Период возможной, хотя и легитимной, но трансформации власти для любого государства является максимально ответственным, зачастую вызывая временную нестабильность общественных отношений, дестабилизируя при этом нормальную работу правоохранительных и иных органов. В качестве основных средств такой разрушительной деятельности выступают как раз преступления экстремистского и террористического характера, максимально направленные на дискредитацию существующей политической системы. Авторы отмечают, что для такого города, как Санкт-Петербург, выборы Президента Российской Федерации имеют особое значение, что, соответственно, оказывает влияние как на рост посягательств подобного рода, так и на их качественные характеристики. В связи с этим и сама предвыборная кампания 2024 года сопровождалась максимальными проявлениями несогласия, нашедшими выражение в откровенно и цинично девиантных формах. В свою очередь криминологический анализ такой деятельности имеет серьезное значение для дальнейшего прогнозирования криминальной ситуации в период последующих выборов, позволяя разработать совокупность мер по противодействию такому поведению и обеспечению стабильности общественных отношений в дальнейшем. **Методы.** В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания, включающий анализ

факторов и процессов детерминации преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также совокупность общенаучного (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системный метод) и частнонаучного (формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет») методов познания. **Заключение.** Авторами сформулированы приоритетные задачи, стоящие перед правоохранительной системой в части противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности на дальнейший период.

Ключевые слова

экстремизм, терроризм, предупреждение, выявление, пресечение, предвыборная кампания, Президент Российской Федерации

Для цитирования: Бавсун, М. В., Ильин, И. С. (2024). Проблемы профилактики, выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации (по материалам г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области). *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 287–300. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-287-300.

Original paper

Problems of prevention, detection and counteraction of terrorist and extremist offences during the pre-election campaign of the President of the Russian Federation (based on the materials of St. Petersburg and the Leningrad region)

Maksim V. Bavsun

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
kafedramvd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1407-2609

Ilya S. Ilyin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region (Saint Petersburg, Russia)
isilyin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1362-0519

Abstract

Introduction. The article is devoted to the criminological analysis of terrorist and extremist offences during the pre-election campaign of the President of the Russian Federation. The period of possible, though legitimate, transformation of power for any state is the most responsible, often causing temporary instability of social relations, destabilising normal work of law enforcement and other bodies. As the main means of such destructive activity are mainly extremist and terrorist offences, maximally aimed at discrediting the existing political system. The authors note that for such a city as St. Petersburg, the election of the President of the Russian Federation is of special importance, which,

accordingly, affects both the growth of such offences and their qualitative characteristics. In this regard, the election campaign of 2024 was marked by maximum manifestations of opposition, expressed in the most cynical deviant forms. In turn, criminological analysis of such activities is of serious importance for further prognosis of the criminal situation in the period of the future elections, making it possible to develop a set of measures for counteracting such behaviour and ensuring the stability of social relations in the future. **Methods.** The research is based on the universal dialectical method of cognition, including the analysis of factors and processes of determination of terrorist and extremist offences, as well as a combination of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, systemic method) and particular scientific (formal-legal, logical, statistical, content analysis of mass media and the Internet) methods of cognition. **Conclusion.** The authors formulated the priority tasks for the law enforcement system in counteracting terrorist and extremist offences for the future period.

Keywords

extremism, terrorism, prevention, detection, counteraction, election campaign, the President of the Russian Federation

For citation: Bavsun, M. V., Ilyin, I. S. (2024). Problems of prevention, detection and counteraction of terrorist and extremist offences during the pre-election campaign of the President of the Russian Federation (based on the materials of St. Petersburg and the Leningrad region). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 287–300. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-287-300.

Введение

Противодействие преступлениям экстремистской деятельности, начиная с 2010–2012 гг., является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики государства. Такой вывод можно сделать исходя из анализа Уголовного кодекса Российской Федерации в части регламентации ответственности за посягательства подобного рода, в котором рост количества норм на это направленных, пришелся как раз на отмеченный период (Бавсун, 2015). За прошедший отрезок времени деятельность специально для этого созданных подразделений органов внутренних дел наработала необходимую для эффективного противодействия практику, получив тот опыт, без которого, имеющиеся сегодня результаты были бы невозможны (Бастрыкин и др., 2023).

Методы

В основу нашего исследования положен всеобщий диалектический метод познания, включающий анализ факторов и процессов детерминации преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также совокупность общенаучного (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системный метод) и частнонаучного (формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет») методов познания.

Обсуждение

В первой четверти 2024 г. деятельность Главного управления по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в части противодействия экстремизму и терроризму была направлена на обеспечение безопасности населения и поддержание стабильной оперативной обстановки в регионе, в первую очередь в связи с подготовкой и проведением выборов Президента Российской Федерации. Всего с января по апрель на территории Санкт-Петербурга было зарегистрировано 16 (+ 9) преступлений экстремистской направленности (ГУ – 12, прокуратура – 2, СК – 1,

УФСБ – 1) и 18 (+ 2) преступлений террористического характера (ГУ – 7, УФСБ – 6, СК – 5). При этом сотрудниками ГУ на территории г. Санкт-Петербург выявлено 12 (+ 10) преступлений экстремистской направленности и 7 (– 5) преступлений террористического характера.

Отрицательная динамика 2024 года по зарегистрированным преступлениям террористического характера связана с возбуждением за 4 месяца этого года с одной стороны лишь девяти, но в то же время, многоэпизодных уголовных дел. Все они были возбуждены по материалам сотрудников Центра «Э» ГУ МВД России: 4 уголовных дела в отношении гр-на Х. (по ст. ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 222, ст. 317 УК РФ – покушения на жизнь сотрудника ОМОН ГУ Росгвардии и на террористический акт путем поджога служебных автомобилей и использования огнестрельного оружия; 5 уголовных дел по ч. 2 ст. 205.²УК РФ в отношении гр-на Х-ва по фактам размещения в мессенджере «Telegram» текстовых сообщений, содержащих высказывания, оправдывающие терроризм. В остальном необходимо вести речь скорее о возросшей динамике преступлений подобного рода в первом квартале 2024 г., что объяснимо лишь одним фактором – выборами Президента Российской Федерации.

Что характерно, провоцирующий характер подобного рода поведения российских граждан содержался в зарубежной прессе, которая именно в этот период проявляла максимальную активность, зачастую имевшую либо отчасти, либо совершенно экстремистскую направленность. В частности, новостное агентство CNN на своем канале дословно приводит следующую информацию: «*With most opposition candidates either dead, jailed, exiled or barred from running – and with dissent effectively outlawed in Russia since it launched a full-scale invasion of Ukraine in February 2022 – Putin faced no credible challenge to his rule*». «Поскольку большинство оппозиционных кандидатов были либо мертвы, либо заключены в тюрьму, либо сосланы, либо им было запрещено баллотироваться, а инакомыслие в России фактически объявлено вне закона с тех пор,

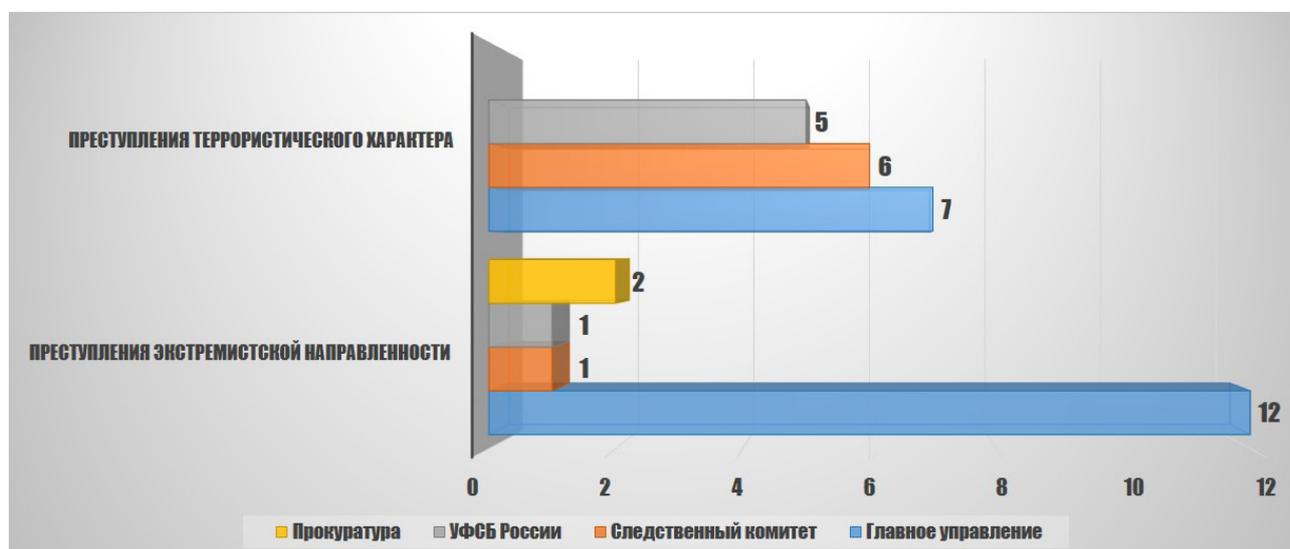

Рис. 1. Количество преступлений террористического характера и экстремистской направленности, зарегистрированных на территории Санкт-Петербурга с января по апрель 2024 года

Fig. 1. Number of terrorist and extremist offences registered in St. Petersburg from January to April 2024

как она начала полномасштабное вторжение на Украину в феврале 2022 г., Путин не столкнулся ни с каким серьезным вызовом своему правлению»¹; BBC NEWS: «*Twenty-four years on, the Kremlin leader is waging war against Ukraine; a war in which Russia has suffered heavy losses. At home, instead of developing democracy, President Putin has been curtailing it: jailing critics, removing all checks and balances on his power. "The war in Ukraine, going back to the annexation of Crimea 10 years ago, has dramatically changed that trajectory. He's turned himself into an imperialist instead of a pragmatist"*». «Двадцать четыре года спустя кремлевский лидер ведет войну против Украины, войну, в которой Россия понесла тяжелые потери. У себя дома, вместо того чтобы развивать демократию, президент Путин ограничивает ее: сажает в тюрьмы критиков, устраняет все системы сдержек и противовесов своей власти. Война на Украине, начавшаяся 10 лет назад после аннексии Крыма, резко изменила эту траекторию. Он превратился из прагматика в империалиста»²; The Washington Post: «Для Кремля выборы необходимы, чтобы обрести видимую легитимность власти. Поскольку Россия пытается выглядеть истинно демократическим государством, выборы являются необходимым атрибутом»; Bloomberg: «*Эти предупреждения отражают образ мышления смелого Путина. Похоже, никто внутри страны или за границей не в состоянии подавить его амбиции. Предыдущий срок Путина был посвящен попыткам создать новый мировой порядок. Следующий может быть посвящен завершению этого проекта*». В своем редакционном материале Bloomberg пугает читателей, говоря, что Россия якобы готовится к длительной конфронтации с Западом. Отношения между Москвой и западными столицами разорваны и восстановить их будет нелегко, заключают в издании³. Влияние высказываний подобного рода, как и многих других, зачастую имеющих циничный по своей сути и откровенно провокационный характер, нельзя не учитывать в формировании общественного мнения, а также влияния на отдельно взятых индивидуумов, пытающихся найти альтернативу государственному подходу в откровенно враждебной западной прессе.

Продолжая анализ той обстановки, которая сложилась в период выборов на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, на фоне нарастающего давления и негатива со стороны коллективного Запада, необходимо указать на зафиксированный рост преступлений данной направленности: 8 (+ 3) уголовных дел экстремистского характера (ГУ – 7, СК – 1) и 10 (+ 7) уголовных дел террористического характера (ГУ – 5, УФСБ – 2, ПУ ФСБ – 2, Росгвардия – 1). Важнее, что в рамках данных дел привлечены к ответственности 24 (+ 8) лица: за совершение экстремистских преступлений – 17 (+ 5), террористических – 7 (+ 3).

Полагаем, что в условиях продолжающейся специальной военной операции и нарастающей международной конфронтации террористическая угроза должна рассматриваться в качестве одной из наиболее серьезных, причем фактическое приграничное положение Санкт-Петербурга делает данный регион особо притягательной целью для диверсионно-террористических атак. Это утверждение, к сожалению, подтверждается практическими результатами: в начале текущего года зарегистрирован целый ряд диверсионно-террористических посягательств на городские объекты, включая атаки с использованием беспилотных летательных аппаратов, по фактам которых на территории Санкт-Петербурга терри-

¹ Christian Edwards, Lauren Kent, Clare Sebastian, Anna Chernova Putin inaugurated as president for fifth term with Russia under tight grip. URL: <https://amp.cnn.com/cnn/2024/05/07/europe/putin-inauguration-russia-president-fifth-term-intl> (дата обращения: 02.06.2024 г.).

² Vladimir Putin: Russia's modern-day tsar sworn in for fifth term. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-68964677>.amp (дата обращения: 02.06.2024 г.).

³ Дубинский, Д. (2024). *Выборы Президента России – 2024: что пишут Западные СМИ*. URL: <https://absatz.media/v-mire/67688-vybory-prezidenta-rossii-2024-chto-pishut-zapadnye-smi> (дата обращения: 01.06.2024 г.).

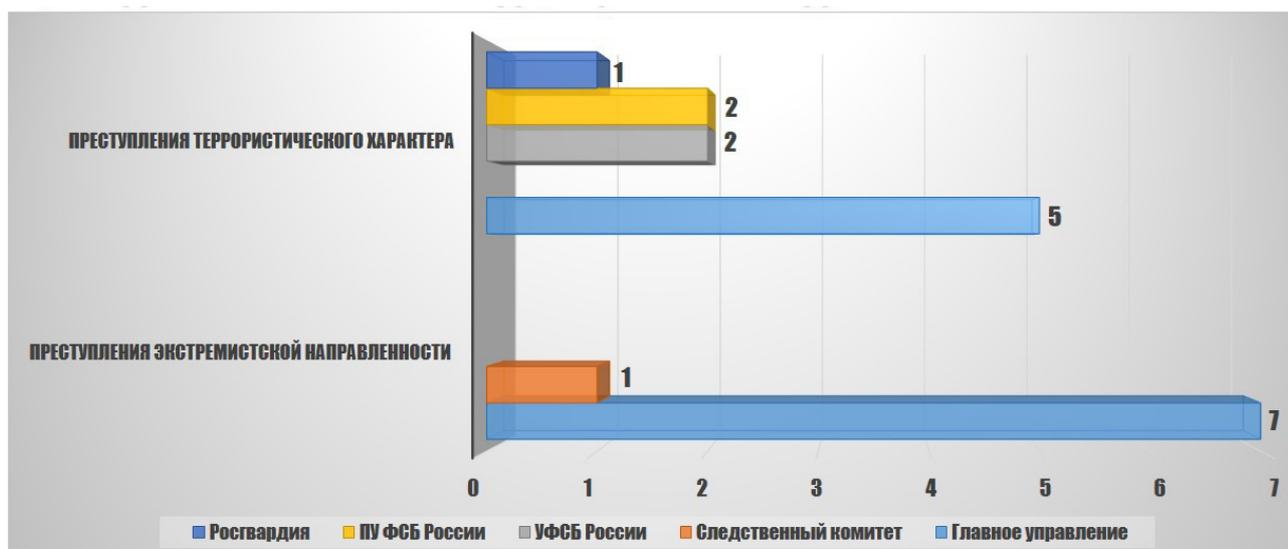

Рис. 2. Количество преступлений террористического характера и экстремистской направленности, зарегистрированных на территории Санкт-Петербурга в период проведения выборов Президента Российской Федерации в 2024 году

Fig. 2. Number of terrorist and extremist offences registered in St. Petersburg during the presidential elections of the Russian Federation in 2024

ториальным управлением ГСУ СК России возбуждены 4 уголовных дела по ст. 205 УК РФ («Террористический акт»)⁴.

Необходимо отметить, что основной целью террористов выступают промышленные предприятия города, однако повреждение 2 марта 2024 г. взрывом «беспилотника» жилого дома на Пискаревском проспекте ясно демонстрирует потенциальную угрозу нанесения ударов и по массовой жилой застройке⁵. Традиционно наиболее распространенным преступлением террористического характера, выявляемым в регионе, является публичная пропаганда или оправдание терроризма. Истекший период текущего года не стал исключением: за первые 4 месяца на территории города зарегистрировано 8 (+ 3) преступлений,

⁴ В частности: Уголовное дело № 12402007703000332 от 02.03.2024 по п. «а, б» ч. 2 ст. 205 УК РФ по факту совершенного 02.03.2024 террористического акта с использованием беспилотного летательного аппарата самолетного типа, в результате которого повреждены не менее 10 квартир многоэтажного жилого дома 161 по Пискаревскому проспекту; уголовное дело № 12402007703000089 от 19.01.2024 по п. «а, б» ч. 2 ст. 205 УК РФ по факту совершенного 18.01.2024 террористического акта с использованием беспилотного летательного аппарата самолетного типа, в результате которого поврежден объект АО «Петербургский Нефтяной Терминал»; уголовное дело № 12402007703000159 от 31.01.2024 по п. «а, б» ч. 2 ст. 205 УК РФ по факту совершенного 31.01.2024 террористического акта с использованием беспилотного летательного аппарата самолетного типа, в результате которого повреждено имущество ООО «Невский Мазут»; уголовное дело № 12402007703000351 от 04.03.2024 по п. «а, б» ч. 2 ст. 205 УК РФ по факту совершенного 03.03.2024 террористического акта с использованием беспилотного летательного аппарата самолетного типа, в результате которого повреждено имущество АО «Петербургский Нефтяной Терминал».

⁵ Взрыв дрона на Пискаревском проспекте в Петербурге признали терактом (2024). *Ведомости. Северо-Запад*. <https://spb.vedomosti.ru/society/news/2024/03/04/1023505-vzriv-drona-na-piskarevskom-prospekte-v-peterburge-priznali-teraktom> (дата обращения: 16 июня 2024 г.).

предусмотренных ст. 205² УК РФ, 7 (+ 2) из которых выявлены сотрудниками Главного управления.

Анализ практики показывает, что тематика специальной военной операции наложила свой отпечаток и на данный вид преступлений: основная их масса в той или иной мере приобрела политический окрас, пропагандируя террористические действия против России, российского народа, российских политических деятелей и медийных персон. Так, в период с декабря 2023 года по январь 2024 года на территории Санкт-Петербурга неоднократно выявлялись факты обнаружения жителями города в приобретенных или заказанных товарах листовок с текстами, призывающими, в числе прочего, к уничтожению Президента России. Проведенными оперативно-розыскными мероприятиями сотрудниками полиции совместно с УФСБ установлены и 24 января 2024 г. задержаны гр-не Д-ко и Д-ва, изобличенные в систематическом размещении в продукции одного из супермаркетов торговой сети «Лента» листовок с текстом на украинском языке и призывами к терроризму. В общей сложности фигуранты изобличены в совершении не менее 4 подобных эпизодов, возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ⁶.

В апреле 2024 г. были реализованы материалы проверки, проведенной в отношении известного регионального политического активиста С. (внесен Минюстом РФ в список иноагентов), изобличенного в неоднократных публикациях в своем открытом телеграм-канале текстовых материалов, содержащих оправдание террористических преступлений, совершаемых против России, и призывы к ракетно-бомбовым ударам по российским инфраструктурным объектам, аэродромам, Черноморскому флоту, Москве⁷. Второго апреля 2024 года фигурант задержан сотрудниками полиции, возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ⁸.

Стоит отметить, что даже трагедия, произошедшая в подмосковном «Крокус Сити Холле», нашла свое неадекватное отражение в поведении некоторых жителей города, желающих оправдать террористов и принести в произошедшее политическую повестку. Так, 25 марта 2024 г. сотрудниками полиции задержан гр-н К. Конашенков, разместивший в социальной сети «Facebook»⁹ записи, посвященные данному теракту, в том числе отражающие положительное отношение к террористическим атакам на государственные органы и публичные мероприятия

⁶ Среди таких дел необходимо выделить: *уголовное дело* № 12307400001000140 от 30.12.2023 по ч. 1 ст. 205² УК РФ по факту размещения не позднее 28.12.2023 г. на продукции ООО «Лента» открытки с текстом, содержащим публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; *уголовное дело* № 12407400001000005 от 24.01.2024 по ч. 1 ст. 205² УК РФ по факту размещения не позднее 05.01.2024 г. на продукции ООО «Лента» открытки с текстом, содержащим публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; *уголовное дело* № 12407400001000006 от 24.01.2024 по ч. 1 ст. 205² УК РФ по факту размещения не позднее 17.01.2024 г. на продукции ООО «Лента» открытки с текстом, содержащим публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; *уголовное дело* № 12407400001000022 от 12.02.2024 по ч. 1 ст. 205² УК РФ по факту размещения не позднее 06.02.2024 г. на продукции ООО «Лента» открытки с текстом, содержащим публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

⁷ Суд Санкт-Петербурга арестовал иноагента Скобова (внесен Минюстом РФ в список иноагентов) по обвинению в оправдании терроризма (2024). <https://tass.ru/proisshestviya/20448119>

⁸ *Уголовное дело* № 12402400005000043 от 02.04.2024 по ч. 2 ст. 205² УК РФ по факту публикации С. (внесен Минюстом РФ в список иноагентов) в телеграм-канале «Канал Александра Скобова» материалов, содержащих признаки пропаганды терроризма, направленной на формирование у читателя представлений о допустимости и желательности террористической деятельности, побуждения к совершению террористической деятельности, оправдания терроризма.

⁹ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

патриотического характера. В результате было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ¹⁰.

Антитеррористическая работа Главным управлением традиционно ведется в тесном взаимодействии с УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, исполнительными органами государственной власти, следственными и надзирающими органами, с которыми осуществляется информационный обмен, планируются и реализуются меры практического характера (Подвойская, 2022). Главным управлением совместно с УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области регулярно проводятся совместные мероприятия, направленные на нейтрализацию террористических и экстремистских угроз, в ходе которых осуществляются профилактические проверки объектов притяжения иностранных граждан, мест возможного незаконного хранения оружия, взрывчатых веществ, иных средств совершения теракта, что сегодня относится к одному из ключевых направлений деятельности силовых подразделений¹¹. В анализируемом периоде 2024 года сотрудники полиции приняли участие в двух этапах данных мероприятий, в ходе которых проведено свыше 1400 профилактических рейдов, выявлено и изъято 16 единиц огнестрельного оружия, 255 патронов, 66 единиц иных боеприпасов, 279 иностранных граждан задержаны в целях выдворения за пределы РФ, свыше 3200 человек привлечены к административной ответственности, возбуждено 139 уголовных дел по фактам незаконной миграции и легализации иностранцев в регионе.

Значительная часть экстремистских преступлений указанного периода была напрямую связана с подготовкой и проведением выборов Президента России и направлена на подрыв основ конституционного строя и безопасности государства (Макеева, 2017). С января по март 2024 года сотрудниками полиции задержан ряд граждан, избличенных в расклейке плакатов, листовок, нанесении на различные объекты надписей, содержащих оскорбления Президента РФ, обвинения его в совершении различных преступлений и иную недостоверную информацию. В отношении четырех граждан по данным фактам возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹².

В это же время продолжали выявляться и документироваться факты использования интернета для публичного распространения информационных материалов, содержащих признаки разжигания межнациональной, религиозной, социальной и иных видов розни, призывов к экстремизму (Герасименко, 2020), заведомо ложной информации об использовании

¹⁰ Уголовное дело № 12402400019000054 от 26.03.2024 по ч. 2 ст. 205² УК РФ по факту совершенного 25.03.2024 гр-ом К. оправдания террористического акта, посредством публикации в социальной сети «Facebook» (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации), содержащей фразы: «Почему Крокус, а не Кремль? Перепутали?»; «Пикник чудовищная группа, но все же мелковато, вот сборный бы концерт Брат-2. (При всей любви к А.О.Б.) А вот на концертах западных звезд, даже «в симфоническом исполнении» ничего подобного не происходит».

¹¹ Путин на расширенной коллегии обозначил ключевые приоритеты работы МВД (2024). *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/02/1029402-putin-oboznachil-klyuchevie-prioritety-v-rabote-mvd>

¹² Уголовное дело № 12401400007000392 от 16.02.2024 по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ по факту нанесенной 16.02.2024 Смирновым Е. Б. надписи: «Путин убил Навального» на заборе по ул. Авангардная. Уголовное дело № 12401400007000665 от 13.03.2024 по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ совершенной 13.03.2024 Загитовым Ю. Ю. у д. 4 по ул. Тамбасова расклейки плакатов с текстом, порочащим Президента РФ; Уголовное дело № 12401400019001016 от 14.03.2024 по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ по факту нанесенной 14.03.2024 Липкиным М. Б. на двери лифта в парадной № 4 д. 23 к. 1 по ул. Михаила Дудина в п. Парголово г. Санкт-Петербурга надписи оскорбительного характера в адрес Президента РФ; Уголовное дело № 12401400019001037 от 16.03.2024 по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ по факту нанесенных 16.03.2024 Белкиной В.С. в туалете ГБОУ лицей № 488 (УИК № 273, СПб, пр. Просвещения 32-4) на трех дверях туалетных кабинок надписей, порочащих Президента РФ.

Вооруженных Сил РФ. В частности, за рассматриваемый период 2024 года сотрудниками полиции за совершение указанных преступлений задержаны три лица¹³.

Также в Санкт-Петербурге продолжают выявляться одиночные проявления насильственного экстремизма в виде совершения локальными молодежными группами хулиганских нападений на граждан по мотивам национальной или социально-политической розни. В частности, в январе текущего года сотрудниками полиции установлены и задержаны гр-не Б. и Ч. (оба – 2004 г.р.) и несовершеннолетний М. (2006 г.р.), избитые в совершении 13 января 2024 г. нападения по мотивам социальной розни на гр-на К., которому наносили побои, оскорбляли, угрожали расправой, снимая происходящее на мобильный телефон. Уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, в настоящее время уже передано в суд¹⁴.

В феврале текущего года сотрудниками полиции установлены и задержаны несовершеннолетние В. (2010 г.р.) и О. (2007 г.р.), избитые в совершении 20 января 2024 г. по мотивам национальной вражды, хулиганского нападения на гражданина Туниса К., в ходе которого они распылили ему в лицо газ, нанесли побои и разместили в последующем видеозапись нападения в интернете. Уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, в настоящее время также передано в суд¹⁵.

Основная причина заключается в крайней восприимчивости молодежи к радикальным идеям и методам их реализации, доступности в интернете разного рода информации, возможности дистанционно коммуницировать друг с другом, объединяясь в сообщества по интересам (Глазкова, 2021). Достаточно сложные в социально-экономическом и политическом плане времена повышают градус радикализации общества, а молодежи – особенно (Филипенко, Витольник, 2023). В складывающихся условиях сотрудниками Главного управления во взаимодействии с органами государственной власти, образовательными организациями (в частности, Санкт-Петербургским университетом МВД России), иными государственными и негосударственными структурами, работающими с молодежью, проводятся профилактические мероприятия, направленные на разъяснение молодым людям негативной сущности и противозаконности экстремистских деяний, деструктивного характера экстремистских идей, разрушительного влияния их на российское общество и государство.

Например, совместно с Комитетом по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге Главное управление участвует в реализации подпрограммы «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений», в рамках которой в числе прочего на базах вузов города проводятся семинары «Терроризм – угроза обществу». Совместно с Санкт-Петербургским университетом МВД России в 2024 году в рамках графика МВД России по выполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг., утвержденного Президентом

¹³ Уголовное дело № 12202400001000029 от 11.03.2024 по ч. 2 ст. 280 УК РФ по факту размещения публикации с текстом, содержащим призыв к насильственным действиям в отношении группы лиц, выделенной по признаку социальной принадлежности – сотрудники ФСБ; уголовное дело № 12402400018000050 от 15.04.2024 по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ по факту совершенной 05.04.2023 гр-ом Е. публикации в социальной сети «ВКонтакте» заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации; уголовное дело № 12402400005000058 от 17.10.2023г. по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ по факту совершенной 06.10.2023 гр-ом Р. публикации в мессенджере «Телеграм» постов с признаками возбуждения ненависти.

¹⁴ Уголовные дела № 12401400001000110 от 18.01.2024, № 12402400002000022 от 29.01.2024 по ч. 2 ст. 213 УК РФ по факту совершенного 13.01.2023 группой лиц хулиганства с применением насилия в отношении Коворотенко Д. В. у д. 25 по Измайловскому пр.

¹⁵ Уголовное дело по факту совершенного 20.01.2024 хулиганского нападения на гражданина Туниса К. по мотивам национальной вражды, по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Российской Федерации В.В. Путиным 30 декабря 2023 г. № ПР-2610, на 2024 год запланирован ряд профилактических мероприятий с молодежью – учащимися средних образовательных школ, а также училищ и колледжей.

Следует отметить, что все воспитательно-разъяснительные занятия антиэкстремистской тематики проводятся сотрудниками органов внутренних дел на базе средних общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений, в том числе с привлечением к проводимым занятиям и беседам специалистов Центра по противодействию экстремизму, профессоров, доцентов, специалистов в области истории и права, занимающихся разработкой данной проблематики. Одним из многочисленных примеров такой деятельности является профилактическая работа в кадетских классах, созданных на базе ГБОУ среднеобразовательная школа № 380 Красносельского района г. Санкт-Петербурга; ГБОУ среднеобразовательная школа № 543 Московского района г. Санкт-Петербурга; ГБОУ среднеобразовательная школа № 29 Василеостровского района г. Санкт-Петербурга и других общеобразовательных учреждений города. Выезды сотрудников университета в школы, проводимые на регулярной основе, позволяют формировать у обучающихся правильную гражданскую позицию, выработать собственное мнение о девиантных проявлениях подобного рода и минимизировать личное потенциальное участие в них.

Опыт практической работы субъекты профилактики – Главное управление МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также Санкт-Петербургский университет МВД России – передают представителям иных субъектов профилактики экстремизма в ходе межведомственных встреч. Так, в январе 2024 года представитель Центра «Э» представил доклад «Современные тенденции проявлений радикализма и экстремизма в молодежной среде» на специализированном круглом столе для специалистов подростково-молодежных центров Санкт-Петербурга. В апреле 2024 года представители Центра «Э», а также доценты, профессора и адъюнкты участвовали в круглом столе «Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде: современные реалии», проведенном в рамках региональной выставки «Экспотехностраж». В университете данная проблематика в преддверии предвыборной кампании была рассмотрена на международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама» (Илакавичус, 2023).

Оперативная обстановка по линии публичных мероприятий в течение всего рассматриваемого периода оставалась стабильной и контролируемой, в том числе во многом благодаря ранее проведенной совместной работе по деструктуризации оппозиционных формирований, нейтрализации их лидеров и активистов, а также массовой профилактической работе среди всех слоев населения г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Несмотря на отдельные информационные поводы, связанные со смертью одного из лидеров политической оппозиции А. А. Навального и его похоронами, на которые делали активную ставку находящиеся за рубежом оппозиционные деятели, организации массовых противоправных выступлений граждан допущено не было. Отдельные задержания желающих почтить память Навального носили больше предупредительный характер.

Достаточно спокойно прошла и анонсированная из-за рубежа протестная акция «Полдень против Путина», приуроченная к последнему дню голосования: сотрудниками полиции, Росгвардии и избирательных комиссий был организован процесс волеизъявления, позволивший справиться с единовременным визитом на избирательные участки всех избирателей, также лишив возможности провокаций массовых нарушений правопорядка. Комплекс профилактических мероприятий был проведен и в отношении активистов региональной ячей-

ки движения родственников и жен мобилизованных «Путь домой»¹⁶, благодаря чему попытка придать движению характер массового политического протеста в Санкт-Петербурге, несмотря на предпринятые попытки, так и не была реализована.

Вместе с тем относительно спокойная в части экстремистских проявлений ситуация в регионе не должна успокаивать, в связи с чем сегодня необходимо четко обозначить актуальные угрожающие факторы экстремистского толка. В частности, по-прежнему продолжают постоянные попытки со стороны деструктивных элементов, находящихся за рубежом и, весьма вероятно, поддерживаемых, в том числе финансово, зарубежными государственными и окологосударственными структурами, дестабилизировать социально-политическую обстановку, используя любые удобные информационные поводы.

Разумеется, наибольший общественный отклик находят вопросы, связанные со специальной военной операцией, в связи с чем эта тематика продолжает активно эксплуатироваться: в сети регулярно публикуются сведения о готовящейся мобилизации, огромных военных потерях России, в том числе из числа мобилизованных, преступлениях, совершаемых вернувшимися со спецоперации гражданами. Той же цели служили и упомянутые выше попытки использовать в дестабилизирующих протестных целях потенциал движения «Путь домой»^{17,18}.

При этом радикальные элементы всегда готовы использовать в своих интересах любые инциденты. В частности, примером раскручивания информационной кампании по подрыву авторитета правоохранительных органов служит недавняя история с проведением сотрудниками полиции следственно-оперативных мероприятий в отношении ряда активистов политического объединения «Другая Россия», члены которого в числе прочего организовали и провели в апреле текущего года несогласованную акцию с распространением агитационных материалов, содержащих обвинения высших должностных лиц России в пособничестве терактам в «Крокус Сити». Ответные действия сотрудников полиции активистами «Другой России» через многочисленные публикации «вбросы» в интернете преподнесены общественному мнению как противоправное применение насилия в отношении ветеранов спецоперации, так как один из фигурантов ранее участвовал добровольцем в боевых действиях на Донбассе. При «вбросах» использовались фотографии лица, фактически не имеющего отношения к рассматриваемой ситуации¹⁹.

Более того, указанными публикациями были введены в заблуждение даже представители официальных органов, что обернулось возбуждением уголовного дела в отношении сотрудников УМВД по Центральному району города и Центра по противодействию экстремизму, позже отмененного Генеральной прокуратурой²⁰. Однако данный инцидент на несколько дней фактически парализовал деятельность Главного управления по линии противодействия экстремизму, деморализовал и демотивировал личный состав. Очевидно, что получив такой эффект от контролируемой дезинформации в интернете, деструктивные силы будут использовать данный прием и в дальнейшей деятельности.

¹⁶ Движение «Путь домой» внесено Минюстом РФ в список иноагентов.

¹⁷ Движение «Путь домой» внесено Минюстом РФ в список иноагентов.

¹⁸ Исайченко, О. (декабрь, 2023). Иноагенты мешают реальным проектам помощи мобилизованным и их семьям. *Взгляд. Деловая газета*, 4 декабря 2023 г. URL: <https://vz.ru/news/2023/12/4/1242598.html> (дата обращения: 19 июня 2024 г.).

¹⁹ МВД заявило о защите чести полиции после сообщения об избиении нацболов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2024/661ead819a794791f01332da> (дата обращения: 19 июня 2024 г.).

²⁰ В Петербурге возбуждено дело на полицейских после обыска у нацбола-участника СВО. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6650112> (дата обращения: 19 июня 2024 г.).

Во-вторых, следует обозначить фактор массового присутствия в регионе иностранных граждан, включая натурализованных, получивших гражданство России. Данное обстоятельство также оказывает негативное воздействие и на состояние обстановки по линии анти-террористической защищенности региона. Даже абстрагируясь от общеизвестных вопросов преступлений, совершаемых иностранцами, рассматриваемый фактор проявляет себя сразу по нескольким направлениям. Это и систематические угрозы возникновения межнациональных столкновений между представителями различных сообществ мигрантов, возникающие как на фоне внешних событий (вспомнить хотя бы относительно недавний армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе), так и вследствие бытовых и криминальных разборок между мигрантами (из последних примеров можно привести массовые драки в районе строительства Лахта-центра в 2023 году)²¹. И крайне напряженное отношение к мигрантам со стороны местного населения, ощущающего чужеродность и обособленность приезжих в культурном плане, их нежелание принимать и соблюдать законы и нормы поведения, принятые в Санкт-Петербурге. Это в свою очередь влечет рост бытового национализма, опасность возникновения массовых столкновений между местными жителями и мигрантами, а также протестных выступлений по данной тематике, что лишний раз подтверждает тезис о том, что мигранты являются серьезной силой, которую вполне можно использовать в целях дестабилизации обстановки в регионе.

В связи с этим вопросам противодействия нелегальной миграции Главное управление уделяет особое внимание, что нашло свое отражение и в проведенных в конце 2023 и начале 2024 года организационно-штатных мероприятиях, направленных на усиление работы полиции в этом направлении. Данная работа проводилась в том числе и Санкт-Петербургским университетом МВД России, курсанты которого в апреле-мае 2024 года на ежедневной основе принимали участие в приеме-сдаче экзамена по русскому языку мигрантами, проводившимся на базе муниципальных образовательных учреждений среднего образования Санкт-Петербурга.

Заключение

Подводя итог, необходимо выделить приоритетные задачи, стоящие перед правоохранительной системой в части противодействия подобного рода, на предстоящий период:

- противодействие попыткам деструктивных объединений и отдельных радикально настроенных лиц спровоцировать массовый протест и иным образом дестабилизировать оперативную обстановку в регионе, используя информационные поводы, связанные с проведением специальной военной операции;
- пресечение деятельности организованных преступных формирований, специализирующихся на организации каналов незаконного въезда, легализации, натурализации иностранных граждан на территории Российской Федерации, а также выявление и нейтрализация в миграционной среде региона лиц, попавших под воздействие идеологии радикального ислама и терроризма;
- противодействие терроризму, в том числе непосредственное выявление и нейтрализацию участников и пособников террористических формирований, путей и каналов их снабжения и обеспечения;
- противодействие молодежному экстремизму, в том числе выявление и нейтрализацию лиц, провоцирующих экстремистские акции, организующих и агитирующих молодежь на участие в них, обучающих участников молодежных группировок;

²¹ Массовая драка произошла ночью возле «Лахта-центра» второй раз за год. <https://www.dp.ru/a/2023/12/05/massovaja-draka-proizoshla-nochju> (дата обращения: 19 июня 2024 год).

– обеспечение стабильной общественно-политической обстановки, особенно в период проведения массовых государственных и международных мероприятий (Петербургский международный экономический форум, «Алые паруса» и другие), а также подготовки и проведения в сентябре 2024 года выборов Губернатора Санкт-Петербурга и депутатов муниципальных образований в Санкт-Петербурге.

Список литературы

- Бавсун, М. В. (2015). Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства. *Всероссийский криминологический журнал*, 9 (3), 483–493.
- Герасименко, Н. И. (2020). Особенности использования сети интернет при расследовании преступлений экстремистской направленности. *Пенитенциарная наука*, 14 (3), 388–393. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393>
- Глазкова, Л. В. (2021). Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации. *Актуальные проблемы российского права*, 16 (12), 167–170.
- Бастрыкин, А. И., Кириленко, В. П., Хлутков, А. Д., Шамахов, В. А. (2023). *Глобальный индекс экстремизма: монография*. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.
- Илакавичус, М. Р. (2023). Педагогическая профилактика ксенофобии и экстремизма в образовательных организациях высшего образования. В *Российская девиантологическая панорама: материалы междунардн. научн.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, стр. 264–269). Санкт-Петербург.
- Макеева, И. С. (2017). *Уголовная ответственность за преступления экстремисткой направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук*. Омск.
- Подвойская, М. В. (2022). Роль подразделений ОВД в противодействии незаконной миграции. В *Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: сборник материалов междунардн. научн. практ. конф.* (Санкт-Петербург, стр. 169–174). Санкт-Петербург.
- Филипенко, Е. В., Витольник, Г. А. (2023). Возможности общеобразовательных организаций в профилактике молодежно-подросткового экстремизма. *Человеческий капитал*, 3, 187–193.

References

- Bavsun, M. V. (2015). Vliyanie faktorov geopoliticheskogo haraktera na izmenenie ugovovno-pravovoj politiki gosudarstva. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 9 (3), 483–493.
- Gerasimenko, N. I. (2020). Osobennosti ispol'zovaniya seti internet pri rassledovanii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti. *Penitenciarnaya nauka*, 14 (3), 388–393. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393>
- Glazkova, L. V. (2021). Prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti sovershaemye s ispol'zovaniem sfery telekommunikacij i komp'yuternoj informacii. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 16 (12), 167–170.
- Bastrykin, A. I., Kirilenko, V. P., Hlutkov, A. D., Shamahov, V. A. (2023). *Global'nyj indeks ekstremizma: monografiya*. Saint Petersburg: IPC SZIU RANHiGS.
- Ilakavichus, M. R. (2023). Pedagogicheskaya profilaktika ksenofobii i ekstremizma v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovaniya. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: materialy mezhdunarodn. nauchn.-prakt. konf.* (Sankt-Peterburg, str. 264–269). Saint Petersburg.

- Makeeva, I. S. (2017). *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti, posyagayushchih na osnovy konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk.* Omsk.
- Podvojskaya, M. V. (2022). Rol' podrazdelenij OVD v protivodejstvii nezakonnoj migracii. V *Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya: sbornik materialov mezhdunarodn. nauchn. prakt. konf.* (Sankt-Peterburg, str. 169–174). Saint Petersburg.
- Filipenko, E. V., Vitol'nik, G. A. (2023). Vozmozhnosti obshcheobrazovatel'nyh organizacij v profilaktike molodezhno-podrostkovogo ekstremizma. *Chelovecheskij kapital*, 3, 187–193.

Информация об авторах:

Максим Викторович Бавсун – заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор.

Илья Сергеевич Ильин – заместитель начальника полиции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по оперативной работе, доктор юридических наук, доцент.

About the authors:

Maksim V. Bavsun – Deputy Head of St. Petersburg University of the MIA of Russia (for scientific work), Doctor Sci. (Jurid.), Professor

Ilya S. Ilyin – Deputy Chief of Police of the Main Directorate of the MIA of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region for operational work, Doctor Sci. (Jurid.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.06.2024

Одобрена после рецензирования 10.07.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted Juny 13, 2024

Approved after reviewing July 10, 2024

Accepted July 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-301-319

Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2024) (аналитический обзор международной научно-практической конференции)

Антон Алексеевич Рожков

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Аннотация

В статье представлен обзор научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2024), которая посвящена памяти советского ученого-психолога, доктора психологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева. В ходе конференции были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Узбекистан по проблемам совершенствования морально-психологического обеспечения правоохранительной деятельности; были обсуждены вопросы перспектив и направлений развития юридической психологии, криминализации личности и механизма формирования преступного поведения, причины и условия, способствующие развитию девиантного поведения в социальных группах подростков и молодежи, риски развивающегося цифрового общества, информационные угрозы и необходимость обеспечения информационно-психологической безопасности личности, управление рисками насилия, актуальные проблемы проведения различных видов судебно-психологических экспертиз, применение методов психологии в целях выявления преступных замыслов, прогнозирования преступного поведения в системе комплексной безопасности, особенности профессионального психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в том числе к действиям в особых условиях, оказание психологической помощи сотрудникам и членам их семей, обеспечение профессионального здоровья сотрудников. Конференция является знаковым международным научно-представительским мероприятием, которое позволяет на протяжении нескольких лет объединять усилия ученых, представляющих различные министерства и ведомства Российской Федерации и иностранных государств, в научном обеспечении решения правоохранительных задач.

Ключевые слова

морально-психологическое обеспечение правоохранительной деятельности, девиантное поведение, криминализация личности, информационно-психологическое воздействие

Для цитирования: Рожков, А. А. (2024). Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2024) (аналитический обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 301–319. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-301-319.

Conference reviews

Actual problems of law enforcement psychology: concepts, approaches, technologies (Vasiliev Readings – 2024) (analytical review of the international scientific-practical conference)

Anton A. Rozhkov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Abstract

The article presents a review of the scientific and practical conference “Actual problems of law enforcement psychology: concepts, approaches, technologies” (Vasiliev Readings –2024), which was devoted to the memory of the Soviet scientist-psychologist, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation Vladislav Leonidovich Vasiliev. During the conference the results of the researches of scientific communities of the Russian Federation, the Kyrgyz Republic, the Republic of Belarus, the Republic of Bulgaria, the Republic of Uzbekistan on the problems of improvement of moral and psychological support of law enforcement activity were presented. The issues of prospects and directions of development of legal psychology, criminalisation of personality and the mechanism of formation of criminal behaviour, causes and conditions contributing to the development of deviant behaviour in social groups of adolescents and youth, risks of the developing digital society, information threats and the need to ensure information-psychological security of personality, management of risks of violence, actual problems of conducting various types of forensic-psychological examinations, application of psychology methods to detect criminal intentions and predict criminal behaviour in the system of comprehensive security; the peculiarities of professional psychological selection of candidates for service in law enforcement agencies; areas of improving the professional training of law enforcement officers, including for actions in special conditions; the provision of psychological assistance to officers and members of their families; and ensuring the professional health of officers were discussed. The conference is a significant international scientific-representative event, which allows for several years to unite the efforts of scientists representing various ministries and departments of the Russian Federation and foreign countries in the scientific support of law enforcement tasks.

Keywords

moral-psychological support of law enforcement activity, deviant behaviour, criminalisation of personality, information-psychological impact

For citation: Rozhkov, A. A. (2024). Actual problems of law enforcement psychology: concepts, approaches, technologies (Vasiliev Readings – 2024) (analytical review of the international scientific-practical conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 301–319. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-301-319.

26-27 апреля 2024 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2024)», которая была проведена в рамках реализации приоритетного профиля подготовки университета «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». Организаторами конференции являлись учебно-научный комплекс по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел и научно-исследовательский отдел Санкт-Петербургского университета МВД России.

Конференция проходила в очном и заочном форматах. В ней приняли участие более 150 ученых научных и образовательных организаций правоохранительных органов Российской Федерации и иностранных государств, более 100 адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций различной ведомственной принадлежности.

Иностранцами участниками являлись представители Академии МВД Республики Беларусь, Центра повышения квалификации и переподготовки кадров МВД Республики Беларусь, Академии МВД Республики Болгария, Полицейской академии МВД Азербайджанской Республики, сотрудники МВД Кыргызской Республики.

Важное значение для определения актуальных направлений научного обеспечения правоохранительной деятельности и их обсуждения при проведении конференции имело участие сотрудников Главного управления по работе с личным составом МВД России, Управления медицинского обеспечения Департамента тыла МВД России, территориальных органов МВД России и сотрудников других силовых ведомств.

В рамках конференции состоялись пленарное заседание, мастер-классы и круглый стол, а также была организована выставка специального оборудования, используемого психологами правоохранительных органов.

Цель, которую ставили перед собой организаторы мероприятия, заключалась в обмене мнениями и взглядами между учеными и практиками по актуальным проблемам юридической психологии и психологии безопасности, психологии правоохранительной деятельности, по вопросам совершенствования морально-психологического обеспечения деятельности в силовых ведомствах Российской Федерации и иностранных государств. Ожидаемыми результатами являлись расширение и укрепление международного и межведомственного научного сотрудничества, объединение усилий в решении общих задач в области совершенствования системы морально-психологического обеспечения служебной деятельности.

В рамках конференции широкое обсуждение получили вопросы перспектив и направлений развития юридической психологии, криминализации личности и механизма формирования преступного поведения, причины и условия, способствующие развитию девиантного поведения в социальных группах подростков и молодежи, риски развивающегося цифрового общества, информационные угрозы и необходимость обеспечения информационно-психоло-

гической безопасности личности, управление рисками насилия, актуальные проблемы проведения различных видов судебно-психологических экспертиз, применение методов психологии в целях выявления преступных замыслов, прогнозирования преступного поведения в системе комплексной безопасности (профайлинг), особенности профессионального психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в том числе к действиям в особых условиях, оказание психологической помощи сотрудникам и членам их семей, обеспечение профессионального здоровья сотрудников.

С приветственным словом выступил заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе) доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник полиции Бавсун Максим Викторович. В своем вступительном слове он подчеркнул, что «Васильевские чтения» стали традиционным, знаковым и желаемым научным событием для ведущих ученых в области психологии и педагогики. «Университет является центральной площадкой в России для научного обсуждения вопросов морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел и выработки практических решений, что еще раз подчеркивает его лидирующие позиции по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел»». Максим Викторович обратил особое внимание на широту географии участников научно-практической конференции и поблагодарил представителей дружественных делегаций Министерств внутренних дел Республик Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Кыргызстана, Узбекистана, а также представителей всех регионов Российской Федерации за участие в столь значимом научном событии.

В первый день конференции была организована выставка специального оборудования, используемого психологами правоохранительных органов: рабочее место полиграфолога, Комплекс сенсорной переработки информации СИГВЕТ-MSPI, Комплекс для оценки и тренинга психофизиологической совместимости СИГВЕТ-КОМАНДА, Устройство психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог», когнитивный тренажёр (операторов беспилотных летательных аппаратов) CLEVER BALLS и выставка современных научных и учебных изданий в области психологии. Любой участник конференции мог ознакомиться с оборудованием и его возможностями, пройти процедуру диагностики и получить экспресс-результаты. Выставка стала новой формой презентации научных достижений в рамках конференции и вызвала живой интерес у ее участников.

На пленарном заседании конференции, в первый день ее проведения, с докладами выступили такие именитые ученые и представители профессионального сообщества, как: Духновский Сергей Витальевич, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент; Енгальчев Вали Фатехович, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государствен-

ного университета имени К. Э. Циолковского, доктор психологических наук, профессор; Богдасаров Юрий Владимирович, главный специалист – врач организационно-методического отдела управления медицинского обеспечения Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России; Злоказов Кирилл Витальевич, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат психологических наук, доцент; Добряков Игорь Валерьевич, старший научный сотрудник научно-организационного отделения Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева Минздрава России, психиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент; Петров Георги Добрев, почетный преподаватель Академии МВД Республики Болгария и педагогического факультета Софийского университета «Св. Климент Охридский», профессор, доктор педагогических наук; Горьковая Ирина Алексеевна, заведующий кафедрой психосоматики и психотерапии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета Минздрава России, доктор психологических наук, профессор.

Тематика выступлений была посвящена вопросам охраны и сохранения психического здоровья у сотрудников правоохранительных органов, профилактике у них заболеваний; диагностике утомленности сотрудников; факторам, порождающим неудовлетворенность деятельностью полиции; причинам и условиям криминализации личности; видам насилия в подростковых и взрослых коллективах; оценке суицидального риска у подростков с девиантным поведением.

Профессор С. В. Духновский в своем докладе на тему «Когнитивная утомленность сотрудника органов внутренних дел: составляющие и оценка» познакомил аудиторию с результатами собственного эмпирического исследования, изложил выявленные универсальные индикаторы утомленности, которые легли в основу разработки методики оценки уровней (глубины) утомленности как проявления тонического состояния риска, отражающегося в когнитивной сфере (мышлении, памяти и внимании) субъекта трудовой деятельности и выражающегося в снижении его работоспособности (Духновский, 2024).

С. В. Духновский предложил использовать разработанную диагностическую методику при изучении закономерностей и оценки поведения сотрудников правоохранительных органов в процессе консультационной работы, профилактики у них профессионального выгорания и профессиональной деформации.

Профессор В. Ф. Енгальчев выступил с докладом «Требования к организации допроса несовершеннолетних лиц в Германии, Швейцарии и Австрии и их значение для практики судебной психологической экспертизы достоверности показаний» и предложил научному сообществу обсудить результаты исследования, проведенного им совместно с О. В. Александровой (Александрова, 2024). Он познакомил аудиторию с опытом Германии, Швейцарии и Австрии, признающих результаты судебной психологической экспертизы достоверности показаний с Statement Validity Assessment в качестве допустимого вида доказательства. Изученный исследователями экспертный опыт оценен ими как положительный, так как его применение при допросе несовершеннолетних жертв преступлений позволяет учитывать психологические

особенности соответствующей возрастной группы, является необходимой предпосылкой организации щадящих условий участия несовершеннолетних в следственных действиях на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства, позволяет минимизировать число допросов и снизить травматический опыт жертв преступлений.

Врач-психиатр Ю. В. Богдасаров в докладе на тему «Актуальные проблемы охраны психического здоровья сотрудников органов внутренних дел в условиях современных геополитических вызовов», описывая клинический опыт работы, указал, что в условиях современных геополитических вызовов, включая несение сотрудниками правоохранительных органов службы в особых правовых режимах, отмечается рост психических расстройств среди сотрудников (Иванов, Богдасаров, Шаповал, 2024). В структуре психических заболеваний преобладают невротические (84,8%) и органические (10,8%) расстройства. Замечена тенденция избегания сотрудниками активных обращений за психологической и психиатрической помощью, по причине связывания ее с проявлением собственной слабости и необходимости сохранения «личной героизации». Таким образом, проблема выявления латентной психопатологии возрастает и требует инновационных концептуально-методических подходов, а также организационных решений, отвечающих современным трендам развития медицинской и психологической науки.

В целях решения обозначенной проблемы Ю. В. Богдасаров предложил учесть существующий опыт Минздрава России по созданию новой организационной структуры для оказания психиатрической помощи – центров психического здоровья и распространить его на систему медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. На центры психического здоровья им предложено возложить проведение массовых психодиагностических обследований сотрудников органов внутренних дел, накопление единых электронных баз данных и ведение виртуальных «паспортов» профессионального психического здоровья сотрудников. В качестве диагностического инструментария рекомендовано использовать автоматизированную экспертно-диагностическую систему для оценки (скрининга), прогнозирования, мониторинга и макропсихологических исследований профессионального психического здоровья «Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс»».

Одной из существенных проблем, ограничивающих развитие организационной структуры оказания психиатрической (психолого-психиатрической) помощи, на которую указал Ю. В. Богдасаров, является отсутствие в системе МВД России специализированного ведомственного научно-исследовательского подразделения, по примеру Центральной психофизиологической лаборатории МВД СССР, которое следует возрождать в форме создания научно-исследовательского центра (отдела) исследования проблем профессионального психического здоровья сотрудников органов внутренних дел.

Доцент К. В. Злоказов выступил с докладом на тему «Прогноз рецидива на основе анализа отношений криминогенной личности к социальному окружению», изложил авторское видение инструментов, которые должны лечь в основу прогнозирования рецидива преступности. Им отмечено, что используемые в настоящее время в практике прогнозирования рецидива преступности

инструменты не позволяют решать данную задачу. Доля рецидивной преступности в общей совокупности совершенных преступлений на протяжении длительного времени не изменяется, ее структура сохраняется (Злоказов, 2024).

Стремясь повысить точность предсказания рецидива, исследователи интегрируют различные научные подходы, объединяя выявленные показатели в комплексы, которые охватывают разнородные категории социального функционирования криминогенной личности, ее антиобщественное поведение на разных этапах криминализации, индивидуально-психологические особенности и отношения к разным сторонам взаимодействия с обществом. Однако в показатели прогноза рецидива не были включены субъективные представления криминогенной личности. К. В. Злоказов предлагает дополнить методологию прогноза, и включить данный элемент, так как субъективные представления криминогенной личности находят выражение в ее отношении к социальному окружению, которое является высоко значимым сегментом общества для жизнедеятельности криминогенной личности и выступает необходимым условием ее правопослушного поведения в будущем.

Доцент И. В. Добряков в своем докладе на тему «Буллинг, моббинг, колумбайн в детских, подростковых и взрослых коллективах» справедливо отметил, что наблюдаемые нами противоречия в социальной трансформации общества являются следствием смены эпохи модернизма на эпоху постмодернизма, «при этом старые нормы перестали действовать, а новые еще не установились, старые ценности девальвировались, а новые находятся в процессе формирования». Возникла размытость границ допустимого поведения, что, несомненно, отразилось на воспитании детей

и подростков, а также их психическом состоянии. Проблема, по мнению И. В. Добрякова, усугубляется дезорганизацией, дисфункциональностью социальных институтов, протяженными во времени нарушениями социальных связей и взаимодействий между ними. Отмечен рост базальной тревоги у различных социальных групп, который приводит к повышенному уровню ауто- и гетероагрессии у населения. Растет количество подростков, принадлежащих к различным молодежным субкультурам, отрицающим сложившиеся в обществе нормы морали и нравственности. Пропаганда таких идей формирует и провоцирует подростков на жестокие поступки.

Анализ практики массовых убийств в мире позволил выявить взаимосвязи между колумбайном, буллингом и моббингом. Часто лицо, совершившее массовое убийство, подвергалось в прошлом буллингу и моббингу. Таким образом, первичной профилактикой колумбайна является предупреждение ситуаций буллинга и моббинга, психологическая работа с проблемными социальными группами, с буллерами и жертвами. Значимыми условиями профилактики девиантного поведения среди детей и взрослых является создание привлекательных и доступных условий для досуга; создание и обеспечение доступности медико-психологической службы для детей, подростков и их родителей, на которую возложены обязанности по профилактике колумбайна, буллинга, моббинга и других форм девиантного поведения.

Профессор Г. Д. Петров выступил с докладом на тему «Основные факторы, порождающие неудовлетворенность деятельностью полиции в Республике Болгария». В своем очень

эмоциональном приветственном обращении к гражданам России он подчеркнул незыблемость принципов мира и дружбы между народами, так как они заложены в природе человечества, и выразил уверенность в том, что все конфликты когда-то заканчиваются, а научная мысль и ее обсуждение этому способствуют во все времена. Переходя к основному содержанию доклада, Г. Д. Петров отметил, что кадровые проблемы, с которыми столкнулись в настоящее время МВД Болгарии и МВД России, имеют одинаковые признаки. Отмечается нежелание молодых людей служить в полиции из-за высокого риска личной безопасности и невысокого уровня социальных гарантий. Подрастающее поколение является более прагматичным в сравнении с предшествующими поколениями и желает получать «более достойное вознаграждение» за риски, связанные с профессией. Реформы, которые несколько лет проводились в отношении МВД Болгарии, направленные на снижение расходов на содержание государственного аппарата, привели также к росту коррупции и развитию коррупционных схем. В целях исправления ситуации им предложено бороться с причинами ее возникновения, а не со следствиями, использовать опыт других государств и советское наследие.

Профессор И. А. Горьковая в докладе на тему «Особенности суицидального риска у подростков с девиантным поведением» изложила результаты эмпирического исследования, выполненного совместно с профессором А. В. Микляевой, и отметила, что в психологической науке и социальной практике не прекращается поиск детерминант суицидального риска у подростков. Она привела ряд исследований, в которых доказывается прямая взаимосвязь высокого суицидального риска с выраженностью проявлений девиантного поведения у подростков на фоне сниженного уровня психической адаптации с правосторонней латерализацией головного мозга; с проблемами самопринятия и эмоционального дискомфорта; с низкими показателями самооценки; с нарушениями сферы общения, особенно с переносом коммуникаций из реальности в виртуальное пространство во время выраженных эмоциональных переживаний вследствие неразделенной любви, комплекса внешности, отсутствия родительского внимания и другие. Представляя результаты собственного исследования, И. А. Горьковая познакомила научное сообщество с интересными научными выводами: встречаемость комплекса «неполноценности» у подростков с девиантным поведением распределилась практически равномерно – 48 % подростков с комплексом «неполноценности» и 52 % подростков без комплекса «неполноценности»; статистически значимых связей между показателями самооценки и показателями суицидального риска у подростков с девиантным поведением не выявлено вне зависимости от факта наличия или отсутствия комплекса «неполноценности». Таким образом, сделан обобщенный вывод о том, что к перспективам исследования данной проблемы следует отнести расширение методического аппарата, а именно поиск и апробация методик и программ превенции риска суицидального поведения у подростков.

Во второй день конференции на пленарном заседании с докладами выступили: Ершов Евгений Владимирович, начальник группы по работе с личным составом Управления специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Таганова Анна Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент; Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук; Морозов Александр Владимирович, главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, академик (действительный член) Международной академии психологических наук, доктор педагогических наук, профессор; Гайнуллина Айгуль Вильевна, доцент кафедры общей психологии Высшей школы психологии и педагогики Уфимского университета науки

и технологий, кандидат психологических наук, доцент; Максимчук Максим Вячеславович, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний; Енгальчев Вали Фатехович, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, доктор психологических наук, профессор; Шаповал Валентин Анатольевич, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

Тематика выступлений была посвящена вопросам противодействия информационно-психологическому оружию в условиях современной гибридной войны; причинности появления микроагрессий у людей; подготовки специалистов в области профайлинга; профессиональной лояльности сотрудников правоохранительных органов; профессионального выгорания у сотрудников, его профилактики и сбережении профессионального здоровья; активизации памяти в оперативно-следственной деятельности.

Специалист в области информационной безопасности Е. В. Ершов предложил обсудить актуальную для правоохранительных органов проблему защиты общества и правоохранительных органов от информационно-психологического оружия. Он выступил с докладом на тему «Противодействие информационно-психологическому оружию в условиях современной гибридной войны». В условиях гибридных войн, указал Евгений Владимирович, значение информации как стратегического национального ресурса значительно возрастает. Возрастает и потенциальная уязвимость общественных процессов перед информационно-психологическим воздействием как орудием необъявленной войны. Главной целью такого орудия является воздействие на мировоззрение, ценности, жизненные позиции, ориентиры, установки сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итог в своем докладе, Е. В. Ершов предложил комплекс мероприятий по противодействию информационно-психологическому оружию в условиях современной гибридной войны и повышению информационно-психологической устойчивости личного состава органов внутренних дел.

Профессор А. А. Таганова в ходе своего выступления на тему «Подготовка специалистов в области профайлинга: опыт и перспективы» предложила изменить подход к применению технологии профайлинга как превентивного метода обеспечения безопасности на объектах гражданской инфраструктуры, а также поделилась опытом подготовки специалистов в рамках данного подхода в Краснодарском университете МВД России (Таганова, 2024). Она указала, что основным механизмом предотвращения общественно опасного деяния в профайлинге является понимание возможной модели действий потенциального опасного лица (группы лиц), которая включает в себя понимание, кто именно, каким образом, какие цели преследует и какие пути и способы реализации выбирает. Данная модель основана на анализе ключевых признаков ранее выделенных при раскрытии совершенных террористических актов. Но правоприменительная практика показывает вариативность совершения террористических актов и постоянное совершенствование их способов. Эти факторы необходимо учитывать при подготовке специалистов-профайлеров и совершенствовать процесс их профессиональной подготовки.

Доцент Н. В. Мешкова в докладе на тему «Микроагрессия и предубежденность: связь и взаимодействие» представила результаты исследования микроагрессии как антисоциальной креативности в зависимости от социально-политического контекста, проводимого в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236/> (Мешкова,

Ениколопов, 2024). Исследование проводилось в 2023 г. в контексте нарастающего количества зарубежных санкций в отношении России и в условиях специальной военной операции. Данный контекст дает возможность выбрать в качестве мишеней предубежденности и неприязни представителей стран, являющихся участниками данного социально-политического контекста. Для эмпирического исследования авторами исследования были разработаны сценарии для диагностики предубежденности с помощью метода Real Word Devirgent tasks (RWDT): респондентам предлагалось придумать как можно больше оригинальных идей поздравить американца или украинца с днем рождения. В данном случае оценить наличие неприязни или предубежденности к предлагаемым объектам можно по идеям с негативной коннотацией в просоциальной ситуации. Также использовались опросники «NEO-FFI» (в адаптации В. Орла, И. Сенина), BRAQ-24, опросник «Индекс толерантности» (Солдатова и др.). В опроснике «Индекс толерантности» (Солдатова и др.) особый интерес представляла субшкала «Этническая толерантность», выявляющая отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия.

В результате исследования было установлено, что молодежь, внимательно следящая и интересующаяся политической обстановкой в стране и мире, отличается низким уровнем предубежденности и микроагрессии в отношении мишени, являющейся участником угрожающего контекста в условиях специальной военной операции, в отличие от молодежи, не имеющей интереса к текущему социо-политическому контексту. В представленном случае можно утверждать, что сведения, получаемые из официальных СМИ, создают более уравновешенный образ противника, не вызывающий ненависть и предубежденность.

Профессор А. В. Морозов выступил с докладом на тему «К проблеме профессионального здоровья и профессионального выгорания сотрудников правоохранительных органов» и изложил результаты собственного исследования проблемы сохранения и поддержания профессионального здоровья сотрудников правоохранительных органов в контексте профилактики профессионального выгорания в процессе служебной деятельности (Морозов, 2024). Он выделил три главных признака синдрома профессионального выгорания: истощение, личностная отстранённость, ощущение утраты собственной эффективности, или падение самооценки. Им был предложен ряд мероприятий, направленных на профилактику обозначенной проблемы: психологическая помощь сотрудникам и их обучение эффективной коммуникации, обеспечение разнообразия служебных задач в рамках выполняемых должностных обязанностей, обучение сотрудников эффективно управлять своим временем и задачами, создание поддерживающей социальной среды, обучение методам управления стрессом, поддерживать и стимулировать карьерное развитие сотрудников, мониторинг уровня выгорания среди сотрудников, анализ причин, способствующих этому процессу, обеспечение свободного доступа любого сотрудника к обращению за психологической помощью, соблюдение баланса работы и личной жизни, снижение конфликтности в подразделении, развитие ориентации на здоровый образ жизни.

Профессор В. Ф. Енгальчев в своем докладе на тему «Методы активизации памяти в оперативно-следственной деятельности: возможности и ограничения» изложил проблему привлечения специалистов и выбора

методов по активизации памяти свидетелей и потерпевших при оказании практической помощи в раскрытии и расследовании преступлений (Енгальчев, Макаревская, Хабалев, 2024). Им были описаны преимущества и ограничения использования методов: гипнорепродукция, нейролингвистическое программирование, когнитивное интервью, метод психомоторного синтеза.

Делясь практическим опытом, В. Ф. Енгальчев сделал заключение о том, что названные методы активизации памяти показывают свою эффективность на практике даже в условиях давности расследуемых событий и обстоятельств. Это возможно только при соблюдении всех требований и рекомендаций, сформулированных по отношению к процедуре данных, составляющих оперативно-следственные мероприятия. Несоблюдение требований и рекомендаций могут привести к искажению аналитических выводов процедуры активизации памяти, подмене фактов ожидаемым результатом со стороны психолога или следователя, или даже фальсификации, когда путем якобы использования методов прикладной психологии в действительности легализуются результаты оперативной деятельности.

Доцент О. А. Гиннатулина выступила с докладом на тему «Любовь к деятельности как компонент профессионального здоровья». Само озвучивание темы о любви с трибуны докладчиком вызвало оживленную дискуссию среди модераторов конференции и аудитории, так как говорить о любви даже в профессиональном сообществе всегда приятно (Гиннатулина, 2024). В качестве методологической основы озвученных положений О. А. Гиннатулина использовала положения об общей теории любви Э. Фромма, а содержательная часть выступления была посвящена проблеме уважения преподавателя к обучающимся (проявлению профессиональной любви), поиску причин зрелости и незрелости этого процесса.

Молодой исследователь М. В. Максимчук выступил с докладом на тему «Педагогическая профилактика синдрома эмоционального (профессионального) выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы» (Максимчук, 2024). В ходе своего выступления он изложил признаки развития эмоционального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы: в начале службы сотрудники равнодушны, мотивированы, увлечены работой, инициативны, активны; со временем сотрудники начинают испытывать устойчивое ощущение усталости, безынициативности, утомляемости, пассивности, опустошения, индифферентности, переутомления, слабой мотивации; после эмоциональное истощение проявляется как на работе, так и в быту, в личной жизни. М. В. Максимчуком были представлены симптомы (признаки) деперсонализации у сотрудников уголовно-исполнительной системы: личностная отстраненность, снижение эмпатии к осужденным и коллегам, эмоциональная холодность, снижение интереса к людям и профессиональным задачам, а также симптомы (признаки) редукции персональных достижений у сотрудников УИС: снижение самооценки, неверие в себя как в профессионала, отсутствие мотивации к карьерному развитию, разочарование в профессии.

В систему профилактики эмоционального выгорания им было предложено включить мероприятия нескольких уровней: организационно-управленческую профилактику и коррекцию, психологическую профилактику и коррекцию, педагогическую профилактику и коррекцию, самопрофилактику и самокоррекцию сотрудников.

Профессор В. А. Шаповал в докладе на тему «Психодиагностические критерии эффективности психологической реабилитации комбатантов» отметил, что существует несколько вариантов реагирования на травматизацию боевой обстановки. Выбор способа зависит от предварительной профессиональной подготовленности комбатантов. Психологическая реабилитация комбатантам в любом случае нужна, а выбор способов оказания психологической помощи будет зависеть от продолжительности «проживания» ими боевой психотравмы и остроты пе-

реживания. Наиболее перспективным направлением в исследовании психического здоровья комбатантов, по мнению В. А. Шаповала, является психодинамический подход, позволяющий определить его психодинамические (т. е. укорененные в сфере бессознательного) протекторы, а также предикторы подверженности негативному психотравматическому воздействию. В рамках данного подхода разработана авторская концепция профессионального психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел, а также автоматизированная экспертная психодиагностическая система его оценки, прогнозирования и мониторинга в условиях массовых психопрофилактических обследований. Основные положения данной концепции и экспертной психодиагностической системы были продолжены для обсуждения аудитории и получили одобрение в процессе дискуссии.

В ходе двух дней конференции были проведены мастер-классы и круглые столы.

Были проведены круглый стол «Актуальные психолого-педагогические проблемы правоохранительной деятельности: взгляд молодых ученых» и мастер-классы:

«Методика СОЧ(И) (структура образа человека (иерархическая)) В. Л. Ситникова как инструмент качественной диагностики в ходе индивидуального консультирования и анализа психологического климата коллектива»;

«Искусственный интеллект и дезинформация, психологическая природа их «союза» и пути противодействия новым способам влияния на сознание личного состава органов внутренних дел»;

«Профайлинг: визуально-когнитивный подход»;

«Противодействие информационно-психологическому оружию в условиях современной гибридной войны»;

«Основные направления и формы научно-исследовательской работы курсантов»;

«Обеспечение мировоззренческой безопасности сотрудников органов внутренних дел в условиях современных ментальных войн и идеологием общественного развития»;

«Диагностика риска криминализации молодежи на основе анализа отношений к социальному окружению».

Круглый стол на тему «Актуальные психолого-педагогические проблемы правоохранительной деятельности: взгляд молодых ученых» был организован и проведен Бородавко Леонидом Трофимовичем, председателем диссертационного совета 03.2.008.01, созданного на базе Санкт-Петербургского университета МВД России, профессором кафедры физической подготовки и прикладных единоборств университета, доктором педагогических наук, доцентом. В круглом столе приняли участие адъюнкты, слушатели и курсанты образовательных организаций МВД России. Адъюнкты имели возможность на международном уровне выступить с докладами по тематике своих диссертационных исследований, обсудить промежуточные результаты диссертаций в авторитетном научном сообществе, услышать критические замечания и получить ценные указания. Слушатели и курсанты были свидетелями научных баталий и приобрели опыт участия в научных дискуссиях. Такая непринужденная форма обсуждения результатов научных исследований способствует повышению качества выполняемых диссертационных исследований и мотивирует выпускников образовательных организаций МВД России на поступление в адъюнктуру.

Мастер-класс «Методика СОЧ(И) (структура образа человека (иерархическая)) В.Л. Ситникова как инструмент качественной диагностики в ходе индивидуального консультирования и анализа психологического климата коллектива» был организован и проведен Ситниковым Валерием Леонидовичем, профессором кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России,

индивидуального психологического консультирования и при оценке социально-психологического климата в коллективе.

доктором психологических наук, профессором, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженным работником высшей школы Российской Федерации. Целевой аудиторией мастер-класса являлись психологи правоохранительных органов. В ходе данного мероприятия участники конференции, выполняя задания ведущего, познакомились процедурой проведения новой для себя диагностической методики. Валерий Леонидович прокомментировал особенности применения данной методики в ходе исторических наук, профессором. В процессе мастер-класса участники конференции на начальном для себя уровне научились узнавать признаки искусственно распространяемой ложной информации, фейковых новостей общегражданского характера, новостей о силовых структурах, в том числе с целью завладения личной информацией о сотрудниках; обнаруживать в сети Интернет характерные признаки искусственно созданных профилей, сообщений ботов и участников «бото-ферм»; обнаруживать подложные данные «дип-фейки» с целью совершения в отношении граждан мошенничества; познакомились с изобразительными возможностями искусственного интеллекта.

Мастер-класс «Искусственный интеллект и дезинформация, психологическая природа их «союза» и пути противодействия новым способам влияния на сознание личного состава органов внутренних дел» был организован и проведен Чимаровым Сергеем Юрьевичем, профессором кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктором исторических наук, профессором. В процессе мастер-класса участники конференции на начальном для себя уровне научились узнавать признаки искусственно распространяемой ложной информации, фейковых новостей общегражданского характера, новостей о силовых структурах, в том числе с целью завладения личной информацией о сотрудниках; обнаруживать в сети Интернет характерные признаки искусственно созданных профилей, сообщений ботов и участников «бото-ферм»; обнаруживать подложные данные «дип-фейки» с целью совершения в отношении граждан мошенничества; познакомились с изобразительными возможностями искусственного интеллекта.

Мастер-класс «Профайлинг: визуально-когнитивный подход» был организован и проведен Духновским Сергеем Витальевичем, профессором кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктором психологических наук, доцентом, совместно со Злоказовым Кириллом Витальевичем, начальником научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидатом психологических наук, доцентом. Целевой аудиторией мастер-класса являлись сотрудники правоохранительных органов, чьи должностные обязанности связаны с выявлением лиц, вынашивающих преступные замыслы.

В процессе мастер-класса ведущими были раскрыты особенности авторской визуально-когнитивной психотехники развития навыков профайлинга и ее прикладные аспекты.

На примере выполнения практических упражнений участники конференции приобрели компетенции в области определения, запоминания и воспроизведения лиц с психологическими характеристиками зависимости, виктимности, манипулятивности, лживости, а также познакомились со способами взаимодействия с ними.

Мастер-класс «Основные направления и формы научно-исследовательской работы курсантов» был организован и проведен Бережновой Людмилой Николаевной, профессором кафедры юридической психологии

учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктором педагогических наук, профессором, заслуженным работником высшей школы Российской Федерации. В мастер-классе приняли участие курсанты образовательных организаций МВД России. В ходе мероприятия они усвоили связи между различными категориями и понятиями научного исследования, расширили свои представления о методологии научного исследования и на практических примерах, по заданию ведущего, развили у себя компетенции по формулированию объекта, предмета, цели, гипотезы и задач исследования. Развитие данной компетенции формирует у курсантов навыки самостоятельной организации научного исследования и способствует повышению качества выполнения выпускных квалификационных (дипломных) работ и иных письменных работ в процессе обучения.

Мастер-класс «Диагностика риска криминализации молодежи на основе анализа отношений к социальному окружению» был организован и проведен Злоказовым Кириллом Витальевичем, начальником научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидатом психологических наук, доцентом. Целью мастер-класса являлась демонстрация участникам конференции возможностей изучения отношений молодежи к социальному окружению в целях оценки риска криминализации. Ведущим мастер-класса были описаны закономерности отношений к другим людям и группам, составляющим социальное окружение криминогенной личности, показана структура окружения на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности. Участникам на примере отдельных упражнений были продемонстрированы различия в отношениях к социальному окружению, свойственные лицам с разным уровнем криминализации, описаны функции социального окружения криминогенных лиц, раскрыто значение окружения на этапах уголовного преследования, отбывания уголовного наказания и реинтеграции в общество после освобождения.

Мастер-класс «Обеспечение мировоззренческой безопасности сотрудников органов внутренних дел в условиях современных ментальных войн и идеологием общественного развития» был организован и проведен Марченко Геннадием Викторовичем, профессором кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктором исторических наук, доцентом. Мастер-класс был направлен на обучение участников конференции приемам обеспечения мировоззренческой безопасности в условиях современных ментальных войн и идеологием общественного развития. Ведущий на практических примерах раскрыл

содержание мировоззренческих ценностей в исторической ретроспективе, а также описал особенности применения информационных нарративов и политических девизов в практике информационно-пропагандистской работы. Как положительный опыт проведения воспитательной работы с курсантами и слушателями им были описаны результаты исследовательской и организационной работы по увековечиванию памяти Михаила Даниловича Папченко, командира 21-й дивизии войск НКВД – защитников Урицкого рубежа обороны.

Мастер-класс «Противодействие информационно-психологическому оружию в условиях современной гибридной войны» был организован и проведен Ершовым Евгением Владимировичем, начальником группы по работе с личным составом Управления специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. В процессе мастер-класса ведущий ознакомил его участников с современными видами информационного оружия, раскрыл особенности его применения, на отдельных примерах показал возможности искусственного интеллекта по формированию информационного пространства для общества в целом и для отдельных социальных групп, описал механизм информационно-психологического воздействия на человека и группы людей. Важной составляющей мастер-класса было рассмотрение и обсуждение с аудиторией практики обеспечения информационно-психологической безопасности.

Мастер-классы и круглый стол были высоко оценены научной аудиторией как способы передачи успешного практического опыта в области морально-психологического обеспечения служебной деятельности, интересными и интерактивными формами проведения научно-представительского мероприятия с высоким уровнем эффективности.

Итоги конференции были подведены заместителем начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, кандидатом педагогических наук, доцентом Рожковым А. А., который поблагодарил всех ее участников и пригласил к дальнейшему сотрудничеству.

Рекомендации, принятые по итогам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2024)» были направлены на консолидацию усилий по повышению эффективности системы морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных государств и подготовку высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов. Важным итогом конференции явилось укрепление взаимодействия между Санкт-Петербургским университетом МВД России, международными, ведомственными научными и образовательными организациями России, Центральным аппаратом МВД России и его территориальными подразделениями в рамках реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом» и определение направлений и способов совершенствования психологической и воспитательной работы в правоохранительных органах.

Список литературы

- Александрова, О. В., (2024). Требования к организации допроса несовершеннолетних лиц в Германии, Швейцарии и Австрии и их значение для практики судебной психологической экспертизы достоверности показаний. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024)* (стр. 45–50). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Васильева, О. А. (2024). XII Балтийский юридический форум «Закон и порядок в третьем тысячелетии» (Калининград, 15 декабря 2023 г.). *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (75), 165–169.
- Гиннатулина, О. А. (2024). Любовь к деятельности как компонент профессионального здоровья. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024)* (стр. 167–171). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Духновский, С. В. (2024). Когнитивная утомленность сотрудника органов внутренних дел: составляющие и оценка. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024)* (стр. 207–212). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Енгальчев, В. Ф., Макаревская, Ю. Э., Хабалев, В. Д. (2024). Методы активизации памяти в оперативно-следственной деятельности: возможности и ограничения. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024)* (стр. 223–228). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Злоказов, К. В. (2024). Прогноз рецидива на основе анализа отношений криминогенной личности к социальному окружению. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024)* (стр. 280–285). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Иванов, Н. М., Богдасаров, Ю. В., Шаповал, В. А. (2024). Актуальные проблемы охраны психического здоровья сотрудников органов внутренних дел в условиях современных

- геополитических вызовов. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024) (стр. 314–321). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Максимчук, М. В. (2024). Педагогическая профилактика синдрома эмоционального (профессионального) выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024) (стр. 489–493). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мешкова, Н. В., Ениколопов, С. Н. (2024). Микроагрессия и предубежденность: связь и взаимодействие. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024) (стр. 509–512). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Морозов, А. В. (2024). К проблеме профессионального здоровья и профессионального выгорания сотрудников правоохранительных органов. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024) (стр. 538–544). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Рожков, А. А. (2023). Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2023) (аналитический обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 250–260. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-250-260>
- Ситников, В. Л., Духновский, С. В., Корзунин, В. А. (2023). Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел: подход к его реконцептуализации. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (97), 221–229. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-221-229>
- Таганова, А. А. (2024). Подготовка специалистов в области профайлинга: опыт и перспективы. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2024) (стр. 734–739). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Чимаров, С. Ю., Чимаров, Н. С., Бялт, В. С. (2022). Правовое содержание цифрового суверенитета России в контексте национальной парадигмы конституционализма. *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*, 4 (57), 31–34.

References

- Aleksandrova, (2024). Trebovaniya k organizacii doprosa nesovershennoletnih lic v Germanii, Shvej-carii i Avstrii i ih znachenie dlya praktiki sudebnoj psihologicheskoj ekspertizy dostovernosti pokazanij. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 46–51). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Vasil'eva, O. A. (2024). XII Baltijskij juridicheskij forum «Zakon i poryadok v tret'em tysyacheletii» (Kaliningrad, 15 dekabrya 2023 g.). *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (75), 165–169.

- Ginnatulina, O. A. (2024). Lyubov' k deyatel'nosti kak komponent professional'nogo zdorov'ya. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 170–174). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Duhnovskij, S. V. (2024). Kognitivnaya utomlennost' sotrudnika organov vnutrennih del: sostavlyayushchie i ocenka. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 211–216). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Engalychev, V. F., Makarevskaya, Yu. E., Habalev, V. D. (2024). Metody aktivizatsii pamyati v operativno-sledstvennoj deyatel'nosti: vozmozhnosti i ogranicheniya. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 527–533). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Zlokazov, K. V. (2024). Prognoz recidiva na osnove analiza otnosheniï kriminogennoï lichnosti k social'nomu okruzeniyu. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 286–291). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Ivanov, N. M., Bogdasarov, Yu. V., Shapoval, V. A. (2024). Aktual'nye problemy ohrany psihicheskogo zdorov'ya sotrudnikov organov vnutrennih del v usloviyah sovremennyh geopoliticheskikh vyzovov. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 320–328). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Maksimchuk, M. V. (2024). Pedagogicheskaya profilaktika sindroma emocional'nogo (professional'nogo) vygoraniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 500–504). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N. (2024). Mikroagressiya i predubezhdennost': svyaz' i vzaimodejstvie. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 520–523). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Morozov, A. V. (2024). K probleme professional'nogo zdorov'ya i professional'nogo vygoraniya sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Vasil'evskie chteniya – 2024) (str. 550–556). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Rozhkov, A. A. (2023). Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2023) (analiticheskij obzor mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (2), 250–260. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-2-250-260>
- Sitnikov, V. L., Duhnovskij, S. V., Korzunin, V. A. (2023). Social'no-psihologicheskij klimat v sluzhebnykh kolektivakh organov vnutrennih del: podhod k ego rekonceptualizatsii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (97), 221–229. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-221-229>

- Taganova, A. A. (2024). Podgotovka specialistov v oblasti profajlinga: opyt i perspektivy. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2024)* (str. 756–762). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Chimarov, S. Yu., Chimarov, N. S., Byalt, V. S. (2022). Pravovoe sodержanie cifrovogo suvereniteta Rossii v kontekste nacional'noj paradigmy konstitucionalizma. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii*, 4 (57), 31–34.

Информация об авторе

Антон Алексеевич Рожков – заместитель начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

About the author

Anton A. Rozhkov – Deputy Head of the Educational and Scientific Complex for the Study of the Problems of Personnel Work and Moral and Psychological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.06.2024

Одобрена после рецензирования 10.07.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted June 09, 2024

Approved after reviewing July 10, 2024

Accepted July 28, 2024

Якову Ильичу Гилянскому – 90 лет!

Известный отечественный учёный, криминолог, социолог, правовед Яков Ильич Гилянский родился в Ленинграде 16 июня 1934 года в семье врача-невропатолога, ученого, впоследствии фронтовика, доктора медицинских наук Ильи Яковлевича Гилянского. В 1952 году окончил 281 среднюю школу г. Ленинграда, затем, в 1957 году — с отличием юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса». В 1986 году защитил докторскую диссертацию по теме «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики)».

Трудовая деятельность Я.И. Гилянского началась с должности секретаря 7-го участка Октябрьского районного народного суда г. Ленинграда. Затем была адвокатская практика. В 1967 г.

он защищает кандидатскую диссертацию. С 1969 г. он переходит на научную работу в НИИ комплексных социальных исследований (НИКСИ) при ЛГУ и активно включается в исследовательскую деятельность. Из под его пера выходят первые социологические работы: «Отклоняющееся поведение как социальное явление» (1971), «Некоторые проблемы отклоняющегося поведения» (1971), «О системном подходе к преступности» (1980) и др. В этот период своей карьеры Яков Ильич впервые в стране проводит эмпирические исследования социальных феноменов самоубийства, пьянства, преступности и других негативных проявлений девиантности в контексте социально-экономических и демографических факторов. Он приобретает колоссальный опыт эмпирических исследований, закладывает основы отечественной школы социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) – науки, изучающей социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль). Отклонения от нормы является необходимым условием развития не только социума. Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы природа», а «порождения» природы не могут без девиации изменяться (развиваться). Я.И. Гилянский считает, что отсутствие девиаций в любой системе означает её стагнацию, а впоследствии и гибель, девиация является механизмом, обеспечивающим изменчивость системы, что девиантология в перспективе может стать более общей теорией девиаций в природе и обществе (на физическом, биологическом, социальном уровнях организации мироздания).

Яков Ильич сторонник минимизации запретов. Магистральный путь развития человечества Яков Ильич видит в увеличении, росте степеней свободы каждого индивида. Степень развития общества, помимо экономики, помимо производства и так далее, в значительной степени определяется тем, какова свобода человека в этом обществе. Есть две абсолютные ценности – жизнь и свобода. Чтобы жизнь была реализована, чтобы человек мог самоутвердиться, чтобы человек мог самореализоваться, ему нужна свобода для самоутверждения, для самореализации. Ни одну социальную проблему нельзя решить путем запретов и лишений, а только изменением тех социальных условий, которые порождают ту или иную проблему. Иногда сам запрет становится криминогенным фактором, порождает многочисленные теневые последствия, расширяет поле коррупции, организованной и экономической преступности, и понимание этого, казалось бы, должно способствовать совершенствованию и законодательства, и правоприменительной практики, и целенаправленному формированию правосознания населения, воспитанию толерантности.

Запретить рынок услуг – значит, отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций. Запретить рынок – значит, обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. Запретить рынок – значит, дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства».

Последние годы Яков Ильич настойчиво убеждает, что преступности в реальной действительности нет, так как нет такого явления, нет такого вида поведения, нет таких деяний, которые всегда, при всех условиях, по своему содержанию преступны. Поэтому единственная причина и преступности, и других нехороших вещей - проституции, наркотизма, смотря кто, что не любит – это воля конструктора, законодателя, общества, а в современном обществе – средств массовой информации.

Яков Ильич необычный человек. Себя он называет профессионалом, которого «всё время куда-то заносит». В годы перестройки он содействовал созданию Фонда «Ночлежка» для бездомных, помогал легализовать Фонд им. П. И. Чайковского. В исследовательских целях ходил на собрания общества наркоманов «Возрождение», встречался с членами организации «анонимные алкоголики», и даже был членом Транснациональной Радикальной партии.

Сегодня Яков Ильич Гишинский признанный учёный с мировым именем. Он автор более 500 научных публикаций и около 200 работ на иностранных языках. Им подготовлено 3 доктора и 15 кандидатов юридических наук. Юбиляр долгое время был заведующим кафедрой уголовного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и сегодня продолжает поддерживать творческие связи с кафедрой.

От души поздравляем Вас, дорогой Яков Ильич, с юбилеем и желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, приятных и новых впечатлений, талантливых учеников и научных достижений!

Коллектив юридического факультета РГПУ им. А. И. Герцена